

B38

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

170

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 170

III - 1994

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, В. Бибахин, Ю. Кублановский,
игум. Игнатий Крекшин, Д. Поспеловский,
К. Сигов, В.В. Бойков, П. Струве.

—
Ответственный редактор : Н.А. Струве

В Е С Т Н И К Р . Х . Д .

№ 170. В 1994 году выйдет только 2 выпуска

Условия подписки на эти 2 номера (с пересылкой) :

(Sea Mail) 200 фр.

(AIR MAIL) 250 фр.

Цена отдельного номера: 100 фр. (без пересылки)

Чр... MESSAGER »
Paris)

716 К/х

НИЯ
ICA-Press»

ACER,
nce

PRESS,
F.

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

170

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

Отпечатано в Христианском издательстве
117192 Москва, Мичуринский проспект, 1

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЦЕВСКАЯ Д. 2
ккв. 416

Copyright © Le Messenger. Paris 1994

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

От Редакции

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

50-летие кончины о. Сергия Булгакова ознаменовано двумя вехами возвращения его наследства на родину: в Москве вышел двухтомник его основных философских сочинений, среди которых впервые (!) в печати появляется его краеугольный, поворотный труд «Трагедия философии»; в Ливнах, небольшом городке Орловской губернии, где он родился, был крещен и получил начальное образование, открыта при Лицее (бывшем духовном училище) мемориальная комната его памяти.

В кратком вступительном слове перед учителями и старшеклассниками Ливенского лицея, мы имели случай сказать, что в объективной оценке Булгаков едва ли не самый крупный религиозный гений XX-го столетия не только в России, но и во всем мире.

Именно «религиозный гений». Как бы ни были ценны его социологические, философские, эстетические труды, Булгаков не имеет себе равных в богословском творчестве. Никто, быть может, со времен Фомы Аквината на Западе, Григория Паламы на Востоке не перепахал столь широко и глубоко все поле христианской догматики: Божья Матерь, Предтеча, Ангельский мир, Христос, Дух Святой, Церковь, Петр и Иоанн, икона, смерть, ни одна сторона христианского откровения и богочеловеческой жизни не остались вне его внимания. Причем богомыслие отца Сергия — не академическое упражнение при богатейшей эрудиции, оно целиком покоится на подлинном, личном богообщении и на пастырско-церковном опыте. «Все мое богословие, — любил говорить о. Сергий, — вышло из евхаристической чаши».

Отец Сергий старался проникнуть в последние тайны мироздания и спасения: его софиологическое

видение (или метод), восходящее к святоотеческой традиции Григория Нисского и Максима Исповедника (не без влияния немецкой мистики и философии) позволяло ему избежать всех редуций, упрощений христианской благой вести: юридических, возобладавших на Западе, моралистических, встречающихся в русском богословии.

Между Творцом и тварью, между небом и землей, несмотря на онтологическую бездну, нет непроходимой грани. Связь между Богом и человеком, сотворенным по Его подобию, не создал, а исполнил на земле Христос. Все богословие отца Сергия направлено на осмысление этой связи. Перед таким заданием, перед такой работой одухотворенной, молитвенной мысли жалким представляется невежественное критиканство, сопровождавшее становление богословских творений о. Сергия: не спор, не возражения по существу, в духе общего постижения непостижимой тайны, — о таком споре о. Сергий мечтал всю жизнь, — а отмахивание, окрик, огульные осуждения (неправославно и т.п.), впрочем обычные при всяком крупном явлении.

До суждения о богословии о. Сергия нужно еще дойти.

Если только есть будущее у Русской Церкви, то она несомненно, со временем, вберет в себя освежающую, животворящую новизну и силу богословского видения одного из величайших ее сынов.

Никита Струве

БОГОСЛОВИЕ — ФИЛОСОФИЯ

Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

О МОНАШЕСТВЕ

Я приступаю к беседе с большим внутренним трепетом, потому что, перечитывая службу пострига, с такой мучительной ясностью вижу, что после пятидесяти лет я еще не приступил к тому, что обещал когда-то, принимая монашество. Поэтому я буду говорить о том, что представляет собой монашество, помня, что человек от слов своих оправдывается и от слов своих осуждается, — и не только от слов, но и от жизни; помня, что знание только прибавляет нам ответственности и вновь и вновь требует от нас исправления, покаяния, вступления заново в ту жизнь, которую мы когда-то увидели перед собой и которую большей частью осуществить не сумели.

Говорить о монашестве в отрыве от размышления о браке невозможно. Я вскоре объясню, почему так, но это очень важно помнить, потому что иначе монашество представляется в Церкви как путь особенный и каким-то образом оторванный от самой сущности Церкви, будто он — не один из аспектов церковности, а исключение. Что это не так — легко себе представить, если задуматься над тем, как монашество зародилось, с чего оно началось.

Пока Церковь была гонимой, монашества в ней не было. Все верующие стояли перед угрозой пыток, смерти, мученичества. Если мы вспомним, что слово, которое мы переводим «мученичество», на греческом языке

Беседа в Успенском соборе Лондона 15 марта 1990 г.

значит «свидетельство» (которое может проявляться и в слове, и в красоте жизни, но и в готовности эту жизнь отдать во свидетельство Христу), то легко понять, что, когда прекратились гонения, перед Церковью стал вопрос о том, как идти героическим царским путем. Это стало особенно трудно тогда, когда Церковь не только перестала быть гонимой, но была принята Византийской империей, когда христианство стало верой императора — и, значит, его окружения, — которое следовало его примеру, не всегда следуя его обращению. В тот момент в Церковь влились толпы людей, которые слегка или даже с какой-то глубиной уверовали во Христа, но во время гонений в Церковь не вступали; которые были готовы войти в Церковь тогда, когда она стала «образом жизни», но не тогда, когда она была путем на Голгофу. Это исторически верно. Отец Георгий Флоровский говорил, что когда прекратилось мученичество, началось монашество: люди героического духа, которые не могли примириться с разжиженным, ослабленным христианством, стали уходить — не от мира, не от гонителей, не от язычников, а именно от христианской общины, которая одевалась и перестала быть Телом Христовым, распятым ради спасения мира, как, в ответ на мой вопрос, определил Церковь патриарх Алексий.* Они уходили в пустыню для того, чтобы бороться со всем злом, какое видели в себе, они шли на противоборство с бесовской силой, с человеческой немощью, они шли в пустыню для того, чтобы остаться лицом к лицу с собой и в себе побеждать зло, — не только ради себя самих, но ради всего мира, потому что зло, побежденное в одном человеке, уже уменьшено в масштабе всей вселенной. Так же как если человек зажжет хоть маленькую свечку во тьме вселенной, та становится чуть менее темной. Хотя, может быть, никто этого не замечает, эти лучи малого света пронизывают ее до предела.

И вот, люди уходили в пустыню, стояли перед Богом, углублялись в видение себя самих; и одновременно, через молитву, через внутренний подвиг, через

* Патриарх Алексий (Симанский; 1877–1970).

постоянное предстояние Живому Богу, они познавали все глубже и глубже своего Творца, своего Бога, своего Спасителя. И познавая Его, видя в Нем беспредельную красоту, совершенную, истинную правду, свет немерцающий, они по контрасту видели себя и смирялись, — не потому, что своими человеческими глазами они видели себя во грехе, а потому, что, стоя перед лицом Бога, созерцая Его красоту, они познавали свое не достоинство, и, поклоняясь Богу, они одновременно научались предельному смирению.

Это только один из аспектов проблемы, это исторический аспект, то, как появилось монашество. Но монашество оставалось бы уделом личным, частным, исключительным, если бы оно не оказалось выражением сущности Церкви с определенной точки зрения. Читая Евангелие и Послания апостольские, мы видим, что Церковь, то общество человеческое, которое верой, надеждой, любовью соединено со Христом, описано в целом ряде мест образами брачного пира, то есть соединения Бога со Своей тварью в ликовании, — в ликовании любви Божией и в ликовании человеческой благодарности и преклонения перед Т а к и м Богом. Мы можем найти в Священном Писании несколько притчей о Церкви как о браке. Но есть другой образ Церкви, который выражен очень короткими словами: Церковь — это Невеста Христова, готовая идти за своим Женихом, куда бы Он ни пошел. Невеста — та, которая возлюбила жениха всем своим существом, для которой никто не существует наравне с возлюбленным. Святой Мефодий Патарский говорит, что пока юноша не полюбил девушку, он окружен мужчинами и женщинами; когда он кого-то полюбил, у него есть невеста, а вокруг него просто люди. Это верно, конечно, и в обратном направлении, в отношении невесты и жениха. Этот путь и есть путь монашеский. Этот путь заключается в том, что какие-то люди, какие-то души так возлюбили Бога, что ничего не осталось в мире настолько дорогого, чтобы оторвать их сердце, их мысль, самую жизнь их от Бога, возлюбившего их всей жизнью и всей смертью Христа. Это люди, которые готовы идти за

Христом, куда бы Он ни шел. И мы знаем путь Христов. Мы знаем, что путь Христов — это путь на Голгофу, это путь на распятие ради спасения мира. И очень важно помнить, что распятие монашеское, как и распятие Христово, — не личный подвиг о спасении своей собственной, как бы обособленной, души, это подвиг всецерковный, это участие в спасении мира.

Лет семьдесят тому назад на Валааме жил послушник Николай: старик, более пятидесяти лет проживший в Валаамском монастыре и никогда не ставший монахом, не принявший пострига. Мой духовный отец, тогда только поступивший в монастырь, его как-то посетил и поставил ему вопрос: почему, живя монашеской жизнью, не имея ничего, кроме этой жизни, ты не принял пострига?.. И Николай со слезами ему ответил: Я еще не могу принять пострига, я не научился сострадательному плачу о всей вселенной... Это очень важное слово; потому что слишком легко нам думается, что монах — это человек, который уходит от всего ради спасения собственной души. Разумеется, и такие бывают монахи, и разумеется, что участие в спасении мира не может пройти мимо спасения собственной души. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою, жизнь свою сделает напрасной?.. Но оба пути сливаются в одно.

Но если действительно монашество и тайна брачного пира представляют собой два неотделимых друг от друга аспекта Церкви, тогда надо задуматься над тем, что между ними общего и что их разделяет.

Когда человек принимает монашеский постриг, первый вопрос ему ставится о готовности, вступив в монастырь, н и к о г д а из него не уйти. Можно, конечно, это понимать как вопрос о физическом уходе за пределы монастыря, но речь здесь идет о чем-то гораздо более глубоком. Речь идет о том, что человек не может принимать монашество, не может войти в ту духовную и душевную устойчивость, которая нужна для монашества, пока он не понял, что если он Бога не найдет з д е с ь, то незачем Его искать где бы то ни было, — он Бога все равно нигде не найдет, потому что

Бог не находится тут или там. Бога находят в глубинах собственной души, когда через молитву, через подвиг, через голод о Боге доходят до самой встречи с Живым Богом. Поэтому первое условие, которое ставится монаху, — именно вопрос об этой устойчивости. Пойми, знай, что искать Бога где бы то ни было незачем; если Его здесь для тебя нет — нигде Его нет для тебя... Это значит, что если твое сердце, твой ум для Него закрыты здесь — только закрытое сердце и закрытый ум ты унесешь в любое место, куда пойдешь в поисках Бога.

Чисто практически это, конечно, относилось к вступлению в ту или другую общину с обязательством оставаться в братском общении и под руководством духовника общины. Но ранние общины не были ограничены стенами монастырей, это были группы людей, собравшихся вокруг наставника и не искавших иного. Но для того, чтобы осуществить такое состояние, такую устойчивость внутреннюю, они связывались тем, что мы называем монашескими обетами, которые, в сущности, производны; они — условия, позволяющие человеку неколебимо стоять перед Богом, не ища Его нигде, кроме как в глубинах своей души, которых касается Сам Христос. Это обеты послушания, нестяжательности и целомудрия.

Я хочу о них сказать несколько подробнее, потому что эти слова русские, нам привычные, и мы не всегда задумываемся над тем, что за ними кроется.

Послушание мы видим в описаниях жизни святых. Мы видим, как послушник, ученик того или другого старца, наставника, выполнял безропотно, не ставя под вопрос, что бы старец ему ни приказывал, даже вещи, которые кажутся нам совершенно бессодержательными, абсурдными. Он выполнял их, не задумываясь, зная в глубинах своей души, что за тем, что ему приказано, повелено, кроется цель, и что он может вырасти за пределы самого себя, только если отдастся на волю старца. Нам часто кажется, что послушание заключается в том, чтобы исполнять чужие веления безропотно, — сначала без внешнего ропота, затем и без внутреннего. Это не сразу дается. Есть рассказ о том, как

старец дал приказание монахам из своего окружения издеваться над новопришедшим, которого он ценил и которого хотел воспитать до предела его возможностей. Когда тот пришел в церковь, над ним стали издеваться, выгонять: «Как смеешь ты, каков ты есть, вступить в храм Божий?» Он ушел. Старец его спросил, что он почувствовал. — Я почувствовал гнев и выразил его грозными ругательствами и словами... Через неделю повторилось то же самое. Но послушник всю неделю раздумывал над тем, что над ним совершали и что в нем самом происходило, и когда снова случилось то же самое, он, выйдя из храма, ответил на вопрос старца о его состоянии: Я разгневался, но смолчал... И когда в третий раз это случилось, он старцу ответил: Я смолчал и не разгневался...

Это пример того, как человек может постепенно прислушиваться к таинственному ходу действий своего старца и перерасти самого себя. Но послушание не заключается только в том, чтобы слушать или услышать то или другое веление и его исполнить — сначала с натугой, а затем с доброй волей, а затем с радостью. Послушание заключается в том, чтобы научиться всем своим существом: и умом, и сердцем, и волей, и даже телом своим — слушать того, кто говорит. Цель послушания конкретному живому человеку, в конечном итоге, заключается в том, чтобы научиться слушать голос собственной совести и слушать голос Бога, звучащий в Евангелии, звучащий в глубинах души в молчании, в молитве, в тишине. Поэтому послушание заключается первым делом в том, чтобы человек был готов всем своим существом вслушиваться в слова, вглядываться в действия избранного им, принятого им наставника, которому он может внутренне так приобщиться, чтобы перерасти самого себя, вырасти в меру своего наставника, а порой выше этой меры. Это мы видим из жизни святых; они воспитывались в монастырях под руководством добрых наставников, которые порой сами не вырастали в ту меру святости, какой достигали их ученики. Поэтому послушание монашеское является сначала школой, а потом такой открытостью,

таким внутренним безмолвием, которое позволяет слышать Бога, и опять-таки, перерасти себя и влиться в тайну общения с Живым Богом. Другими словами, можно сказать, что через послушание человек постепенно вырастает к тому, что так дерзновенно выражает апостол Петр, когда говорит, что мы призваны стать причастниками Божественной природы, сначала приобщиться благодати, то есть пронизаться Божественным присутствием, Его энергиями, а затем стать богоподобными, живыми членами Тела Христова. Мы — не только место вселения Святого Духа, потому что мы больше, чем сосуд, просто содержащий святую, — мы делаемся сосудом, который сам пронизан святостью.

Нестяжательство не зависит от бедности. Можно ничем не обладать — и всем своим существом мечтать о богатстве, о том, чтобы владеть чем-нибудь. Нестяжательство заключается в том, чтобы ни к чему не быть привязанным и ни от чего не зависеть. Апостол Павел говорит в своих посланиях: я научился жить и в бедности и богатстве, я научился тому, чтобы ничто мною не обладало... Все, чем мы как будто обладаем, нас порождает и делает рабами. Я много раз говорил об этом, но повторю сейчас. Вы все помните притчу Христову о призванных и избранных, о том, как царь учредил пир по случаю брака своего сына и призвал своих друзей. Первый сказал: Не могу идти к тебе, я купил участок земли, мне надо его исследовать... Этот человек думал, что участок ему принадлежит: на самом деле он принадлежал этому участку, потому что не мог оторваться от него. Он как бы корни пустил, не был свободен уйти, ему надо было остаться и осмотреть этот участок. Другой сказал: Я купил пять пар волов, мне надо их испытать... Он тоже думал, что обладает этими волами, на самом же деле вола им обладали. Подумайте — каждый — что в нашей жизни может быть таким обладанием. У каждого есть задача в жизни, такая (как нам кажется) важная, что все должно ей уступить; мы не можем оторваться от работы, призвания, которое представляется целью, содержанием всей нашей жизни; мы не можем идти к Богу Самому, потому что, как

нам кажется, мы «делаем Божие дело»... Как это страшно!.. Третий сказал: Не могу прийти на брак твоего сына, — я сам женился, мое сердце преисполнено собственной радости, в нем нет места для того, чтобы разделить твою радость, радость жениха и невесты... Вот это образ того, как можно быть поработанным, считая, будто сам обладаешь тем, что тебя держит пленником.

В конечном итоге этот вопрос о нестяжании сводится к первой заповеди блаженства: Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное. Кто такие эти «нищие духом»? Это те, которые всем своим нутром поняли, что они всецело зависят от любви Божией. Они были сотворены без спроса, односторонним действием Бога, призвавшего их к бытию для того, чтобы Себя Самого отдать им всецело — как жизнь, как радость, как вечность. Это те, которые поняли, что самая жизнь, в них действующая, — это Божественное дыхание, которое им было дано, что у них нет собственной жизни, которая принадлежала бы им, это дар. И дальше — это те, кто знает, что не они нашли Бога, а Бог их обрел, Бог им открылся, Бог их призвал, Бог их возлюбил всей жизнью и всей смертью Единородного Сына Божия, ставшего Сыном человеческим. Они знают, что в с е в жизни — дар Божий, что всё, чем они богаты, — дар. Дружба — дар, любовь родителей — дар, любовь жениха и невесты — дар друг другу, и так далее. И это так дивно! Если бы что-нибудь принадлежало нам, оно было бы вырвано из тайны любви. Всё, что я мог бы назвать своим, не было бы даром ни человеческой, ни Божественной любви. И потому только те, кто поистине, до самых глубин стал нищ духом, живут в Царстве Божию, в Царстве, где Бог является Царем, ими избранным, ими принятым, ими возлюбленным, от Которого — всё, что у них есть, всё, что они собой представляют. Это поистине область Божественной любви. Поэтому нестяжательство не заключается только в том, чтобы того или другого не иметь, а в том, чтобы постепенно вырастать в это состояние нищеты духовной, где всё является любовью, даже самые простые, незатейливые

вещи. Я помню, как отец Александр Шмеман как-то сказал, что всё на свете, всё в жизни — это Божественная любовь; даже пища, которую мы едим, это Божественная любовь, ставшая съедобной. Да, сказано полусутоливо, но действительно и это дар Божий.

И наконец — целомудрие. Это понятие сложное. Целомудрие — состояние того, кто достиг такой идеальности духовной, такой мудрости внутренней, которая не дает ему отклониться от Бога, отклониться от чистоты, отклониться от всего человеческого величия, то есть от служения в себе самом образу Божию. Целомудрие начинается в момент, когда, обнищав сам, я смотрю на своего ближнего с благоговением: он — Божий образ, он — икона, он для меня — святыня. Не он призван мне служить, а мне дано Богом видеть в нем икону, образ, и послужить становлению этого человека: становлению его из состояния образа в состояние живого, действующего, победного подобия. Целомудрие, цельность духовная означает новое отношение с Богом, новые отношения с собой, новые отношения с окружающими людьми и с окружающим миром. В отношениях с Богом это означает конец разделенности; по отношению к себе это значит то дерзание, которое нам позволяет жить не поверхностно, не слегка, а жить вдумчиво, глубоко, жить всей — порой страшной и всегда опасной — глубиной своей жизни и своей души; по отношению к людям это значит жить глубинно, встречать людей не только поверхностно, и не сводить все отношения к самому себе, а жить так, чтобы прозревать глубины людей, говорить этим глубинам слово жизни, охранять эти глубины от соблазна, от зла, от разрушения.

Это тесно связано со смирением. Смирение — состояние человека, который в мире с Богом, со своей совестью, со своим ближним, со своей судьбой и даже с теми вещами, которые его окружают. Как говорит святой Исаак Сирин, никто не может молиться чистой молитвой, кто не примирился с Богом, с совестью, с ближним и с теми вещами, которых он касается и которыми пользуется, потому что и они — Божие творение, и к ним тоже надо относиться благоговейно.

В этом отношении целомудрие и смирение идут рука об руку.

Латинское слово *humilitas*, которое именно и переводится «смирение», происходит от слова *humus*, что значит «плодородная земля». Святой Феофан Затворник говорит об этом в одном письме следующее: Подумайте о земле, — она безмолвно лежит перед лицом неба, она открыта и небу, и сиянию солнца, и дождю; больше того: по ней ходят, ее топчут; хуже того: на нее льют помои, грязь, и она безмолвно перед лицом неба лежит, все принимая и из всего принося плод, обогащенная тем, что дается и небом и землей...

Вот короткий очерк того, что я мог бы сказать о монашеских обетах. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что эти обеты, которые так ясно, ярко выражены в службе пострига, являются также руководящими звездами брачной жизни. Монах обязуется к совершенной, непоколебимой устойчивости; в брачной жизни это называется супружеской верностью. Монах обязуется научиться слушать всем существом голос, звучащий рядом; в браке оба супруга призваны так друг другу внимать, так быть друг к другу обращенными, так совершенно забывать себя самих, чтобы вслушиваться друг в друга, слышать и невысказанное слово, воспринимать самую рябь, которая проходит по душе другого человека. Это послушание самое истинное, потому что в нем — тот отказ от себя самого, о котором говорит Спаситель Христос: Если вы хотите следовать за Мной, если хотите быть Моими учениками, **о т р е к и т е с ь** от себя, то есть отвернитесь от себя, оторвите от самих себя взор, внимание и обратите его на Меня, Живого Бога, и на ближнего своего; он — образ Мой, икона, живая икона, которая к тому же обращается к вам с мольбой о внимании, о любви, о заботе, о сострадании, о жалости, о радости... Если думать о целомудрии, разумеется, целомудрие в браке является ярким, четким выражением верности. Это цельность души, это цельность ума, это цельность всего человека. Апостол Павел и другие духовные писатели говорят о прелюбодеянии. Прелюбодеяние не начинается в момент, когда телес-

ный грех совершается. Прелюбодеяние совершается тогда, когда душа отворачивается от любимого и обращается на что бы то ни было, что находится вокруг. И наконец, нестяжательность в браке, конечно, не заключается в том, чтобы ничего не иметь, потому что в браке человек обязан заботиться о своем супруге, о своих детях, о своих родителях; нестяжательство заключается в том, чтобы ничем не обладать для самого себя, чтобы любое наше обладание скользило через наши руки, как дар тем, кто нас окружает.

И надо помнить (это будет последнее мое замечание; простите, что я говорил долго, но мне кажется, что это важно раз и навсегда выразить), что и в браке есть трагическое, подвижническое измерение, когда человек должен себя побороть, побороть свою узость, раскрыться, победить силой и благодатью Христа; и в монашестве есть обратная сторона: ликование о том, что мы любимы Богом и что при нашем недостойности, при нашей хрупкости, при нашей греховности, нам дано любить Бога той любовью, на которую мы способны, и отвечать ликующей благодарностью на то, что Он умеет и а с любить, какие мы есть, не ожидая, чтобы мы стали святыми, а любя нас в немощи нашей. Он любит нас, как садовник, который бережно заботится о хрупком ростке, защищая его от всего, что может его погубить, с тем, чтобы этот росток окреп и стал всем, чем он может стать. И поэтому мы должны помнить, что в монашестве есть суровый подвиг — но и ликование, и в браке есть ликование — но и подвиг.

Вопрос: У старца Силуана есть очень интересное место. Как ни парадоксально, он говорит, что с его точки зрения статус монашества меняется, оно не будет оставаться в той прежней форме, каким оно было на протяжении столетий, оно будет принимать новые формы. В частности, он называет ученое монашество. Как Вы считаете: действительно ли монашество меняется, и если да, то в какую сторону, и с чем это связано?

Если думать о монашестве как о таком состоянии, когда человек от себя отрекся до предела, подвижнически, с готовностью умереть себе, и, если нужно, то и

физически свою жизнь отдать, для того, чтобы служить Богу при любых обстоятельствах, быть посланником Божиим в любой обстановке, то можно себе представить, что монашество может менять свой облик. Есть письмо опять-таки святителя Феофана, где он говорит (еще тогда, до революции), что приходит время, когда рассеяны будут монастыри, и монахи будут жить среди людей незамеченными, неузнанными, но во всех отношениях будут нести на себе печать монашества, нести монашеский подвиг отречения и нераздельной любви к Богу. Поэтому речь не идет о том, чтобы один только образ жизни представлял собой подлинное монашество; речь идет о том, чтобы сущность монашества была осуществляема в душе и в жизни человека. Конечно, очень легко обмануться и считать себя ангелом на земле, тогда как ты не прошел настоящей школы нестяжательства, школы той устойчивости, о которой идет речь; это не дается сразу.

Тот же Феофан Затворник где-то рассказывает, как он сам постепенно должен был научиться этой устойчивости. Мы знаем, до какой степени он был углублен в молитву, соединен с Богом, еще будучи священником, преподавателем, затем епископом; был подлинно подвижником. Он от всего этого отказался, ушел в монастырь. Оказавшись в монастыре, пишет он, он вдруг почувствовал, будто он в тюрьме, стены монастырские закрывают ему те русские просторы, которые он привык видеть. И тогда он решил постепенно приучать себя ограничить свой кругозор. Он решил никогда не выходить за пределы монастыря, но вначале он поднимался на стены монастыря и глядел вдаль, потому что без этого он еще не мог жить. Потом он привык к более тесной жизни: не потому что привык быть «пленником», а потому что он ушел в себя глубже, и он себя приучил ходить только в церковь, в монастырскую библиотеку и на послушания. Постепенно он еще глубже в себя ушел, и кончилось тем, что он ушел в затвор и двадцать восемь лет прожил в одной комнате. И он замечательно говорит: когда он вошел в себя, жил в своем сердце, эта комната оказалась слишком про-

сторна, ему не нужно было столько квадратных метров вокруг себя, потому что он весь жил внутри себя. То, что он называет «внутрипробывание», было им достигнуто. Но не надо воображать, что этого можно достичь, просто заперев дверь и закрывшись от мира. Человек, который заключен в тюрьму, не является затворником, потому что он рвется наружу; вся его мысль, его сердце вне этих стен; это совершенно иное дело.

Разнообразные пути монашества мы видим с самого его начала: и в пустыне были и отдельные пустынники, были и общежительные монастыри, были маленькие группы монашествующих вокруг того или другого наставника; были такие, которые уходили от всех, и такие, которые принимали всех. Есть рассказ о том, как авве Моисею ставили вопрос, почему он свою келью поставил на пути паломников, — разве они ему не мешают? — Нет, когда паломник ко мне приходит, я вижу Христа, Который стучится ко мне в дверь, и я его упокою, даю ему отдых с тем, чтобы он шел дальше... Подобный же вопрос поставили Арсению Великому: почему ты ушел в пустыню так, чтобы никто до тебя не мог дойти? — Он ответил: На небе у тысяч ангелов и архангелов единая воля, а на земле у десятка людей столько же волеизъявлений. Я не могу оставаться цельным в своей воле, если меня раздражают воли разных людей... Вы знаете, что он был когда-то наставником императорских детей, и ушел в пустыню. Как-то к нему в пустыню пришла одна из вельможных женщин, которую он знал еще в Риме, и просила наставления. Он ее спросил: ты обещаешь исполнить любое послушание, какое я тебе дам? — Да, отче, обещаю! — Так вот: если услышишь, что Арсений в одном месте, уходи в другое... Вот его установка была. Я сейчас не защищаю его и не выражаю свое мнение, я просто говорю: вот установка одного из самых великих подвижников монашества в Египетской пустыне. И мы видим в течение всей истории людей, которые вели совершенно различный образ жизни, но у кого мы находим ярко выраженными те свойства, которые я попробовал представить. Я эту жизнь знаю только понаслышке, по чте-

нию, во мне этого страшно мало есть, я не могу говорить изнутри своего опыта, но вот то, чему меня другие научили, что мне другие люди говорили, и вот почему я это представил вам.

Вопрос: Каким образом соотносится частная молитва подвижника с молитвой общины? Какое значение имеет молитва общины для молитвы подвижника-затворника?

С одной стороны, были подвижники и в древности, и в более поздние времена, в частности — юродивые, которые молились в одиночку, в совершенном одиночестве и в совершенной оторванности физической, вещественной от окружающего мира стоя перед Богом. Это совершенно не значит, что у них не было общения. Серафим Саровский, например, был в затворе — и одновременно молился и за весь мир, и за отдельных людей, нужду которых Бог ему открывал. То есть это не было одиночество в нашем понимании: будто он заперся и ни о ком больше не знает, ни о ком больше не слышит. С другой стороны, выражаясь языком Самарина, Церковь — это организм любви. Собравшаяся община — это община людей, видящих друг во друге живую икону Христа, к которой они относятся с благоговением, с трепетом и молитвенно. Поэтому общая молитва является молитвой Тела Христова, то есть Христова присутствия в среде этих людей, которые в себе носят какую-то печать Самого Спасителя Христа. Но одно не отрывает от другого. Есть такие подвижники, которые в одиночку молились, есть такие, которые создавали общины, где все молились вместе. И есть скитское житие, например, Нил Сорский. Вокруг него было двенадцать монахов, каждый жил целую неделю в своей келье и молился в одиночку, и раз в неделю они собирались на совершение литургии, где они были едины как Тело Христово, совершали службу, которую, в сущности, совершает Сам Христос и в которую они вливались.

Подготовила к печати Е. Майданович

Игумен ИГНАТИЙ (КРЕКШИН)

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

Многообразие христианского опыта по-разному раскрывается в истории Церкви.

Одно его понимание подчас приводит к полному отрицанию мира, бегству от этого мира.

Другое выливается в стремление преобразить мир, возвестить миру Благую Весть — и тогда в этом мире человек вновь обретает прообраз Божественного творения — в красоте ли природы, в возвышенности ли творческого гения.

И то и другое понимание глубоко укоренены в Новом Завете — не у Иоанна ли Богослова мы читаем: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин. 2:15)? Но Сам Бог по любви посылает в мир Сына Своего, а Иисус Христос благословляет учеников своих, которые не от мира, нести в мир Слово Божие.

Эти два понимания, эти два пути христианства — отречение от мира и миру служение — часто существуют отдельно. Один путь христиане предпочитают порой в ущерб другому, они как бы не замечают друг друга — так было и бывает во всей Церкви, в одном приходе даже.

Порой эти пути соединяются — и тогда мы видим удивительную гармонию служения миру не от мира — не в этом ли соединении выражается идеал христианской святости?

Но часто христиане, следующие по одному из этих путей, стремятся собою подменить других — и тогда многообразие христианской духовности превращается в унифицированную мертвую схему — не в этой ли — всегда ложной — подмене мы видим вечную опасность утраты христианской любви?

Быть может, яснее всего, всего рельефнее соотношение этих путей выразилось в двух традициях монашества, восходящих к первым векам Церкви.

Где-то в сирийских и египетских пустынях находим мы первых отшельников, которые бегут от суеты шумного мира ради встречи с Богом. Суровый аскетизм, активное неприятие всего мирского характерно для этой традиции, и поныне живущей в древнейшем Синайском монастыре, в обителях Афона...

Но в монашестве есть и другая линия. Уже первые апостолы, сами не будучи монахами, несли в себе тот мощный импульс инаковости-иночества, благодаря которому Слово Христовой Истины вышло за пределы Святой Земли и победило мир. Именно этим опытом учеников Христовых вдохновлялись первые монахи-миссионеры на Востоке и Западе. Куда бы ни направлялись эти наследники апостолов — всюду после себя они оставляли очаги любви и света. Будучи не от мира, миссионеры, посланные Христом просветить мир светом Христовой Истины, не призывали к уходу от мира, а стремились к сохранению его от зла.

Миссионерские монастыри — это всегда очаги христианской культуры и просвещения. В них мы находим скриптории и библиотеки, иконописные мастерские и духовные школы. В них мы видим зарождение первых университетов. И не случайно Иван Киреевский назвал монастыри университетами культуры. Вспомним бенедиктинские монастыри на Западе и монашеские просветительские братства на Востоке. Эта монашеская традиция до сих пор живет в активной деятельности многочисленных орденов на Западе, где Церковь и культура всегда были тесно связаны. И она почти утрачена на Востоке, в России, где раскол XVII века расчленил единое тело христианской культуры. В трагедии раскола Александр Солженицын видел истоки катастрофы семнадцатого года.

В страшную эпоху гонений на Церковь в России казалось, что навсегда уничтожено будет христианство и мы окончательно потеряем живительную связь со Вселенской Церковью.

Но в этом насильственном изгнании Церкви из мира — внешнем ли, внутреннем — повсюду — был свой урок.

После страшного опыта двух мировых войн, экзистенциальной утраты Бога в вечной мерзлоте ГУЛАГа и в печах Освенцима, после атомных катастроф стало ясно, что бежать от мира некуда, потому что незачем, ибо сам мир стал пустыней, жаждущей живительной воды источника Христового.

Еще Федор Достоевский нашел в себе мужество сказать, что русская Церковь находится в параличе. А Николай Лесков устами одного из своих героев произнес суровый приговор русской церковной истории: да, Русь была крещена, но не была просвещена.

И в начале века двадцатого русская Церковь выходит навстречу миру, возвращается к полноте единства с культурой.

Но — ненадолго.

Страшный разгром семнадцатого года почти остановил процесс духовного пробуждения... Долгий период синодального пленения Церкви сменился ее открытым тотальным уничтожением.

Но Церковь выжила — выжила, потому что врата ада не смогли — ибо никогда не смогут — ее одолеть. Выжила — благодаря литургии верных свидетелей и мучеников — от святителя Тихона до отца Александра Меня.

С падением государственного тоталитаризма Церковь получила внешнюю свободу, но тут же была поставлена перед новыми проблемами. Да, за последние годы в русской Церкви возникли многие братства, открылись новые издательства, возобновлены духовные школы.

Но как этого еще мало!

Это только внешняя сторона христианского просвещения. Если не будет в сердцах людей совершен переворот духовный, если не возобладает любовь Христова, то подобно будет христианство сосуду скудельному, выродится во что-то внешнее, формальное, а потому — вторичное в жизни людей.

И не устоять тогда нам в новых испытаниях, в которые бросит нас может жестокий век.

Эпоха спокойного патриархального девятнадцатого века никогда уже не вернется. Но и в быстро меняю-

щемся мире Церковь найдет в себе силы выйти навстречу миру — преобразить его. Многим трудно сейчас преодолеть внутреннюю инерцию пассивного созерцания, так трудно оставить келью собственной души — ответить на вызов мира, ответить с любовью и терпением, терпимостью и открытостью.

Особая миссия в этом мире принадлежит монашеству.

Когда пустыней стал весь населенный мир, когда монастырь оказался окруженным каменным лесом современного города, он уже не может пассивно жить традицией прошлого — как и не может существовать вне этой традиции.

В практике молитвы и уединенного созерцания, в осмыслении богатого опыта Отцов Церкви находим мы основания проповеди Слова Божия миру.

В открытости миру не будем бояться утратить нашу богатую традицию — подлинная традиция Духом Святым возгревается и хранится.

В формальном же следовании традиции не утратить бы нам заповеди любви Божией.

А если любви Божией иметь не будем — нет нам в том никакой пользы...

Ибо Любовью Христос победил мир.

64

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

ПРОТ. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

(публикация П. Николаенко)

В 1919 году Булгаков поехал в Крым за семьей, полагая вскоре вернуться в Москву. Однако гражданская война на юге России этот путь отрезала — как оказалось, навсегда.

В Симферополе С.Н. Булгаков много времени уделяет Обществу философских, исторических и социальных наук при Таврическом университете. На состоявшемся 23 сентября заседании он читал доклад «Трое» («О единой России»). В первой части, построенной в форме диалога, Булгаков говорил о значении, необходимости и неизбежности единства России. Вторая часть доклада посвящалась истории монаршей власти, ее мистической сущности («Неограниченный венценосец — самый нежный цветок народной жизни»). Философ полагал, что без царя нет единства России, что царя нужно «заслужить покаянием» и что спасение нашей страны и даже всего мира лежит в православной церкви.

Обычно заседания Общества проходили закрыто, но на лекции Булгакова приглашались многочисленные гости. В начале зимы в зале симферопольской казенной мужской гимназии он читал лекцию «Кризис русского самосознания» («Родина или Интернационал»), вызвавшую противоречивые чувства у собравшейся публики. Идеи Булгакова перекликались здесь с высказанными в одном из номеров газеты «Великая Россия» мыслями П.Б. Струве о том, что «сейчас в России нужна только одна большая партия, партия национальная или, попросту, русская».

Этим участие Булгакова в общественной и научной жизни Симферополя не ограничилось. В однодневной газете «Vivat Akademia!», посвященной первой годовщине университета, он опубликовал статью «Религия и наука». Вскоре профессор Таврического университета С.Н. Булгаков избирается действительным членом Таврической Ученой Архивной Комиссии.

Летом 1920 года на заседании «Временного Высшего церковного управления на юго-востоке России» принимается решение о проведении «Дня покаяния» в сентябре, 14 числа. Воззвание к народу и красноармейцам с призывом о покаянии и единении от имени управления составил протоиерей Сергей Булгаков. Оно читалось во всех храмах Крыма: «...Многими тяжкими грехами осквернился народ наш в недобрые годы мятежного лихолетья и смуты... Великий грех русского народа есть братоненавистничество, богопротивная и злобная партийность, дух разделения и раскола, которыми обессилена и изнемогает русская земля. Давно уже силы тьмы проповедуют вражду сословий и партий как единственное начало жизни, как основу общественного строительства. Каждый ищет только своего, и забывается общая родина, народ русский, держава его. Да будет извергнут сей яд духовный, пусть русские люди станут дружно, как один, за общую веру и единое отечество».

После установления большевистской власти в Крыму, в 1920 году, С.Н. Булгаков «по причине священства» исключается из числа профессоров Таврического университета. Сергей Николаевич возвращается в Кореиз. За короткий промежуток времени Крым неузнаваемо изменился — террор, голод, разруха. Особенно страдало от голода южнобережное население. Вымерли целые татарские селения, начались эпидемии. Поступавшая из-за рубежа гуманитарная помощь нередко расхищалась местными властями. Дабы не допустить подобного, Булгаков организовал один из первых в Крыму самостоятельных сельских комитетов по распределению продовольствия, поступавшего от американской службы помощи. В пользу голодающих он передает семейные ценности, еще уцелевшие после многочисленных реквизиций. В сентябре 1921 года о. Сергей был назначен вторым священником в Ялтинский собор и переехал в Ялту.

В октябре 1922 года Булгакова арестовали и доставили в Симферополь, где сообщили о принятом в Москве решении выслать его с семьей за границу. Сергей Нико-

лаевич подписал документ, в котором говорилось, что в случае возвращения в РСФСР он будет расстрелян. Высылаемым «разрешалось взять с собой: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм и по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок». Требовалось также «снять с шеи нательные кресты».

30 декабря 1922 года Сергей Николаевич Булгаков навсегда покинул родину... Из Ялты пароходом он прибыл в Константинополь. Прожив здесь, а затем в Праге некоторое время, в 1925 году он обосновался в Париже, где стал профессором и деканом в созданном в том же году Православном богословском институте.

Предлагаем вниманию читателей статью Сергея Николаевича Булгакова, публиковавшуюся лишь однажды, в 1919 году, в однодневной газете* «Vivat Akademia!», посвященной первой годовщине Таврического университета.

Сергий БУЛГАКОВ

РЕЛИГИЯ И НАУКА

Главная слабость новейшей науки в том виде, как она существовала и существует, это — ее безбожие, притом непродуманное, догматическое, менее всего научное, суеверное. Благодаря этому наука перестала быть тем, что она есть, — естественным богословием, разумным постижением чуда творения. Она лишена своего сердца — благоговения, благодарного удивления. Но так как наука все-таки не может не быть естественным богословием, она становилась богословием безбожия, поклонением обездушенной природе.

Она нагромождалась теориями, вскормленными материализмом, и эти призрачные задачи смешивались

* Тираж — 100 экземпляров.

с подлинными задачами научного знания и делали науку ненаучной. Наука должна быть наконец освобождена из плена мнимонаучного безбожия, должна духовно прозреть и стать сама собой. Иначе говоря, между религией и наукой должно быть прямое и положительное соотношение, при котором, разумеется, не затрагивается искренность и свобода науки, но она перестает быть делом слепорожденных кротов.

Будущее науки всецело зависит от того, произойдет ли это желанное ее освобождение, или же она останется в плену своих предубеждений, духовно мертвая и ядовитая.

В таком случае великие задачи познания, которым она призвана служить, останутся неосуществленными, и наука станет еще больше, чем теперь, орудием князя мира сего, — техники, с ее чудовищными порождениями: индустриализмом, милитаризмом, духовным мещанством. К чему все это приводит в жизни человека, достаточно говорит европейская война с ее последствиями. Безбожная наука воистину принадлежит к числу духовных бичей человечества. Однако кризис научного сознания, явственно обозначившийся еще до войны, продолжается ныне во всем научном мире. Наука (точнее — не наука, а те ученые, которые хотя и занимаются наукой, но духовно не всегда стоят на ее высоте) должна иметь известный внутренний слой. Сверх всех специальных методов, ей должен быть присущ общий духовный метод — смирения и благоговения.

Имеющийся в нашем распоряжении, из архива матери Бландины Оболенской, «Ялтинский дневник» о. Сергия Булгакова сохранился по всей вероятности не полностью. 18 больших мелко исписанных страниц чернилами, в некоторых местах почти целиком стертых, охватывают период от середины июня 1921 г. по начало сентября 1922 (за полтора месяца до ареста). На первой странице пометка № 3 означает, что о. Сергий вел дневник и раньше. Видимо, первые два раздела не уцелели.

Время написания «Дневника» было для о. Сергия крайне напряженным: отрыв от Москвы, где свирепствовали гонения, смертоносный голод, обрушившийся на крымское население. Видя крушение России и раздоры в Церкви, о. Сергий возложил свои надежды на западную римо-католическую Церковь. Тогда же, между апрелем и сентябрем 1922 г., им были написаны диалоги «У стен Херсонеса», в которых оправдывались римские догматы о папской непогрешимости, о Св. Духе и др.

Однако этот римский соблазн продлился недолго, он рассеялся в первые же месяцы после высылки. Как сказано в «Константинопольском дневнике» (с.м. «Вестник РХД», № 130), о. Булгаков «не довез своих иллюзий даже до Праги». Более того, богословское творчество Булгакова в эмиграции имело своей отправной точкой опровержение римских догматов и изживание собственных заблуждений: «Петр и Иоанн», «Купина Неопалимая», «Ватиканский догмат», «Евхаристический догмат» — все первые богословские труды Булгакова начинаются с радикальной критики римских позиций.

Католический соблазн лишь одна из многих тем «Ялтинского дневника». Самое сокровенное в нем — «безумное чаяние» «раньше смерти видеть Царствие Божие пришедшее в силу, раньше смерти пережить преображение»...

То, что казалось «безумием», через 22 года осуществилось: перед кончиной, уже в забытии, но видимо для окружающих, о. Сергий сподобился истинного преображения, явления на себе Фаворского света, как о том свидетель-

ствуют вновь приводимые ниже записи двух из четырех очевидцев, матери Феодосии и сестры Иоанны Рейтлингер. Как того о. Сергий желал, «преображение стало концом его жизни». Своей смертью от прославил Бога.

Публикация и примечания Никиты Струве.

О. Сергий БУЛГАКОВ

№ 3

16 июня 1921 г., по возвращении из церкви. Сегодня совершал божественную литургию в Гасприйском храме, Бог дал литургичную молитвою освятить исполненное 50-летие моей жизни. После 49 жизнь уже определенно катится под гору, чем дальше, тем быстрее. А вместе с тем такая легкость, такая свежесть и юность в душе! И это теперь, когда обстоятельства так зловещи и грозны. Оба наши старшие, и Федичка,¹ и Муночка,² ушли за хлебом, первый на тяжелые работы. Будущее сулит голод и холод, б.м., сверх того и политич. злоклучения. Нахожусь в параличе и обречен на ненужность, и все-таки «слышу, как сердце цветет». Что делать глупому парню, уродившемуся вечным недорослем? или это драгоценный дар Божий — все снова и снова припадать к кубку жизни и жадными глотками впивать искрометное ее вино... Одно несомненно дает возраст: научает ценить жизнь как высший дар Бога Жизнодавца. Мы не умеем смолоду ценить жизнь, п.ч. слишком пьяны ею, слишком заняты собою и рисуемся. Но когда с годами отходит и эта пряность, и эти иллюзии, в подлинной ценности выступает благо жизни и дар жизни, который никогда не отвергнет — вплоть до конца — никакое живое существо, ни даже сатана, хотя и клеветает и хулит Жизнодавца. И, вместе с годами, вся яснее печатлеется [?] бессмертие жизни, — не веришь ни в какие ее сроки, ни в старость, ни в смерть, а только в жизнь. Свеча, все сгорая, переходит в свет и тепло, которые с избытком возмещают отгоревшую часть ствола.

Я вступил в 50-летие обласканный Господом Богом: вокруг вся семья моя, все пока (надеюсь) живы и здоровы, что самое главное, все прочее приложится. Далеко от меня друзья мои, но имею надежду на скорое свидание и с ними — Слава Господу.

27 июня 1921 г. Вчера поминали Ивашечку³ в его церкви. Время и испытания сделали свое: к чему себя обманывать, прошлое умерло, не возвратно, конечно, но уже возвратно для здешней жизни. Теперь сознание, что Господь взял его от скорбей земли, совершенно уничтожает скорбь, поблекли и воспоминания. Остался только чистый молитвенный образ небесного ангела, нам помогающего. Жизнь наша становится все труднее и суровой. Надежды на Москву блекнут, как это выяснилось из рассказов приехавшей Маруси, всюду тупик. Нас спасти может только чудо милости Божьей. Да будет воля Твоя!

6 августа 1921 г. Преображение Господне. — Сегодня я, по воле Божией, отлучен от богослужения (опять вследствие нарывов на ногах). Первый раз за свое священство со мною это случилось, и притом *в такой* праздник, *в мой* праздник, ибо в безумии своем чаю раньше смерти видеть Царствие Божие, пришедшее в силе, раньше смерти пережить... преобразование. Разумеется, устрашающий пример дивной А.Н. Шмидт,⁴ которая была уверена в своем преображении и — просто умерла. Но отн[осительно] ее все так таинственно.

За это время решилась, очевидно, моя судьба на ближайшую зиму. Я находился в полной безысходности, Москва все больше уходила из поля зрения, и зима представлялась темной и страшной дырой. Здесь, в Олеизе, атмосфера становилась все тяжелее. И вдруг — получил предложение занять место в Ялт. Соборе, чем сразу разрешаются многие трудности: я остаюсь здесь, вблизи своих, получаю храм, амвон и даже кафедру, известный заработок и даже известные возможности доставать книги. Вообще, туча разорвалась, и оттуда льются солнечные лучи благодати Божией. Господи, благослови меня и укрепи! Я верю, что Господь ведет

меня, и Он укажет время, когда нужно вернуться в Москву, но пока время это верно еще не пришло! Становлюсь здесь под стяг св. Александра Невского. Неужели же, как говорит сердце, скоро придет здесь *час его* помощи и *его* выступления для спасения России? Из Петрограда пришли беды на Россию, и хранитель Петрограда и будет ее поборать. Надвигаются какие-то события!..

13 сент. 1921 г. Ялта. Вот я и в Ялте, служу в Новом Соборе, живу около храма, под звон, как благодатное дитя Божие. Не хочется слышать и различать (хотя человеческим ухом и слышу, и различаю) суету, дрязги вокруг себя, — мне это неинтересно в сравнении с великим, у чего я стою. Предо мною распаиваются страждущие сердца, я могу молиться и ежедневно литургисать в свою неделю, чего мне еще просить у Бога! Помогите, Господи, прокормить семью, а это становится все труднее, нужда в хлебе все ощутительнее. Детки остаются неустроенными, без учения. Но все, все от Господа. Есть интересные встречи и беседы. Ах, как хотелось бы знать что-л. о Друге,⁵ иметь от него, как мне нужна его поддержка. Ужасные вести о Вяч. Иванове, — как тяжела была его жизнь за это время и как страшна судьба теперь, — новое и страшное кровосмешение!⁶ И как будто его наталкивала на это внешняя судьба! Господь испытует иногда тем, что дает проявиться силе греха до конца, — как это, по-человечески судя, непостижимо! Вера Конст., очевидно, отошла к Господу в мире и молитве. Господи, помогите нам всем, укрепи и утверди!

22 сентября 1921 г. Живу в Ялте. Анабиоз. Тишина захолустья. Одиночество. Ежедневные службы и молитвы, наподобие монастыря, но нет близких по духу, нет друга, нет общины. Все, что имеет совершиться, совершится чудом, наитием Св. Духа, так что мы сами себя не узнаем. От нас только вопрошание, тоска по неотвеченному, скорбь. Человеческие усилия малы и тщетны, и для нас, изнемогающих, невозможны. И од-

нако сегодня почувствовалось мне остро за литургией пред Св. Дарами, — конец уже близок, желанное случится вскоре, недалек час освобождения. Сижу вечером один, в полутьме. Нужно иметь большое духовное содержание, чтобы жизнь черпать из себя, но вместе с тем это лучшая проверка того, что принадлежит нам и что мы себе присвоили. Останься один и познаешь себя, — увы! — в своей малости. Думал о своем «творчестве», но бессильно. Вчера мелькнула малодушная мысль: не есть ли вера в свое особое избранничество, «встречу» и «событие», не есть ли и это... самомнение, которое разлетается в суровые дни испытания? Но нет, это — греховная, искусовая мысль, да и разве это самомнение? Разве Бог не глиняный сосуд избирает для Своих целей? И затем, моя непреклонная вера, что совершится чудо, но оно будет и концом моей жизни, связано со смертью («смертью прославишь Бога», как писал в том письме о. Павел Флоренский), — разве она не мирится с неудачничеством, никчемностью и пустотством моей жизни и моим бессилием теперь? Ведь не по заслугам, но по благодати избирает Бог Себе служителей и избрал меня слабого и недостойного — быть служителем Божественной Софии и Ее откровения. Может быть, и приближается конец моей жизни, но еще целое событие меня от него отделяет, и он еще не наступил.

Было время — когда трепетание душевное давало чувство вырастающих крыльев, когда загоралась радостная заря и была надежда, что личным усилием, личным творчеством совершится восхождение. Теперь все личное задавлено и обессилено, остается только тихий, но неумолчный зов: ей, гряди, Господи Иисусе!

Когда я посвящался, я говорил себе совершенно отчетливо, что я приношу в жертву Богу не только себя, но и семью. Но тогда я не знал, *что* я говорю и *что* это значит; я рисовал пред собой, и думал, самое большее, о тех трудных переживаниях, которые я доставляю семье, не больше. И, в сущности, я думал, что на самом деле ее жизнь будет лишь интереснее, глубже и радостнее. Я *говорил* о жертве, не ведал и не думал, что

она означает, чего она требует. Только теперь я *начинаю* (да и то только едва начинаю) прозревать, что означает на самом деле жертва — не в жесте и в позе, но в жизни. Моя жертва принята Богом, — жертва Авраама и Исаака, какой является всякая жертва (как и жертва Сына Божия и Отчая). Моя жизнь исковеркана, но это само по себе *для меня* нетрудно и нетяжко, но из-за меня исковеркана жизнь всей моей семьи, милых детей моих. Если Муночка томится и чахнет, теряет лучшие годы и остается без образования, то это потому, что я в опале; если Федя не учится и должен лучшие годы отдавать на борьбу за существование и остаются неразвитыми и невыявленными его художественные задатки, это тоже из-за меня, п.ч. в прежнем своем положении я, если бы пережил это время, мог бы обеспечить ему возможность учиться. Если голод своим кольцом все плотнее охватывает всю мою семью, дорогую мою Нелю и Сережечку, это тоже не без связи. И тьма, которая окутывает нашу жизнь и пугает [нрзб.], есть тьма Гефсиманской ночи. Да, я виноват в их страданиях и неудачничестве, я говорил о жертве, проявлял на нее готовность, и Бог принял эту жертву. Господи, дай мне сил на Голгофу, я верю, что Ты ведешь, что все совершается к лучшему, ибо по Твоей воле, и я склоняюсь как ведомый агнец. Прими жертву и дай мне силу любить Тебя, как Ты этого хочешь! Но по человечеству, во имя которого и Ты молился: если возможно, да мимоидет мя чаша сия, и я прошу: Господи, пощади их, спаси, сохрани! Дай мне силы и мудрость, дай мужества в трудное время! Дай быть опорой семьи во всех смыслах, дай пастырскую мудрость и твердость. И еще молитва: дай мне видеть и почувствовать Друга, его помощь, любовь и ласку, ибо без него я вяну.

Не могу распознать, что означает мое поселение здесь, есть ли это временный искус и испытание или же медленно надвигающаяся смерть. Однако хотя покорно приемлю и последнее, но греховной слабостью считаю этой мысли отдаваться. Да будет благословенна *жизнь*, она есть высшее благо, высший дар Жизнодавца, и да будет далеко малодушное уныние!

26 сент. 21 г. Ялта. Вчерашний день, мои именины, память преп. Сергия, навсегда останется в памяти. После трех лет разлуки в этот день мне Бог дал провести именины в семье, в кругу любимых, благодаря Бога, помолиться вместе, причастить Сережу.⁷ Но день этот был омрачен сначала глухою вестью и тревогой о Котике Михайлове, потом стало известно, что найдено тело, а затем мы встретили и самое скорбную процессию. Слов нет выразить это, сердце разрывается, ум не вмещает, и только жалеть, плакать и молиться о нем, о живых, оставшихся без него, и о России, на которую раскованный Сатана выпустил всех демонов своих и по этому мистическому заговору истребляется все русское, благороднейшее, остаются осатанелые и жида. Господи, спаси Россию, я знаю, что Ты ведешь, и Твоя благодать мудрее и сильнее зла, но яви нам десницу Свою! А Федя за несколько дней был чудесно спасен от такого же нападения дорогой. Благодарим Господа! Господи, дай мне силу молитвы и веры, чтобы помочь оставшимся!

5 окт. Ялта. Живу здесь близ храма, под колокольный звон, словно на дне реки, в затишьи, материнском и ласкающем... Совершаю каждодневно литургию — в свою седмицу, молюсь. Душа детски молчит. Умственная жизнь завлакивается пленой, за ненужностью и от неупотребления. Духовная жизнь, разумеется, слаба, много слабее, чем должна и может быть, — пасую перед ничтожными искушениями, но в общем такое чувство, словно я качаюсь в люльке матери: странное чувство — покоя и безмятежности среди всеобщего мятежа... Надо благодарить Господа за всякий день, Им посылаемый. Не надо поддаваться искушению быта, которое здесь подстерегает. Иногда спрашиваешь себя, словно в полусне: но где же мои огненные упования, где встречи и встреча? Но не надо себя сочинять и насиловать, пусть зреет зерно до времени, которое грядет... Перебираются сюда дети, их изгоняет нужда; их жизнь безрадостна... Но да будет благословенна жизнь, она есть высшее, единственное благо...

Русский народ остается в оцепенении, ему еще не пришло время очнуться, но оно придет. В душе нет ни отчаянья, ни страха об его судьбе, большой великан трагически совершил безумные грехи, но еще станет Христофором, обретет в сердце своем рождающегося Христа. Сие буди, буди!

6 окт. Сегодня после литургии Ньюра, чудесная и восторженная швейка, живущая в Боге, просила у меня разрешения — остаться ей на ночь в церкви, говоря, что она уже оставалась прежде. Я не смог ей этого разрешить без настоятеля (а у него она спросить не хотела), а сам я благословил ее, — поступив нерешительно и двусмысленно, как мне свойственно. А затем пораздумался и недоумеваю до сих пор. С одной стороны, у меня есть полное доверие к чистоте и молитвенности этой девушки, и ей *мало* общей храмовой молитвы, она жаждет большего, ночных молитв и восторгов, но в то же время, я боюсь, что это сверхмерное и недолжное дерзновение может ее повести в прелесть, перенапрячь ее силы... И сам недоумеваю... Господи, вразуми недостойного Твоего иерея! Во всяком случае явно, что нет на то воли Господней, ибо своей волей я не вправе ей разрешить. С нею была и другая восторженная визионерка и молитвенница, 16-летняя Клавдия, которая однажды имела со мною беседу, — это цыпленок, в то же время совершенно охваченная умною молитвою, астральным ясновидением и сумбуром от чтения книг вроде Нилуса. За нее боюсь, как не боюсь за чистую и ясную Ньюру: не справится со своим внутренним миром, но и люблю и радуюсь на эти живые чудеса Божии... Она — гимназистка, — в наш век пламенно стремится в монастырь, задыхается в миру. И это в наш век, рядом с разными комсомолами. Как смешны и бессильны они со своими попытками угасить огонь веры в человеке.

Моя жизнь — вне храма — полна обыденщины. Устраиваю детей на службу, езжу по делам. Умственным трудом совершенно не занимаюсь. Некогда, нечем, да, очевидно, и уж не моего ума дело. Господи, помоги

музеях стоят св. мощи под гогот неверия и нет молний с неба, нет защиты. Но Господь, когда придет час, даст защиту, пошлет вдохновение, воспламенит сердца... Ей, гряди же, Утешитель, гряди, гряди, гряди!

17 ноября 1921 г. Ялта. Сегодня день рождения нашей Муночки, ей исполнилось 23 года. Благодарение Господу, она с нами и здорова, и вообще мы все вместе. В прошлом году Федя был в безвестности, она вдали от нас в Симферополе, и надвигался кровавый кошмар, сегодня же над нами нужда, но мы живы. Господи, благослови жизнь нашей девочки, Пречистая Мать, сохрани ее сердце. Конечно, по человечеству, отцовски я ей могу желать только хорошего мужа — и это у меня, по обычаю, превращается в *idées fixes*, но это — малодушие. Я поддался ее настроениям и моменту: при свете опыта собственной жизни и всего окружающего разве я могу считать теперь замужество действительно тихой пристанью, успокоением, да еще при Муночкином капризном, требовательном и слабом характере? По крайней мере, все, кто попадались на ее пути, несомненно, не дали бы ни покоя, ни опоры, и, вслед за коротким увлечением, последовала бы долгая горечь, разочарование... Не умею ей помочь своим слабым умом и волею и чувствую безмерную вину перед ней. Но спокойно вверяю ее и судьбу ее Господу. Если не устраивается ее личное счастье, стало быть, нет его в планах Божьих. Сегодняшняя ночь мне это как-то неожиданно [открыла?] и успокоила. Да будет воля Его.

25 ноября 1921 г. Пришли письма из Москвы и повеяло московской жизнью, бодростью и дружбой. Переезд в Москву стал как-то близок и реален. От о. Павла нет прямых вестей, но есть о нем. Он жив и жизнен, ибо у него за это время родился сын Михаил. Молчаливое, но достаточно сильное утверждение жизни вопреки всему развалу! М.В. Нестеров прислал снимок с нашего портрета, как радостно я был им взволнован, как вспомнились эти дорожные, лучезарные дни и вечера в домике о. Павла под кровом преп. Сергия в тихой, задушевной

беседе... Господи, как Он милостив ко мне, посылая Друга и столько дружбы... Себя на этом портрете я ощущаю уже определенно как *не-себя*: он совершенно верен, но *того* уже нет, он умер, испепелился в огне посвящения. И лицо (духовное) у меня теперь совсем *другое*, проще, скромнее, мягче(?), дисгармония разрешилась, и потом нет этого пошлого штатского платья, внушающего брезгливость, эстетическую и мистическую... И еще сильнее сознаю я и чувствую, как недостойн я стоять рядом с о. Павлом, какое недоразумение в этом *совместном* портрете (что я для него и рядом с ним), но пусть буду как фон, как эти деревца, но все-таки с ним и около него. Сижу и смотрю на эту мудрость, свет и силу, спокойствие, льющееся от всей его фигуры... Большое письмо от аввы,⁹ любящее, полное известий о друзьях.

Завтра годовщина великой, бесконечной милости Божией, чудесно к нам явленной: получения известия от Федички... Я позабыл было даже этот священный срок, но мне напомнила моя Неличка. Господи, какое это было потрясение души, как это было чудесно! Накануне приехал О.О. Иванов и убавил надежду тем, что в Москве никакого следа Феде не оказалось. На следующий день была служба в Гаспре, я еле нес себя от подавленности, хотя после причащения стало ясно и мирно на душе. Спустился вниз, и встреча с Нелей, которая, смеясь, плача и не доверяя, шла получать письмо. Идем вместе, не идем, а летим, вне времени и пространства, и, наконец, вдруг радостная, ликующая весть... А затем общая радость, восторги, поздравления, благодарность — молебен в столовой и общая, благодарная молитва. Вечером Дроздов с таким горячим приветом... Когда вспоминаешь это чудо, так стыдно греховного своего маловерия, так хочется плакать, молиться, благословлять Бога. И теперь Федичка живет со мною, — не так, как чаялось и как хотелось бы, в теле раба, советским невольником без кисти и палитры, но зато такой светлый, самоотверженный, любящий, заботливый: то, чего не было в нем *до* этого страшного часа. И водил Господь, и ведет его и нас Своей стезей, чтобы

научить нас не носиться с собой, но горячо молиться и благодарить. Нынче ночью он отсутствовал на дежурстве, и так было страшно за него, так живо чувствовал бесконечную милость Божию в его возвращении. Жизнь есть высшее благо, дар Божий, перед которым все остальное условно и производно и вот будем вместе все, общими силами, отстаивать жизнь. Слава Тебе.

2 декабря 1921 г. Ялта. Сейчас будет молебен с освящением нашей квартиры. Благослови, Господи, житие наше здесь!

Сегодняшняя ночь была примечательная и, б.м., еще раз поворотная в моей жизни, — трудная и даже страшная. У меня была бессонница от тревоги, от холода, от скорби при виде моих дорогих деток, находящихся в тяжелой неволе. Но вдруг моя мысль потекла в совершенно новом и неожиданном направлении. Вчера мне заявила Е.К. Ракитина о своем желании перейти в православие, — для нее это просто есть возможность надлежащей церковной жизни, но это дало толчок моим дремавшим чувствам и никогда не гаснущей боли о разделении церквей. Я почувствовал со всей остротой, что просто присоединить настоящих католиков я не могу *хотеть*, ибо у меня несомненное чувство, что и они в настоящей церкви и мы в не вполне настоящей, как и они, что разделение есть рана на обеих, и что же тут делать? И все, что обычно говорится о различиях исповеданий, есть лишь лепет и жалкие самооправдания, — и догматы, и даже папа, и опресноки. У нас есть восточное православие как *жизнь* церковная, у них есть свои прекрасные стороны, — дисциплина, умиленный культ Сердца Иисусова и Богоматери и многое. Главное же у них есть универсальное вселенское чувство церкви с универсальным лат. языком, при *местных* и т.ск. разночтениях, а у нас только местное: наш цер.-слав. язык есть историческая случайность, нам дорогая, но уже умирающая (что иное говорит теперешнее бессилие и безвкусие сказать хоть что-н. на этом славянском языке, а не на кухонной семинарщине). Мы, приняв христианство от греков вместе с дивным

восточным обрядом, приняли их *местную*, национальную себялюбивую распрю с Римом и раскол, от которого погибла Византия, как от кары Божией, но, умирая, и нас заразила трупным ядом, действующим в разных митр. Антониях¹⁰ и присных. Мы сразу вверглись в провинциализм, который в Москве возведен был в догмат «Третьего Рима» (и здесь только пародируя Рим первый и единый), за что были наказаны синодальным Петербургом, а теперь суд Божий над Россией и русской церковью разразился в большевизме и в бессилии духовном и духовной оставленности церкви. Да, мы имели великих русских святых, русскую святость и благочестие, но все это как поместное, приходское благочестие, и наивен тот, кто как Новоселов¹¹ и многие иерархи эту «духовную жизнь» смешивают с вселенской церковью. Этого не исключает, не отнимает Рим, этому он, будучи мудрым, и не мешает. Мне совсем в новом свете предстал новый путь католичества вост. обряда. Ничему не мешать, ничего не гасить местного, только разбить эту удушливую преграду, ограниченность... Да, это именно так... И мы должны, думалось, еще совершить жертвоприношение, самоотвержение ради истины: покаяться во грехе...

3 декабря. Эти мысли налетели на меня как вихрь, голова работала с горячечной быстротой, сердце стучало. Я со страхом думал: Господи, неужели еще не кончен мой путь, и новое дело, новую жертву, новое перевоплощение требуется от меня? Я знаю, как страшен, как жертвенен может быть этот путь, я не чувствую ни сил, ни молодости к нему, он для меня неожиданное ответвление от намечавшегося мною иного пути. И однако рука Божья на мне, я это уже знаю, чувствую с несомненностью, достоверностью. Много должен я пережить и передумать и проверить, прежде чем для меня проявится, чего требует от меня Господь, какого sacrificio не только dell'intelletto, но и della corde потребует. Но с этой ночи передо мной вплотную стала новая страшная задача: изжить до глубины боль разделения церкви и ответить себе решительно на этот

безответный, трагический вопрос. Вот для чего, думалось мне, сохранила меня жизнь столь чудесно, и она мне уже не принадлежит, она в руках Божиих. И я знаю, перед какой стеною в *обе* стороны я здесь стою. Порою мне становится ясно, зачем и почему я здесь остался в этом уединении, вдали от всех близких, даже от Друга: мне нужно *одному* пережить и прислушаться к себе, к потоку событий во мне и вне меня, к голосу Божию.

Во всяком случае, страшная, историческая, роковая это была для меня ночь, и была на мне рука Господня...

31 декабря 1921г. Отходит в вечность сей страшный и благословенный год, год испытаний и чудес! Велики были испытания — от непрестанной угрозы жизни и свободе, от нужды, от человеческой жестокости и грубости, от надвинувшегося голода, и казалось, что не пережить этого года, не дожить до нового! Малодушный страх мертвил и леденил сердце. И — вместе с тем — в этом году мы пережили чудо — возвращение Федички, который сделался нашей опорой и кормильцем, и эта радость вознаградила за все, все испытания. И теперь живем все вместе, все живы, хотя и потрепаны, под кровом Ялтинского Собора, куда я тоже попал по воле Божией, вопреки всем ожиданиям. И когда видишь и чувствуешь явственно, как вела и ведет рука Божия, спокойно и доверчиво вверяешь ей себя до конца. Да принесет наступающий год желанную перемену в судьбе Муночки, которая находится в хронически-тяжелом состоянии, каком-то тупике. Для России этот год был год умирания, бедствий, голода, рабства. Да будет это умирание перед воскресением. Очевидно, власть красных дикарей себя изжила, и начинается европейский раздел России, быстрая ее экономическая европеизация. Еще год тому назад я бы с ужасом и омерзением смотрел на это дело русского и европейского начала, но теперь я смотрю в будущее бодро и с доверием и готов почти приветствовать эту европеизацию, видя в ней волю Божию. Нам нельзя жить в отрыве и гордом самоутверждении от мира. Чтобы стать самим

собой, надо стать христианской Европой и тогда Россия приблизится к своему призванию. У нас все впереди... Господи, благослови новое лето!

1 января 1922 г. Благослови, Господи, новое лето! Вчера мы встречали Новый год всей нашей семьей, в мире и радости. Со мною в комнате ночевал Сережа, я с радостью слышал его дыхание и чувствовал его присутствие. Самому мне, конечно, не спалось, как всегда перед ранней литургией, но и мысли мои неслись вихрем и.. в Рим и о Риме... Я думал о том, что мне надлежит обратиться к патриарху с мотивированной запиской о необходимости общества для взаимного ознакомления и сближения церковей. Надо *поставить* вопрос и церковно и *вне*-церковно. До сих пор Господь явно помогал мне и содействовал. Верю, что если есть воля Божия и если не в прелести, но действительно чувствую на себе руку Божию, то сами обстоятельства укажут путь. А пока — благодарение Богу, что я в Ялте, один, со своими мыслями, такими для меня самого новыми, поразительными, неожиданными. Голова трещит от вопросов, п.ч. надо пересмотреть все свои верования и земные упования. Помогите мне, Господи, вразуми! Во всяком случае новый год сей встречаю весь охваченный новыми мыслями, новыми предчувствиями и задачами. Слава Господу.

14 февраля 1922г. Понедельник 1-ой седмицы] Вел. Поста. Господи, благослови святую четыредесятницу! Вот по милости Божией встретили и великий пост, дожили здоровы и невредимы. Уже четвертую 4-десятницу я встречаю в сане иерея: первая и незабвенная в Оленизе в 1919 г., — при вторых [большеви]ках, следующая, тоже незабвенная, в Симферополе, неразрывно связанная с воспоминаниями о Вере Георг., ее вере и преданности, и о Еленинской церкви (страстная седмица); тогда был Муночкин тиф, Федино отправление на фронт. Третья четыредесятница в Оленизе, — с Алешей, в пору тяжелой угрожаемости, она закончилась благодатной Страстной седмицей в Гаспр. церкви. И вот, 4-ую

встречаю здесь «викарием» соборного о. Петра, в Ялт. Нов. Соборе, охваченный трудными и ответственными переживаниями. Здесь я только колесо в *не* мною поставленном и руководимом богослужении, смирил меня Господь, но вместе и благословил, да будет Его воля! Хотелось бы, конечно, на это время больше, чем когда-либо, *своего* угла и *своей* общины, чего здесь нет, но, очевидно, для этого не время, и сейчас я должен обезличиться, чтобы в тишине совершить путь свой. Основное мое чувство жизни личное — это бессилие и поражение перед голодом. Как тяжело и постыдно чувствовать себя жадным и трусливым себялюбом, прячущимся и запирающимся в свой угол с своим куском для себя и семьи, под стук и стоны голодных. Я чувствую себя недостойным даже говорить о Боге и вере, а в то же время должен учить других, литургисать и сам окаянный причащаюсь Хлеба и Крови Господней. На днях я был со св. дарами у умирающей от голода старухи, которая лежит одна в холодной сырой комнате. Я чувствовал себя таким уничтоженным и духовно бессильным, и она стоит передо мною, как на страшном суде. Сейчас самое существование становится грехом. Ведь я должен был бы отдать ей свою еду, взять ее к себе, а это значит, пожертвовать всеми привычными условиями и удобствами своего существования. Господь заставляет делать решительный выбор: или Он, или себялюбивое самосохранение, и во мне побеждает последнее, и это во всем, на каждом шагу: смеется сатана с своим экономическим материализмом, который оказывается *прав* относительно меня. Мы проходим через огонь и грязь испытания и видим себя в ужасном свете, духовными трупами ранее вечной смерти. Я знаю, сколько я могу привести смягчающих обстоятельств: семья, — главный заработок вовсе не мой, а Федин, которым я не имею и права распоряжаться. А все-таки сознаю, что нет во мне живой любви к Христу, Которого я дерзаю называться служителем, а на самом деле являюсь хулителем и распинателем. И какие страшные, жуткие положения теперь раскрывает исповедь, — она меня страшит теперь, ибо знаю, что

предстоит мне сознавать снова и снова свое бессилие, — маловерие, себялюбие. Теперь — «святое время», как сказала мне одна прихожанка, но для святых, а не для таких черствых и грубых маловеров. Теперь надо растаять, отвергнуться себя, или же влачить такое постыдное существование. Господи, Ты видишь мое сердце, помоги мне, [нрзб] его и помилуй людей Твоих!

26 февраля 1922 г., день рождения Нели. Ялта.

Благодарение Господу, при всех трудностях жизни Бог дал нам в мире и радости встретить день Неличкиного рождения. Мы все здоровы и благополучны, миновала зима, стоит весенний день, и на душе надежда. Вчера проводили Муночку с Д.Н. в Москву, дай Бог ей удачи и радости. Было много трудностей и волнений с ее отъездом, но все благополучно миновало. Завтра годовщина возвращения к нам Федички. Как милостив к нам Господь! Как чудесно хранил он нас в эту годовину. Благослови и сохрани моих милых!

27 февраля 1922. Годовщина возвращения Феди, тот чудесный, благодатный, радостный день. Господи, слава Тебе! Сегодня (2 воскр.) совершил литургию и молились дома, и о всех нас и об отсутствующей Муночке.

11 марта 1922. Иногда зябнет сердце и цепенеет мысль. Боже, чего приходится быть современником и пассивным, себялюбивым созерцателем!

Ведь теперь просто оставаться живым, т.е. ежедневно пить и есть, среди этих умирающих от голода людей есть грех и преступление, и таковым чувствую себя. Исповедь теперь для меня мучение, п.ч. это стон, обличение, вопль. И, самое страшное, лишь теперь узнаешь, как мало веры во мне, *какой* я христианин. Сознание, что недостойн войти в храм, приблизиться к престолу, а между тем говорю мертвыми устами слова святой молитвы, совершаю таинства. Если бы у меня была та вера, о которой говорит Евангелие, я бы совершал чудеса, я помогал бы этим несчастным, насытил бы их пятью хлебами. Но для этого надо отречься себя, надо

отдать эти пять хлебов, последние, от себя и своей семьи, — первому нуждающемуся — и лишь тогда, после безумия в мирском смысле, совершить чудо. Все эти страдания и вопли, от которых мучается и изнемогает сердце, есть моление *о чуде*. А этого моления и этой веры нет, а потому нет и чуда. У меня темнеет на душе. Наступает для меня какой-то страшный и жуткий кризис, — со стороны, которой я не ждал, хотя и должен был ждать. Я мечтал о *сладости* священства, а пью горькую, отравленную маловерием чашу страдания и бессилия. То, что ежедневно происходит вокруг, непоправимо и непростимо. Господи, научи меня оправданием Твоим. И как больно, как обидно за человека! уже не за Россию, не за русского — перед голодом все равны этим странным равенством, но за человека. Как это поэтично в стихах: И куда печальным оком / Вкруг Цетера ни глядит / В умирании глубоком / Человека всюду зрит, — но как страшно и отвратительно это унижение: вши, нечистота, вонь, живые и мертвые трупы... Этого нельзя, не должно забыть. Это мертвит душу навсегда (если не легкомыслие), это подрезывает навсегда крылья. Если мы и выйдем отсюда живыми телом, то мертвыми душой. А между тем я собирался еще жить, мне казалось, что Господь зовет меня к новому делу, служению. Но в душу входит смерть... Вероятно, смерть всегда такова. Но когда вся жизнь становится смертью, умиранием, тогда и такая смерть есть отравка жизни. Смерти нужно покориться, нужно ее принять с верою и не растеряться пред смертью, когда она покажет свое лицо, но это умирание страшнее и отвратительнее смерти. Что я нажил за эти недели и месяцы, которые несутся с какой-то страшной пустотой, а вместе значительностью, — не то новое рождение, не то агония, — это сознание своей смертности и принятие смерти. Это совсем не в связи с только что записанными отравленными чувствами, — нет, это как новое обретение, освобождение, рост души. Раньше я *не верил* в свою смерть, п.ч. верил в событие, преображение, которое лично для меня упразднит смерть (хотя бы даже оно и явилось вместе с тем физической смертью).

Теперь я понял, жизненно, всем своим существом понял, что это — мечтательность и иллюзия, *детское* неведение. И вообще наша игра в эсхатологию слишком часто бывает особой разновидностью интеллигентщины, интеллигентской мечтательности и, вместе, испуга, бегства от истории, тем более, что, как и всякая мечтательность, она ни к чему не обязывает, кроме пассивного ожидания. Образовывалась густая мгла, которая то темнела, то розовела. И для меня образовалось такое розовое облако — мечты о преображении, которое и заставило меня поверить, что я не вкушу смерти, а буду как бы взят в сретение Господа на воздухе. И теперь я *прозрел душой*, что это лишь мечтательность. И потому для меня впервые реально выступила смерть, моя личная смерть. И думаю о ней с покоем и радостью как о свидании с живыми ушедшими, как об общем человеческом уделе, как воле Божией, которая исполнится, когда наступит срок. И какая-то простота, покой и ясность в душе от этой мысли, особенно простота. Ведь я уже познал себя и думаю, что сначала испытывал это как разочарование, — остатки прежней *mania grandiosa*, — теперь вижу в себе человека, что-то делавшего, как-то жившего, но не очень крупного и жизненное дело коего перервется с его жизнью. Я даже не исключаю возможности и «событий» и даже преображения и неведения смерти, если Господу это угодно и нужно, но это тогда должно наступить как новое, еще не бывшее. То, что я доселе принимал уже за это, есть ребячество, а вместе и предчувствие. Разумеется, я вовсе не отрицаю и не уменьшаю значения эсхатологии, но не хочу ей баловаться, заслоняться от серьезного и честного голоса жизни. И эта простота дает мне силу жизни, она дает мне возможность нести спокойно крест своего неизвестного, приходского провинциального существования без суетливости, стремления куда-то. Страшные испытания, среди которых я живу, срывают маски и разрушают иллюзии. Они заставляют смотреть на смерть как *страшный* час расплаты и бессилия. Но это новое чувство жизни и смерти не от них, оно просто следствие духовного возраста и роста, далекое «ныне отпускае-

ши». И как легко, как хорошо чувствовать себя и в этом отношении простым человеком, как все, и со всеми, и радостно думать, что ждет новое рождение, новое свидание, — с Ивашечкой, папой, мамой, братьями, ушедшими.

10/23 марта 1922 г. Боже мой Господи! Что мне делать? Научи, укрепи! Вернулся с исповеди: обычная теперь история — голод, безработица, мысли о самоубийстве. И чувствуешь себя преступником, недостойным войти в Храм, приблизиться к св. престолу. Разве мы христиане? Разве мы верим? Вот испытание нашей веры... правы марксисты, которые глумятся над «идеологией», столь жалкой, столь бессильной. Каким-то ледяным кошмаром стало теперь для меня мое служение. Я очень хорошо вижу, как легко упиваться сладостью богослужения, отдаваться маниловской мечтательности относительного своего «преображения», а вот поверил: умирающий от голода старуха, которую именем Христовым напутствуешь богохульствуя, умирающий старик, голодающий и готовящийся к голодной смерти. На исповедь пришли, эти готовящиеся к самоубийству женщины, и жалкий, бессильный лепет мой, с полным желанием поскорее отделаться, отвязаться, да в сущности, с желанием, чтобы они поскорее умерли, «успокоились». О, какое страшное в себе разочарование, какая беспощадная критика всех ребяческих самоуверенных иллюзий... Да и не имеешь ответа, п.ч. и сам не знаешь, зачем, за что и почему умирают все эти люди. Но знаешь *свою* собственную низость, свое себялюбие. С жестокой иронической правдой ставится теперь вопрос: если хочешь *быть* христианином, а не трепать языком, отдай все свое. Тогда... будет чудо, если поверишь, двинешь гору, а до этого... молчи. О страшное испытание, страшный суд Божий и гнев Божий, суд до смерти и полное, полное обвинение! Я *боюсь* теперь проповеди, п.ч. она меня обличает: как я могу говорить о помощи ближнему, когда весь состою из себялюбия, когда я боюсь каждого стука в дверь, каждого нищего! Боже мой, Боже мой, вскую меня оставил!

11 марта. Подготовил было возможность справиться о выезде для моей Матрены, а помочь ей не удалось, не благословил Господь, такая, такая тяжесть на душе. Видел ее только у св. Чаши, когда причащал, — недостойный себялюбец, а потом уже исчезла, вероятно, бесследно, п.ч. не знаю ни ее фамилии, ни лица даже не узнаю...

1 апреля 1922. Ялта. Скоро уже месяц, как мы проводили Муночку в Москву, и нет от нее известий. Я мало и плохо молился о ней и молитвенно помогал ей и чувствую себя перед нею виноватым. И это же чувство у Нели, хотя она, конечно, гораздо больше бдит над ней. А над ней нужно бдение. Она такой ребенок, так беззащитна перед всякими смущениями, так робка и пуглива. Сохрани ее, Господи, от зла. Я не боюсь, чтобы зло могло иметь доступ к самому ее сердцу, — этого нет, она чиста, но изломать ее, измучить, запугать оно может, — и она без того запугана. Верю Господу и Матери Божией, что ее жизнь направится как надо. Господи, сохрани ее! В чем-то ей сейчас трудно, слышит сердце о ней... Сегодня в ночь умерла Л.А. Кандинская, и опять упреки совести в черствости сердца, в себялюбии. А она незлобива как младенец, Господь призвал ее скоро. Я ее причащал. По-прежнему голодные требы. Но и становлюсь бесчувственным, — быстро забываю и успокаиваюсь, чужая скорбь, — а ее море на исповеди, на требах, всюду, — как-то проходит мимо. Или это закон самосохранения и прямая помощь Божия, п.ч. иначе нельзя было бы и жить?..

Федя получает все больше, наша сытость увеличивается, но совесть укоряет, какой неоплатной ценой покупается эта сытость: надо Феде скорее высвободиться от этой неволи. А между тем, пока о выезде в Москву невозможно и думать, — не на что. Но верю, если надо и когда будет надо, явятся средства... Уже Великий Пост на исходе, приближается светлый праздник.

27 марта. Вербное воскресенье.

Великий праздник, солнце сияет, я сегодня служил, мы благополучны, а на душе чугунная, беспросветная

тяжесть. Только что вернулся из земской больницы, где больные прямо-таки умирают с голода, их не кормят, и таким безбожным преступником чувствуешь себя перед этими страдальцами ты сытый, жирный поп, и так немеет на устах слово утешения. Поднимается волна негодования на палачей России, но она сменяется болью за свое себялюбие. Все эти умирающие уста, просящие о помощи безучастного «батюшку», они будут вопить и свидетельствовать на Страшном Суде против меня. Рассуждая умом, понимаешь, что при теперешних размерах бедствия никто не может пособить (только «американцы»), а сердце мучит и мучится... Господи, смилуйся над людьми своими, ведь этого ужаса и преступления еще не видела земля.

31 марта. Чистый Четверг, — святой и благодатный день, много причастников. Я так всегда любил этот день и чувствовал эту литургию... На душу сходит мир, а еще вчера я был в смятении. Получились вести о Муночке: хотя и хранит ее Господь, но трудны и не вполне удачны ее первые шаги в Москве, иначе не могло и быть. Надо молитвенно поддерживать нашу бедную девочку! Господь милует нас: к празднику мы завалены и деньгами, и пайками. Если бы была с нами Муночка! А голод вокруг прежний и тот же самообман и забвение спасает от них нашу сытость: дать какие-нибудь крохи чужими руками, да притупится острота первого впечатления, вот и успокоишься... Лукавый и себялюбивый раб! Эти дни беспокоился по поводу того, попаду ли в Москву, но теперь предал себя в волю Божию, да и есть как будто надежда на ресурсы. По-видимому, собирается новая гроза на церк. небе, надо готовиться к шквалу...

А собор наш — все-таки сказка, и сказка, хотя и трагическая, о жизни всех этих душ, которые раскрываются на исповеди: какие судьбы, какие чистые и прекрасные есть души и теперь, в этой советской содомии. Это поистине чудесно. Всякая исповедь в Вел. Посту, и на Страстной неделе в особенности, меня подымает и окрыляет, дает ощущение бесконечной духовной шири и глубины.

3 апреля 1922 г. Св. Пасха.

Пролетели знойные и благодатные дни страстной седмицы, и Господь привел встретить Пасху. Как велика к нам милость Божия! Разве могли мы думать прошлым летом, что доживем до Пасхи и встретим ее в таком благополучии, что даже совестно. Но Муночка не с нами, от нее нет известий, это единственное, что нас омрачает, конечно, в нашем семейном положении. Служба, как и все вообще эти службы, была красивая, парадная, величественная, но холодноватая. Конечно, это от того, что это не мой храм и не мой приход, хотя они мне стали и дороги. Но все чудесно в жизни, и надо чувствовать совершающееся чудо. Христос воскрес из мертвых!

24 апреля. Дни идут. Весна уже. Муночка зовет в Москву. Она устроилась и хлопочет о нас, милая девочка. За нее непрестанно болит сердце, — ее личная жизнь так и не устраивается, а в этом все дело.

Приходится серьезно думать о Москве, не можем же мы ее там одну оставить, да и Феде нужно, хотя страшно мне за Нелю и Сережу. Жду, что Господь укажет путь, и заранее покоряюсь. Лично за себя страшусь и смущаюсь, ибо знаю, что иду не на радость, а на скорбь, на последние, быть может, испытания. Меня ждут там в качестве «столпа православия», а этот столп уже подгнил: в глубине своего сознания я уже потерял себя и не знаю, кем мне считать себя: просто ли католиком, еще не решившимся провозгласить свою новую веру, или же, напротив, *новым*, восточным католиком. Ясно для меня одно: в основном прав Рим и не прав восток, — и о Папе и о Св. Духе. Но что из этого практически для восточной церкви и для меня следует, на это я не имею ответа и не умею его найти. Я чувствую, что меня ведет рука Божия, и я должен отдаться ей как трость в руках книжника-скорписца. Но те сердечные раны, жертвы и разрывы, которые меня ждут, меня ужасают, те разочарования и слезы, которые я причиню любимым и дорогим, начиная с патриарха и еп. Феодора,¹² Мих[аила] Ал[ександровича] и др., меня угнетают. Я ду-

маю о Москве как какой-то глухой стене или Голгофе. Я так слаб и бесхарактерен для дела, на которое ныне посылает меня Господь, и всю жизнь свою прожил я в бесхарактерности, вся она ушла на путь, на *от - к*. И вот я радовался обретенной тихой пристани, правде своего священства, выше и незыблемей коего ничего не знаю, и этот ураган, на меня налетевший, меня ломает и гнет... У меня началась страшная двойная бухгалтерия: перед Богом я чувствую свою совесть спокойной, но я знаю, что если я выскажу вслух свои перепершенные мысли, произойдет страшный скандал и, б.м., церковные репрессии, а я должен — рано или поздно — это сделать. Теперь еще не могу, еще рано, да я и не в состоянии сам себе ответить на главные практические вопросы. Пока я должен молчать и вынашивать, вверяя свои мысли своей тетради, но в Москве это станет уже невозможно, там и не смогу и не нужно молчать. Как привлекательна мне теперь и значительна, — издавека, — кажется жизнь и деятельность о. В. Абрикосова:¹³ как прямая свеча горит он пред Богом и делает *одно* великое дело всю свою жизнь, служит *одной* великой идее всеми силами души, и уйдет к Богу, неся плод полного рабочего дня. М[ожет] б[ыть] я разочаруюсь быстро, но теперь мне эта однотонность, это одно звучание туго натянутой струны, необыкновенная серьезность, строгость и самоотверженность жизни кажется великим подвигом и величайшим даром жизни. Не такова моя неудавшаяся, в лености прожитая жизнь. Я знаю, что легко со стороны говорить обо мне, что все время я суетился и менял свои вкусы, то же и теперь, не сидится без пикантных ощущений. Но видит Бог, что это неправда. Свое священство я чувствую как дар неба и абсолютный, и незыблемость священства в православии я тоже абсолютно знаю. Но единственная моя теперь мысль — церковность, и я вижу, совершенно ясно вижу, что православие не абсолютно, оно должно осознать себя и вырасти во вселенскость. Благодарю Господа, за эти годы и месяцы в Ялте я освободился от стольких иллюзий, и о себе, и о России, и о мировых свершениях. Я все время постигаю, в какой степени я,

да и все мы, с Достоевским и др., охвачены интеллигентской *мечтательностью*, за которую наказуемся и от которой теперь отрезвляемся. Я действительно церковно смирился и *все*, о чем пророчествовал ранее, поставил под вопрос, отвечаю *не знаю* или просто не отвечаю, — о русском народе, его задачах, призвании, о своих собственных заданиях и пр. Я стал благодаря опыту священства неизмеримо церковнее, т.е. *реалистичнее* в своей религии и не ободряюсь, даже прямо скучаю иллюзиями. Я не чувствую себя в этом старее, но просто зрелее, старше, опытнее. Меня почти перестала интересовать литературщина в религии. И при этом на мои плечи, слабые и хилые, свалилась такая непосильная и невыносимая ноша, как сделать делом останков дней своих вопрос о разделении церковей, — вопрос безнадежный по человеческому суждению. Ведь тут мне нужно только решиться на гибель, б.м., бесплодную. Когда я думаю об этом, когда я думаю о семье, о милых, которым еще предстоит пережить, со мною, шквал, — б.м., они его и не поймут и не примут, — меня охватывает малодушный страх, мне хочется инстинктивно еще остаться в Ялте, *скрываться* в Ялте, никем не известным. И я совершенно не в силах объять умом передо мною предстоящего. Пусть Господь укажет путь и свои веления. Я раб Его. Я себе цену теперь узнал, о себе я ничего не воображаю, знаю свое бессилие и свое неудачничество. Не горделивые мысли — видит Бог — владеют мною теперь. Но мысли эти все-таки — мною владеют. И я хорошо понимаю, что от меня, «Сергея Булгакова», ничего не останется при этом, от этого недоразумения. Я ищу, думается мне, *не своего*. Господи, открой, укажи, вразуми раба Твоего!

6/19 мая. Вчера я прочел моск. газету с отчетом о процессе духовенства и о вызове святейшего патриарха на суд, о поношениях и глумлениях над ним. Боже, до чего тяжело! Как будто присутствуешь при поношениях и истязаниях Христа и апостолов. И ведь этот насквозь чистый, кристальный человек, святой, он — мой духовный отец, — он благословил меня на священство,

он — мой епарх. архиерей, его расположением, доверием и лаской я всегда был взыскан, а теперь издалека, бессильный, молча гляжу на узы его и на поношение его, далекий, бессильный и ненужный. Верю, Господу неугодно было удостоить меня жребия с ним, и боюсь я, страшусь в тайниках души и не могу преодолеть этого постыдного чувства. Господи, перероди меня силой Твоею, дай мне возлюбить Тебя больше этой жизни. Ведь я же хорошо понимаю, что только такой конец и может быть единственно достойным концом жизни, но [нрзб.], в наши дни, и Господь щадит меня, видя мою незрелость и ожидая от меня покаяния и мужества. Если и суждено мне иметь свой собственный жребий (правду сказать, меня не вдохновляет положение жертвы за изъятие ценностей!), то ведь всякое подлинное дело Христово в мире м.б. куплено страданием и крестом. И если мне суждено еще чем-нибудь проявить себя, я должен быть готов на крест. Участь патриарха — заточение и ссылка — предрешена, процесс — инсценировка, все разыгрывается по нотам. Как видно из лживых отчетов сынов лжи, патриарх держится со святительским достоинством и даже этим богоотступникам импонирует, хотя позиция его — увы! — шатка и недодумана. Остальные же, как я и боялся, путаются, спасаются, вообще являют смятение, конечно не мне окаянному их судить, я знаю, что мог малодушествовать больше всех, особенно благодаря бессоннице, но картина экзамена исторической церкви не очень утешительная. Я все больше и больше склоняюсь к мысли, что миссия большевиков, даже и в их антицерковных действиях — пробудить русскую церковь, разбить ее историческую скорлупу и ограниченность, но пока — увы! — как чувствуется скорлупа. Патриарх — избранник Божий, как мученик, но вместе с тем вполне трагическая фигура, на нем отяготел рок нашего греко-российского православия, коего он, мнится мне, есть первый и последний в новейший период истории, искупительная жертва «грекороссийства». Быть поставленным у церковного кормила в самый страшный час русской истории (ибо ведь это на самом деле так, п.ч.

происходит небывалый никогда кризис России), всеми нами, «соборянами», вольно или невольно брошенный, без власти, но с ответственностью и «подотчетностью собору», поставленный лицом к лицу с самыми свирепыми и бессовестными врагами веры, пред лицом закономерного развала церковного единства, он, жертвенный и чистый, обречен искупить чужие грехи, по образу Христову. Безнадежная и великая, страшная и прекрасная судьба. Господи, укрепи его в крестной муке его!

11 мая 1922г. Ялта. День свв. Кирилла и Мефодия.

Сегодня Сереже исполнилось 11 лет, возблагодарим Господа! Новорожденный капризничает, как 5-летний, не умели мы его воспитать, да и слабый он и хилый. Трудно ему будет жить в нынешние времена, но Господь его да сохранит и умудрит! Своим человеческим разумом ничего не обнимаешь теперь. Из Москвы самые ужасные вести, и самое ужасное это — осатанение чугунных сердец богоотступников и железная сила жестокости и неумолимости в связи с неимоверным глумлением и наглостью семитскою. Гонение *по качеству* хуже и злее диоклетианских, п.ч. тогда не было царства семитов, не было прессы, наглейшими путями [?] изливающимися ложь и клевету безответно, не было отступничества. Но самое тяжелое во всем этом — унижительное чувство своей растерянности, маловерия, бессилия. Надо готовиться к Голгофе, а человеческое чувство все время пятится. Се ныне восходит в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет в руки человеческие... а человеческая слабость говорила: да не будет. И в жизни каждого человека наступает момент, когда он должен сказать *да* этому часу, жить, *к нему* приговляясь, а нам хочется жить, от него отмахиваясь. Господи, научи, укрепи, дай сказать от всего сердца: готово сердце мое, Боже мой!..

Сегодня день первоучителей славянства Кирилла и Мефодия, из которых первый и скончался и почивает в Риме, а второй получил от папы свое епископство. — Они, греки, проповедники среди славян и верные сыны

Рима, являют собой живой символ того, что надлежит совершить, к чему зовет нас исторический час. И вот в этот, лично знаменательный и торжественный для мира день в алтаре, за литургией, как звезда загорелась в душе моей новая мысль, которая является как бы ответом на все мои искания этих дней: соединение восточной и западной церкви есть не идея только и не задание для будущего, это мистически уже *совершившийся факт*, на Флорентийском соборе в 1439 г., который имеет все внешние признаки вселенского собора и не имеет ничего опорочивающего. В Византии уния была совершившимся фактом и держалась, пока обычная греческая лживость не изменила с падением Византии. За ними отреклись и другие восточные патриаршества, без *всякого* основания объявив собор разбойничьим, хотя присутствовали и подписали законные их представители. От России же был митроп. Исидор с епископами, которые потом возвратившись не встретили никакого противодействия духовенства («воз [нрзб.]!») и народа, и моление о папе торжественно было провозглашено в Успенском соборе. А через три дня митрополит был арестован молодым (26 л.) царем Василием, епископы «проснулись», и все пошло прахом... Но какую же церковную каноническую силу это все имеет? Теперь мне ясен мой путь: надо открыто стать на платформу вселенского Флорент. собора, как уже совершившегося факта, под сень свв. Кирилла и Мефодия. Я могу и должен (разумеется, пока тайно, из церковной дисциплины) возносить литургийные моления о папе с завтрашнего дня Вознесения Христова, а главное передо мной внезапно прояснился мой путь церковного действия. Чрез некоторое время, вероятно, еще не скоро я должен буду обратиться с кличем сплотиться на почве постановлений Флорент. собора, законная сила которого *никем* не была отменена, хотя и затемнена расколом... Господи, помоги и благослови! Свв. Кирилл и Мефодий, молитесь Бога обо мне, дабы умудрил Он сердце мое на сие служение! В нашей литературе собор этот совершенно оболган и извращен, надо все прояснять сызнова.

5/18 июня 1922. Эти дни прожили снова в тревоге и подавленности. Из Москвы вести тяжелые. Пишут, что мне туда ехать нельзя, — казни, гонения на патриарха и церковная смута под давлением советского синода. Затем предстоящая мобилизация и тревога за Федю. Наконец, тревожное положение в С[имферопол]е и здесь. И в результате — полная неопределенность, неизвестность... Порою это тяжело. Кажется, что я предаюсь и шкурничаю и совершенно обезличиваюсь в столь грозное и ответственное время для церкви, далее изнемогаю от бессилия и страха при мысли о том, что же будет, когда я скажу, наконец, громко, что я думаю теперь. От меня отвернутся мои ближайшие друзья, мой слабый голос не будет иметь никакого значения, и я останусь один. Вообще все мрачное и только мрачное теснит душу, вместе с мыслью и о возможности скорой гибели и положении семьи без нее. Конечно, этот дух уныния от лукавого. И когда вспоминаешь все чудеса своей жизни и неисчерпаемость милости Божией ко мне, то верится и здесь в чудо. Ведь не на свои же силы я надеюсь — видит Бог, что *теперь* этого нет, и если мое дело есть дело Божие, то Господь его благословит и устроит, а если нет, да сойдет оно поскорее на нет. Но рассуждая объективно, я все-таки продолжаю себя считать правым и все утверждаю. Часто я думаю последние дни об о. Павле и с болью и страхом говорю себе, что, конечно, и он будет *не* со мною, хотя в то же время я чувствую и понимаю, что он *должен* быть со мною. Я так ничтожен и бессилен перед ним, так перед ним склоняюсь и пасую, что я, конечно, не мог бы вблизи его проходить *свой* путь. Я от него получал бы бесконечно много идей и импульсов, как это и было, и из всех сил старался бы, вольно или невольно, сознательно или бессознательно, — подражать ему. Теперь, на расстоянии места и времени, я, кажется, больше различаю его и себя. Он, конечно, единственный, он — чудо человеческого ума и гения, — он это знает сам о себе, и это, освобождая его от всего мелочного и суетного, дает ему силу и сознание своей сверхчеловеческой свободы. Он есть на самом деле *Uebermensch*, но

вместе с тем и христианин, — святой. Но сила его не в его святости, не в подчинении низших сил вышним, — иначе — не мог бы быть *такого* калибра духовного человек, но в его железном уме и жажде познания — беспредельной... О.Павел слишком *сам*, иногда он изнемогает от этого богатства своего, которое не становится для него самостью, но мешает его детской непосредственности. Он ни в чем не наивен и не детск, у него все опосредствовано, прошло через сознание и волю, и в этом смысле сделано, стилизовано. Странно, но он для меня перестал быть *церковным* авторитетом, хотя я по-прежнему, не меньше прежнего знаю его единственность, он для меня не непогрешим в вопросах церковного сознания, как я в сущности его считал. И «столп и утверждение истины», как я теперь ясно вижу, *сделан* и, действительно ведь, прав Бердяев, не злобным и мелочным, завистливым тоном, но по существу — есть стилизация православия. Я помню, о. Павел когда-то мне писал, что он имеет *свою* идею православия и, действительно, в этой книге есть *его* собственное православие, *его* мысли о нем. И *его* православие — с такой *безнадежностью* в смысле неразстворенности и, кажется, неразстворимости оккультизма, неоплатонизма, гностицизма, не есть историческое православие, не есть и церковное православие. Его личная, человеческая сила, уверенность сознающей себя силы отнюдь не есть еще церковная сила, как мне наивно все время казалось. О.Павел — загадка из загадок и для себя он загадка, м.б. это самый интересный, значительный из людей, когда-либо бывших, п.ч. в нем пересекается лабиринт ходов, его совет и суждение единственны и все-таки это не голос церкви, это — роковым образом свое, мудрость рядом с чудачеством, свой *произвол*. Я, разумеется, верю в его дружбу, он меня не оставит, ибо он верен, он так благороден, что не м.б. *не* верным, но он любит меня своим произволом, причем, конечно, не может не третировать, я это и вижу, разве я ему ровня, как мой слабый Сережка не товарищ моего умного Вани, но который имеет право на существование, и каждый сам по себе. О. Павел, написавший гениально

о дружбе и с распаленной ее жаждой, в сущности всегда *один*, как Эльбрус с снеговой вершиной никого не видит около себя, наравне с собою. И его привязанности, «друзья» (характерно для роковой для него «стилизации», что ведь и «письма к другу» тоже литератур. фикция, ибо друга-то не существует, и *правы* те наивные, которые все разгадывали и спрашивали, кто же друг, п.ч. для простого человеческого чувства здесь стилизация недопустима и невозможна, а между тем она была) суть избрание иррационального произвола, почему так непонятны и удивляли: «Васенька» Гиацинтов!¹⁴ Я никогда не занимал такого места, скорее я *своим* робким отношением вынудил или вымолил ответную дружбу, всегда великодушную и щедрую, но и отнюдь не страстную и не единственную. Да, все волевые акты избрания, озлачивания собою, своими лучами, зеркала я: и еп. Антоний,¹⁵ и Анна Мих.,¹⁶ и старец Исидор,¹⁷ и... «православие» (именно в кавычках, т.е. «Столпа»), и даже моя малость и это «стилизация» роковая, безысходная, от силы, от богатства... б.м., люциферического, даймолического (в неоплатоническом смысле), от которого *не дано* освободиться. Около него я был бы задавлен, и мое глупое, но непосредственное и в *этом* смысле более подлинное церковное чувство молчало бы... Поэтому, мне кажется, я понимаю, *почему* я удален и отлучен и от него, от единственного, чтобы пережить все, что мне суждено пережить.*

И я, действительно, не знаю, надо ли мне, пора ли мне ехать в Москву и обнаруживаться, или еще надо в тиши, молча, думать и зреть, пока Господь не призвет. Вверяю себя в его руку! Пусть Господь укажет путь мой!

* А с ним, по-видимому, чувствую это без слов и заключаю из косвенных, до меня доходящих признаков, — опять происходит рецидив того, давно уже прошедшего и погасшего, казалось, люциферического подполья, которое наглухо закрыто было, но не преодолено (ибо непреодолимо «*δύχραδ(ι)νη*», ведь сам он называл себя несчастным «Гераклитиком») сверхчеловеческим усилием воли...

17 июня. На горизонте моем опять появились грозные тучи, возможно, что из Симферополя угрожает мне опасность, и большая, хотя столь же возможно, что и ничего не будет. Предаю себя в руки Божьи! Страдаю за семью, но лично к перспективе смерти отношусь, если не спокойно, хотя и с недоумением, по-человечески мне казалось, что предстоит мне еще одно послушание на ниве церковной, — вещать и звать к соединению церквей. Но неужодна ли Богу эта моя идея (чего я все-таки не могу в совести моей сознать) или же она так превышает мои силы, что мне дано о ней только посмертно возвестить, не знаю, Господь знает... В России и в русской церкви творятся такие мерзости, что, будь я настроен эсхатологически, то линия наименьшего сопротивления и исторического испуга была бы бежать в эсхатологию и объявить уже наступление «мерзости запустения на месте святе», — последние времена. Но я, м.б., накануне своего личного конца, настроен еще исторически: еще не выполнена задача исторического христианства, соединение церквей, за которым наступит расцвет и подъем восточного христианства (бывшего «грекороссийского православия») и осуществится миф о белом царе. Сейчас же Россия, подобно Византии, завоеванной турками, завоевана изнутри евреями и нигилистами, и происходит вполне аналогичное с греческой церковью под султаном. Но греки оказались бесплодной смоковницей, тот порыв, или хотя тяга к вселенскости, который у них все-таки обнаруживался перед падением Византии, сменился мелкой, тупой, фанатической, безыдейной национальной враждой к Риму, и бесплодная смоковница была посечена, ибо, конечно, православный восток уже более 5 веков умирает исторической смертью и не проявляет признаков жизни. Россия сейчас находится в состоянии аналогичном тому, что испытывала Византия после 1453 г., после падения. Она должна духовно самоопределиться под игом и либо развалиться, что она и делает, или же подвигом духовного рождения найти в себе силы победить интернациональность вселенским христианством. Сие буди — буди!

И ведь от Израиля не одно же жидовство интернационала, ведь наступит же обещанное время, когда он начнет спасаться, и от него опять явятся вселенские апостолы, которые во все концы земли понесут апостольскую проповедь. Мне противно на прежний манер вещать и пророчествовать (тем более безответственно), но ведь надеяться — то на это можно и следует. Мы, русские, не годимся для этой роли: ленивы, смешны [?], слабы, робки, женственны, на это нужна еврейская неразстворимость, которая теперь проявляется беспримерной даже в истории *наглостью* всей русской революции и особенно большевизма, но тогда проявится апостольской ревностью. Однако реальных признаков обращения еврейства я не вижу еще, но вопрос о соединении церквей считаю очередным, завтрашнего дня. Сие буди, буди!

16 июля 1922 г. Ялта.

Слава Тебе, Боже! Сегодня мне исполнилось 51 год, идет старость. Бесконечное благодарение и удивление пред чудесами милости Божией объемлет мою душу за всю жизнь, за все, за все: и за родителей, и за родину, и за Нелю и семью, и за то, что во всех моих грехах и слабостях Господь привел меня и допустил служить у Престола Его. Этот же год Он дал милостиво пережить, не погибнуть, вместе с семьей, от голода и от ворогов, но сохранил, питал, просвещал! Ведь было безнадежно положение наше год назад, и Господь помиловал и все устроил! Как же могу я малодушествовать или сомневаться о судьбах ныне сотрясаемой и угрожаемой Церкви, как и о личной судьбе? Спокойно вверяю себя воле Божией. Этот год был необыкновенен и притом совершенно неожиданно значителен, я сделался вселенским христианином (вульго: кат/ф/оликом) и считаю задачей своей жизни, сколько даст мне ее Господь, исповедовать эту веру, как Господь укажет. Знаю всю свою слабость и не впадаю ни в малейшие иллюзии относительно своих сил, что, если Господь меня посылает, Он и научит, Он и устроит мою судьбу, нужно ли мне ехать в Москву или оставаться здесь. Грехи мои тяжкие,

особенно за этот год, проведенный в вымирающем от голода приходе: на моих глазах умерло от голода много чужих и свойственных, которым я не помог и понесу на Страшном Суде ответ за них, большой тяжестью и осознанным грехом малодушия и себялюбия отяготилась душа моя, и, как и прежде, молитва моя холодна и рассеяна, а лень моя и чревоугодие остаются прежние. Еще скорбь моя и забота — неустроенность Муночки, которая как-то не умеет благодарно пользоваться жизнью, и то, что Федя не учится. Но сейчас хочется только благодарить, славить дела Божии, явленные и неявленные бесчисленные благодеяния, бывшие на нас. И особенно дивно, что этот год оказался таким поворотным в моем церковном сознании, а между тем год назад казалось, что уже со всякой работой и движением покончено... Надо мною, как и над всей русской церковью и русским народом, нависли тучи, но дивен Бог, творяй чудеса. Господи, благослови венец лета Твоея благодати. Предаю себя в волю Твою, жизнь ли или смерть, радости или скорби, утешения и испытания, научи только любить Тебя!

27 июля 1922. Ялта. День влмч. Пантелеймона. Ивашечкина кончина. Утро. Вот, Господь судил дожить до великого и священного дня — Ивашечкина успения. В первый раз за 13 (уже!) лет проводим его вне Олеиза, не на его могилке. Но зато сегодня моя служба, буду совершать литургию. На душе торжественно и радостно. Вчера на вечерне, видя какие-то красные блики на царских вратах, я испытал радостное волнение, от которого захватывало дух. Тихие и радостные зовы Ивашечки и обетования оттуда слышатся. Не Беатриче — нет, таковой у меня нет и она мне не нужна и неуместна, мне, иерею Божию, — но ангел Божий, который теперь вырос в великого гражданина неба, он меня встретит и поведет, он, ангел у Бога, возьмет мою слабую, но иерейскую десницу и приведет к Престолу Божию. Как таинственно, священно было все в эти отдаленные дни и ночи, и как мы должны благодарить Господа за это самое жгучее, самое мучительное страда-

ние, которое только я испытал в жизни, и за страдание, и за это откровение. И теперь все это остается и самым большим чудом в моей жизни, исполненной чудес, и самым значительным событием. Конечно, без этого я едва ли был иерей, т.е. не был бы тем, что я есмь, чем создан. Ныне Ивашечкина могилка в запустении: некому посадить цветочков, но, слава Богу, уцелел крест и на нем иконка. Иногда, за последний год, когда думаешь о смерти (не трусливо, а просто, при светежитого мною здесь принятия смерти), так светло и радостно становится при мысли о всех близких и дорогих, которые есть там у Бога и которых я встречу и, конечно, на пороге ее я встречу Ивашечку. Ах, а затем папу и маму, братьев, родных, друзей, всех, кого знал и любил. Мне кажется совершенно ясно, что самая смерть для меня будет — явление Ивашечки, того бледного изящного молодого человека, которого видел в художественно-пророческом сне о. Павел (хотя ни сам он тогда, ни я не поняли преимущественно художественного, а *постольку* и пророческого характера этого сна, а увидели в нем в самом деле предсказание, на что были так падки), и увидеть Ивашечку это будет такой восторг, которого не выдержит душа и устремившись к нему оторвется от тела... Но не хочу грешить и загадывать время. Пусть будет, когда Богу угодно. Да будет воля Твоя! Господи, благодарю Тебя, что Ты дал мне дожить до этого дня и встретить его в мире и светоносной небесной радости об Ивашечке! Иду в храм служить литургию.

6 сент. 1922 г. Ялта.

Вот исполнился год, как по воле Божией вступил я в этот город для служения в здешнем соборе. Благодарение милосердному Господу, Который сохранил мне и милым жизнь в этот страшный год голода и зверства, дает предстоять Престолу Своему и молиться перед ним. Благодарение Господу, что он дал мне свет Свой и явил волю свою, — здесь в этот год открылись у меня глаза, и совершился во мне переворот и единение с Римом, который, если только я утвержусь в этом,

составит мое призвание и служение на остающиеся годы жизни. Все чудесно и неожиданно, и это дало и дает мне силы жить и работать. Но в то же время царство зверя все мрачнее. За этот год совершенно развалена русская церковь и лежит во прахе перед новыми господами, издевающимися над ней, она понесла такие жертвы, от которых теперь не оправится. Ей грозит испытание в песках посредственности и повседневности. Лично для меня также одна за другой закрываются перспективы. Переезд в Москву, который еще недавно казался столь осуществимым, теперь отходит за пределы досягаемости и я не могу там получить места при теперешних церковных властях, я не могу устроиться материально, и, вероятно, буду немедленно изъят, почему Ялта фактически превращается для меня в место заточения. Но с благодатной природой! и родное, Ивашекино. В Москве Муночка, одинокая, бедная. Федя потерял место, ему и нам всем снова грозит полуголодное существование, ему грозит военщина, он дичает без образования, наконец, ему придется отделившись от нас уехать в Москву — неизвестно на что — то это будет еще хуже и опаснее, чем для Муночки. Но все здоровы (кроме временного, надеюсь, заболевания Сережи), держится моя Неличка, жива В. Ив., цела и благополучна семья, это главное, что теперь приходится ценить. Изъято и выслано большинство моих друзей, но цел о. Павел, дружба с которым в ближайшем будущем пройдет чрез огненное испытание, когда он узнает о происшедшем во мне перевороте к унии с Римом. Господи, укрепи мою веру, спаси детей и родину, дай мне дожить остаток дней, не поддавшись духовной смерти, которую сеют слуги антихристовы. Благослови новое лето ялтинского служения!

P.S. В прошлом году оно открылось смертью Веры Ник. В этом смертью Нат. Петр. (К последней я, впрочем, не иду на похороны). Сколько перемерло в этом году и перед сколькими я несу ответ, — умерли от голода и оба Кандинские.

Примечания

- ¹ Федичка. Феодор Сергеевич (1897-1989), старший сын, оказался навсегда разлучен с семьей. Художник, женился на дочери М. Нестерова, всю свою длинную жизнь прожил в Москве.
- ² Муночка. Марья Сергеевна (1898-1973), в эмиграции первым браком была за К.Б. Родзевичем, вторым за Степуржинским.
- ³ Ивашечка. Средний сын (1905-1909). Смерть четырехлетнего сына о. Сергей воспринял не только как личное горе, но и как религиозное откровение.
- ⁴ Шмидт. Анна Николаевна (1851-1905), жила в Нижнем Новгороде, где сотрудничала в местных газетах. Поверила во Владимира Соловьева как в одно из воплощений Христа и сама себя считала носителем соборного духа, призванной пробудить Церковь. С. Булгаков и о. Павел Флоренский, интересовавшиеся оккультными явлениями, издали в 1916 г. часть рукописей Шмидт, предварив их неподписанным предисловием.
- ⁵ Другом с большой буквы о. Сергей называл неизменно Павла Флоренского.
- ⁶ После смерти жены, Лидии Зиновьевой-Аннибал, в 1910 г., Вячеслав Иванов женился на своей падчерице Вере Константиновне, которая умерла тридцати лет, 8 августа 1920.
- ⁷ Сережа. (1911-1994), младший сын о. Сергия. В эмиграции работал на юге Франции садоводом.
- ⁸ В Олесе находилось имение жены о. Сергия, Елены (Неля, Неличка) Токмаковой (1873-1945), автора исторической повести «Царевна Софья» (Париж, 1930).
- ⁹ Вероятно под «аввой» о. Сергей имеет в виду патриарха Тихона, который был в Москве его духовным отцом.
- ¹⁰ Подразумевается митр. Антоний Храповицкий (1866-1935) как типический представитель самозамкнутого православия.
- ¹¹ Михаил Александрович Новоселов, толстовец, обратившийся к православию и ставший видным церковным деятелем и писателем.

- ¹² Еп. Феодор. Поздеевский (1876–40-е годы), строгий аскет, с 1909 в епископском сане, ректор Московской Духовной Академии, с 1917 настоятель Даниловского монастыря, где возглавил оппозицию как патриарху Тихону, так и митр. Сергию, не прерывая с ними общения.
- ¹³ О. В. Абрикосов. Владимир Владимирович Абрикосов, из московской купеческой семьи, вместе с женой стал католиком в 1904. Рукоположен в священники в 1917. В 1922 г. он был выслан из Москвы на Запад, где не общался с русскими католическими кругами. Жена его, монахиня-доминиканка, осталась в России, где в 1936 г. погибла в концлагере.
- ¹⁴ Василий Гиацинтов, студент Московской Духовной Академии, был предметом страстной дружбы со стороны Флоренского, впоследствии женившегося на его сестре, Анне Михайловне.
- ¹⁵ Еп. Антоний Флоренсов (1847-1918), епископ-старец, пользовавшийся большим авторитетом среди московской интеллигенции. См. о нем статью о. Александра Ельчанинова в № 4 журнала «Путь».
- ¹⁶ Анна Михайловна (рожд. Гиацинтова), жена о. Павла Флоренского (1889–1973).
- ¹⁷ Старец Исидор (Грузинский, ум. в 1908 г.) иеромонах Гефсиманского скита. О нем о. П. Флоренский написал «Сказание», под названием «Соль земли» (Сергиев Посад, 1909).

Журнал болезни о. Сергия Булгакова, который вела мать Феодосия

- 5 июня/23 мая 1944 — Духов день.
- 6 июня. Вторник — В ночь случился удар.
- 7 июня. Среда — Слабые признаки сознания.
- 8 июня. Четверг — Сознание уходит, изредка открывает глаза.
- 9 июня. Пятница — Полное отсутствие сознания, не открывает глаза, не глотает.
- 10 июня. Суббота — В течение 30 часов (с 7-ми часов утра пятницы) не открывает глаза, не глотает. С утра (в субботу) выражение лица стало «предстоящим»* и несколько раз менялось, становилось все значительнее и торжественнее, пока не «воссиял свет». Явление «света» от часу до 3-х. После 3-х часов открыл глаза и начал глотать.
- 11 июня. Воскресенье — С утра сознание возвращается, пытается говорить и писать. В 4 ч. дня Соборование (соборовали о. Киприан, о. Василий и о. Стефан).
- 12 июня. Понедельник — Самый лучший день за все время болезни, в смысле сознания: мало говорит и пишет, легко и охотно пьет. Справлялся (письменно) есть ли сухари для Елены Иванов.
- 13 июня. Вторник — Легкое ухудшение.
- 14 июня. Среда — “ “
- 15 июня. Четверг — Хуже, начал хвататься за голову.
- 16 июня. Пятница — После бессонной ночи целый день в забытьи, все время хва-

* Выражение Е.И. Осоргиной.

тается за голову, почти не открывает глаз. В 11 ч. Влад. Иоанн пришел со Св. Дарами. О. Сергей причастился, не приходя в сознание и не открывая глаз.

- 17 июня. *Суббота* — Целый день в забытьи, хватается за правый висок.
- 18 июня. *Воскресенье* — Целый день в забытьи. Утром был консилиум: Зернов и проф. Моро. Моро сказал, что на выздоровление надежды нет, т.к. мозговые центры слишком поражены, но болезнь может затянуться. После обеда о. Сергей принял известие об о. Дмитрие Клеппине: «Отец Сергей, получено известие об о. Дмитрие Клеппине, — о. Сергей, не открывая глаз, с радостным удивлением приподымает брови, — он жив и находится в госпитале, какая радость!» О. Сергей глубоко вздыхает и четко осеняет себя крестным знаменем.
- 19 июня. *Понедельник* — Целый день в забытьи, приходит в себя и открывает глаза только утром и вечером, когда его начинают тормошить во время перекладки. Благословил м. Бландину на отъезд.
- 20 июня. *Вторник* — Утром уехала м. Бландина. Получено известие о кончине о. Дмитрия.
- 21 июня. *Среда* — Без перемен.
- 22 июня. *Четверг* — Вечером пришла сестра на ночное дежурство.
- 23 июня. *Пятница* — Вечером приехала м. Бландина. Ночью дежурила сестра.

- 24 июня. *Суббота* — Последнюю ночь дежурила сестра.
- 25 июня. *Воскресенье* — Резкое ухудшение, сильное ослабление пульса. Утром не перекладывали, к вечеру стало лучше, пульс восстановился.
- 26 июня. *Понедельник* — Отпевание о. Дмитрия.
- 1 июля. *Суббота* — Утром уехала м. Бландина.
- 2 июля. *Воскресенье* — Резкое ухудшение, не открывает глаза, не глотает, почти не двигает правой рукой.
- 3 июля. *Понедельник* — Немного лучше. Вызвали (через Лызлову) м. Бландину.
- 4 июля. *Вторник* — Утром приехала м. Бландина.
- 5 июля. *Среда* — Почти не пьет, на уколы и на перекладку не реагирует.
- 6 июля. *Четверг* — При сероме* и перевязках едва открывает глаза — заметно слабеет.
- 8 июля. *Суббота* — Мать Бландина собралась уезжать, но вернулась с вокзала.
- 9 июля. *Воскресенье* — Взяла со стола иконку Тихвинской Божией Матери и сказала: «О. Сергей, сегодня праздник Тихвинской Божьей Матери, — вот икона!» О. Сергей перекрестился, приложился к иконе и, взяв ее в правую руку, благословил ею находящихся у его постели: Елену Николаевну Осоргину, сестру Иоанну, м. Бландину и м. Феодосию (так было положено основание «Тихвинскому сестричеству» и в этот же вечер все сестры перешли на «ты»).
- 10 июля. *Понедельник* — Слабеет.
- 11 июля. *Вторник* — Во время всенощной (на Петра и Павла) в 6¹/₂ ч. вечера на-

* Физиологический раствор.

ступило сильное ухудшение, пульс резко понизился, дыхание стало прерывистым и коротким. В 8 ч. вечера о. Стефан прочитал канон Божией Матери на исход души, а после полуночи — отходную. Ночью мы все вчетвером (до второго часа была и Елена Ивановна) окружали постель о. Сергия, не отходя и не смыкая глаз, т.к. казалось, что конец может наступить каждую минуту. Временами пульс совсем исчезал, но к утру наступило некоторое улучшение.

12 июля. Среда

— Приехал Сережа.
В 4 ч. сделали последний сепар и переложили.
В 11¹/₂ ч. ночи о. Киприан прочитал канон Ангелу Смерти и отходную.

13 июля. Четверг

— Собор 12-ти Апостолов.
О. Сергий скончался в 13 ч. 15 м.

14 июля. Пятница

— 17 ч. Положение во гроб.

15 июля. Суббота

— 40 день после удара.
В 8¹/₂ ч. перенесли гроб в церковь. Заупокойную литургию служили архимандрит Мефодий и 12 священников. Отпевание служили Влад. Евлогий и 18 священников. Говорили слово: 1) Карташев, 2) Владыка, 3) о. Василий, 4) о. Киприан, 5) Алеша Князев.
После отпевания обнесли гроб с крестным ходом вокруг церкви под пение ирмосов Вели-

кого Канона «Помощник и Покровитель».

В 12¹/₂ ч. выехали с Подворья, гроб с останками о. Сергия сопровождали: сын Сережа, Алеша Князев, с. Иоанна, м. Бландина и м. Феодосия.
Похоронили на русском кладбище в Ste-Geneviève-des-Bois в 13 ч. 45 м.

Запись матери Феодосии

28.VI.1944.

Это было в субботу, 10 июня 1944 г.

Пять дней назад, в ночь с Духова дня на вторник, с отцом Сергием случился удар. Первые два дня, вторник и среду, о. Сергий еще проявлял некоторые признаки сознания и узнавал кое-кого из окружающих. В четверг сознание стало угасать, а в течение последних 30 часов — от утра пятницы до полудня субботы — отец Сергий находился в состоянии глубокого забытья, не открывал глаз, не глотал, и только тихое дыхание свидетельствовало о том, что жизнь его еще не покинула.

В эти дни, следовавшие за ударом о. Сергия, все мы, его окружавшие, с трепетом внимали тайне, открывавшейся нам в этом новом его бытии. Мы были перенесены в иной, до того нам неведомый, план. Неподвижное тело о. Сергия, лежащее перед нами, было как бы мостом, соединявшим два мира — «этот» и «тот», и «тот» открывался нам в такой реальности, что «этот» начинал казаться призрачным.

Земная жизнь о. Сергия, так гармонично завершаемая последней литургией Духова дня, переходила в иную фазу. И нам дано было увидеть тот свет, который уготовал Господь любящим Его. Уже 30 часов о. Сергий

не приходил в себя и не проявлял никаких признаков сознания. Духовное напряжение этих последних часов было так велико, что мы четверо, ухаживающие за о. Сергием, все вместе не отходили от него, чувствуя, что присутствуем при великом духовном торжестве, и не имели силы оторваться, боялись что-то пропустить.

Уже с утра нас поразило выражение лица о. Сергия, «предстоящее», по определению одной из нас.

Выражение это несколько раз менялось, становилось все значительнее и торжественнее. Было около часу дня.

Лицо о. Сергия постепенно начало светлеть и озарилось таким нездешним светом, что мы замерли, боясь поверить тому, что нам дано было увидеть.

Ясно было, что душа о. Сергия, проходившая какие-то таинственные пути, в это мгновение приблизилась к Престолу Господню и была озарена светом Его славы. Почти два часа продолжалось это дивное явление, но это мог быть миг, и век — время для нас остановилось. Мы присутствовали при таком несомненном озарении Духом, при таком реальном «опыте святости», который трудно было вместить.

Прошло 18 дней с момента этого светящегося явления, о. Сергей еще жив и душа его проходит какие-то божественные, ей назначенные пути, а тело томится в своей земной окованности, но как ученикам Господа дано было увидеть славу Преображения для того, чтобы понять и принять Его дальнейший крестный путь и Воскресение, так и нам дано было увидеть «прославление» отца Сергия для того, чтобы вместе с ним, в смирении и покорности ждать часа его полного освобождения и слияния со Христом.

И верю, что уйдя ко Господу, о. Сергей нас не покинет, но умолит Господа открыть наши сердца для принятия Духа-Утешителя, дары Которого так обильно на нем излились на наших глазах.

2¹/₂ часа ночи
у постели о. Сергия.

Из переписки

(Письма к Л. и В. Зандер, о. А. Калашникову,
Е.К. Калашниковой и матери Бландине Оболенской)¹

1.

[открытка]

†

18.III.III. 1925, Прага.

Дорогой Лев Александрович!

Поздравляю Вас со днем Вашего тезоименинства, Вал. Ал. с дорогим именинником. От празднования имени Вас укрывает Первая седмица [великого] поста, и потому не посетуйте, что я поздравляю Вас через письмо.

Сейчас весь день состоит из богослужений, все остальное лишь перерыв между ними. В четверг и до субботы отправляюсь служить в Збраслав.

Благословляю и привет.

Молитвенно Ваш

Прот. С. Булгаков

¹ Лев Александрович Зандер (1893-1964), философ, богослов, один из секретарей РСХД, ученик о. Сергия Булгакова, автор двухтомной о нем работы. Его жена, Валентина Александровна, рожденная Калашникова (1894-1989), дочь отца Александра Калашникова, крупного банковского деятеля, ставшего в эмиграции священником и бывшего в Париже духовным отцом о. Сергия Булгакова. Основная часть этой переписки была опубликована В.А. Зандер с комментариями в № 101-102 «Вестника РХД». Однако ряд писем не вошел в эту публикацию: их мы и предлагаем вниманию читателей.

2

[открытка]

†

4.III.1928

Royal

«Привет из Руайа»

Дорогой Лев Александрович]

надеюсь, что здоровье В. А. Вас продолжает утешать, — ей привет. Не забудьте фотографии моей и общей. Из этой открытки можете вообразить приятности моей жизни, потому что в этом парке принужден появляться и я (вместе с многими [неразб.]). Вообще же все благополучно, лечусь во всю. Благословляю. Привет всем в подворьи.

Пр. С. Б.

3

[Бланк гостиницы с ее изображением.

Приписка рукою о. Сергия: — прот. С. Б-в (10 эт)]

†

10.X.1934

Claridge

Atlantic City

Строителям выставки: Л.А. Зандерову,
В.А. Куликову и Ю.Н. Рейтлингеровой,
радоваться!

Прибыв в сей океанический град¹ и взлетев в высоту, я немедленно спустился в сверх-здание конвокации (на 40 000 перс.), где в одном уголке, благоприятно по

¹ Поездка в Соединенные Штаты на Генеральную конвенцию Американской Епископальной Церкви для свидетельства о Православии и с целью сбора денег для Сергиевского Богословского Института описана в дневнике, опубликованном в «Автобиографических Заметках», YMCA-Press, 2-ое изд., 1991, стр. 120-135.

ряду соседств и обстоятельств расположенному, уже кипела работа по развертыванию выставки. Работали все утро (и продолжают теперь: 4 ч.). Пав. Фр.,² Стелла Фом. (которая сияет и от русской работы, и от меня) и еще одна русская дама. Работа спорится, быстро и хорошо, единственная трудность та, что столы оказались не деревянные, а из картона под дерево, гвоздя путного нельзя вбить, однако справляются. Работающие очень довольны и даже горды своей выставкой, и, действительно, выходит хорошо. Заходящая и заходящие обранивают замечания, которые мне сейчас же передаются, что это будет интереснейшая выставка, как хорошо и проч. И, действительно, выглядит хорошо, особенно по сравнению с окружающими, безвкусными и беспомощными до жалости, или какими-то лавочками или формально сделанными плакатами, так что даже самая слабая сторона выставки — мелкость фотографий — не отличается от других в худую сторону. Сейчас я иду — будет общее освящение всех выставок, — я буду освящать свою. Рядом с нами трогательнейшие сестры китайской миссии выставили безвкуснейшую пестроту облачений. Далее в таком же роде церк. принадлежности. Напротив большой зал церк. архитектуры (там план и картины N.Y. собора St. John Divine, где я проповедовал и др.), просто развешаны по стенам картины, нам аттракция, но не конкуренция. Все это, конечно, будет фотографироваться для журналов. Одно горе: до сих пор не получил книги (вероятно, лежат в таможене), и будем открывать с пустыми столами. Пав. Фр. воодушевился и думает о том, чтобы везти выставку по местам дальнейшего моего следования. Ст. Фом. оказывает восторженную и любящую помощь. Конечно, все эти одобрения воспринимаю с радостью в сердце об исполнителях — 10.X.

Сегодня открывается конвокация. Выставка посещается хорошо и с интересом. Бойко раскупаются фото-

² Павел Францевич Андерсон, сотрудник американской YMCA, большой друг Православия, один из создателей издательства ИМКА-ПРЕСС. См. его книгу воспоминаний: «No East or West», YMCA-Press, 1985.

графии, и, может быть, жаль, что нечего продавать (иконок). На открытии было до 40 000 народа. Я забыл упомянуть, что здесь существует предположение издать религ. листки с англо-русским текстом en regard (значит, текст на половину сокративши). Но самый интересный экспонат есть, конечно, я сам, [потому] [что] меня все видели во время процессии, и при встрече ласково улыбаются, жмут руку и т.п. — très exotique.

Благословляю всех

Пр. С. Б.

4

†

16.X.1934

Льву Ал. Зандеру и Львице его

Дорогие Львица и Лев!

Привет Вам из заатлантической страны, с атлантического берега и Атлантического города, коего я являю собой достопримечательность, экспонат на выставке. Если бы Вы видели, с каким невинно-детским видом ко мне подходят, чтобы пожать мне руку и меня посмотреть, то Вы или умилились бы простоте сердца, или возмутились бы простотой ума. Но в действительности ко мне очень хорошее и почтительное отношение, а официально я здесь на архиерейском положении, чему содействует длинная ряса (как здесь архиерейское облачение): в процессии шел с архиереями, за обедом за архиерейским столом и проч. Мое дело здесь — cultivation во всех видах, кроме моего собственного, — чтение лекций и проповеди, что было и будет в изобилии. Помощь П[авла] Фр[анцевича] и трогательной Ст. Фом. неценима и незаменима. Как я уже писал в соборном письме на имя Юлии,¹ киоск наш имел успех и один из лучших. Сегодня вечером от заведующих выставкой

¹ Юлия — сестра Иоанна Рейтлингер.

предполагалась его кинематографическая съемка для архива, но почему-то отложили. Здесь оч[ень] хорошо. Погода прекрасная, и у самого синего моря. Конечно, меня не существует: с одной стороны, я весь ушел в пассивное восприятие впечатлений в ожидании, что это отстоится, а, во-вторых, раз уже себя отдал на это время cultivation, то и нечего рыпаться, вы это лучше меня знаете. В N.Y. уже сильно глотнул русского духа, колония принимала меня трогательно. Зубов П.Н. мне самоотверженно служит. Он оч[ень] мил и мне нравится. Я его пытаюсь растрясти в его благоустроенности, не знаю, насколько это удастся. С языком все еще испытываю трудности. Программа будет максимум, но утешаю себя, что по дороге в Канаду увижу и Ниагару. Вообще обращаюсь в детское состояние, соответствующее] характеру «этой страны». Некоторые эпизоды узнаете из газетных вырезок, посланных о. Кассиану.²

Сегодня вечером на конференции поет духовный хор негров, пойду послушать. Благословляю обоих и отсутствующую девочку. С любовью Ваш American дух. от.

Мой сердечный привет о. А., Е.К. и Наташе.³ Передайте мой привет Монпарнасу, в частности Ир. Вас. и Там. Ф.⁴ как Foreign office.

5

†

25.VIII.35

Дорогая Валя!

Пишу тебе накануне отъезда в Париж, к празднику Успения. Как люблю я этот праздник, и не только «софиологически» и «мариологически», но и нутром, с

² О. Кассиан, впоследствии епископ, известный библист.

³ О. Александр Калашников — отец В.А. Зандер, его жена Евгения Константиновна и младшая дочь, ныне здравствующая Наталья Александровна Терентьева.

⁴ На бульваре Монпарнас находилась главная квартира Русского Студенческого Христианского Движения. Ирина Васильевна Перешнева и Тамара Федоровна Клепинина (урожд. Баймакова) были секретаршами по внешним делам.

детства. Я был рожден и крещен под сенью храма преп. Сергия, где был главный придел Успения (наоборот, чем у нас), и этот праздник, как Пасха с весной, соединяется в моей памяти с осенью, холодеющими вечерами, астрами и резедой, всей поэзией ранней осени. И теперь она поет и плачет в осенней душе. Я хорошо отдохнул (и поработал, хотя и мало) и, пока здесь, чувствую себя здоровым. Спасибо тебе за твое, полное, по обычаю, поэзии и очарования, письмо. Я не знаю адреса Левы и не могу написать благодарность ему за его дорожное письмо. Меня всегда несказанно трогает его любовь и память, которую он проявляет ко мне в горах. Но, кажется, еще никогда не было это так замечательно, как в этом году. Как я люблю в нем эту любовь к горам и к природе, и эту потребность, и эту способность переживать горы, погружаться душой в красоту мира и чувствовать софийную ризу Божества. И, вместе с тем, сам я так люблю горы, что, если бы физически мог, сам бы ходил с ним, как ходил в юные годы. Читал это письмо Юле, Асе, читал бы каждому, кто мог бы слушать!

Исполать тебе за твое выступление. Я могу понять, как это нелегко, каким тяжелым усилием приходится преодолевать застенчивость, — сам я это постоянно переживаю, а тут еще женщине среди мужчин. Но ты делала дело Божие, и никто же знает, где и когда прорастает семя, им бросаемое в землю. Исповедовать догмат св. Троицы, да еще среди унитариев, это есть, конечно, милость Божия. И недаром тебя осенила икона св. Троицы. Эмпирически компания была, видимо, довольно таки трудная! С одной стороны, приправленный соусом бартианства библейский легализм, а с другой интерконфессионализм, персонализируемый Непгод, несмотря на всю его икуменическую полированность. Слава Богу, что это прошло, и ты возвратилась к своей Марии. Меня так бесконечно трогает, как Вы оба, и ты и Лева, ее любите, терпеливо и покорно относитесь к ее болезненности и ею радуетесь. Л.А. в своем письме касается своей непомерно тяжелой и неблагодарной работы, поездок с концертами, тренировок с

Денисовым и т.д. Конечно, это одна из ненормальностей всей нашей ненормальной жизни, что нам приходится нормальную часть бюджета добывать концертами, и для этого держать студентов-голоса. Не знаю, сумеет ли финансовый гений Л.А. найти что-л[ибо] взамен. Пока что, это уже получило значение экуменического дела.

Природа, среди которой я живу, тихая, скромная, ничем не выдающаяся. Зато есть поля, лесочки, речка. М[ожет] б[ыть], более могучей природы я сейчас и не был бы способен пережить, а эту принимаю с тихой благодарностью и смирением. За отсутствием адреса не могу написать непосредственно Л.А., а тебе пишу наугад, потому что ты адрес не повторяешь, а у меня под рукой его нет.

Благословляю Леву, тебя и Марию. Всегда помню в молитвах.

Любящий Вас пр. С. Б.

В каком же теперь ты находишься сани? Пастырском?

Св. Сергиевская церковь г. Ливны.
Храм, в котором был крещен прот. о. Сергей Булгаков.

1/14.X.39

(К прот. Александру Калашникову)

Возлюбленный авва!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо ко дню преподобного Сергия и благожелания, отвечаю Вам таковыми же. Да, давно мы не видались и не исповедовались взаимно, и есть в этом нужда в новой жизни, после возвращения из страны далекой.¹ По великой милости Божией, любовь о. Евфимия и сестер, я теперь имею возможность иногда совершать Божественную Литургию, с ним вместе и даже один.² Это, конечно, истязание для присутствующих, хотя любовь их покрывает мою дикую хрипоту, но как наполнилась моя жизнь, ведь вначале я думал, что никогда не скажу даже «аминь», и это было оч[ень] тяжело, хотя всегда предавал себя воле Божией, и не дах безумия Богу. Слава Всевышнему. О «планах» своих говорить нечего, ибо у кого теперь могут быть какие-либо планы, и тем более у покалеченного инвалида. Я помню, в молодости, я писал глупую серию статей (марксистских) под заглавием «Без плана». Вот теперь беспланной в конце жизни оказалась и сама жизнь. Однако верю в план, начертанный в небесах. Поздравляю и Вас с освящением Успенского храма. Это великое и радостное торжество, которое касается многих, которые найдут свой покой под сенью этого храма.

Испрашиваю Ваших св. молитв, братски Вас обнимаю.

С любовью прот. С. Булгаков

¹ Письмо написано после операции рака горла.

² После операции о. Сергей жил в Покровском скиту в Муазене. О. Евфимий Вендт, духовник монастыря. См. его статью об о. Сергии в № 101-102 «Вестника».

(к Е.К. Калашниковой)

Дорогая матушка Евгения Константиновна!

Благодарю Вас за Вашу память и поздравление, отвечаю Вам любовью и лучшими пожеланиями. Как давно мы не виделись, да и не то, что давно, а просто совсем сызнава надо начинать общую жизнь. Меня не узнаете, если не по виду, то по слуху. Однако, хотя звучат иначе, но слова остаются те же. Смирил меня Господь и повелел принять Его дар в любви и покорности, так и принимаю. Мне здесь хорошо, но страдаю от разлученности с семьей и постоянной тревоги от неизвестности. Но не дерзаю жаловаться, потому что миллионам людей несравненно хуже. Радуюсь за Вас, что около Вас внучка и Валя. Шлю привет и благословение Наташе с мужем и сыном, если пишете ей. Призываю на Вас благословение Божие. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш о. д. пр. С. Б.

Paris, le 27/VIII-9/IX. 1942

Дорогая матушка Евгения Константиновна!

Завтра исполняется первая годовщина отшествия аввы Александра в лучший мир, и в этот день он шлет нам особенно свои молитвенное благословение и помощь, особенно же той, которая со своею так доблестно и беззаветно соединила его жизнь, и, верно, он зовет ее и ждет. Не то, чтобы я дерзал проникать в веления Божия, но твердо верю, что жизнь любви и ее связи укрепляются и углубляются за гробом, как Вы это наверно и знаете из своего опыта. Как звезда, восшедшая

на небосклоне, льет кроткий свет свой и свидетельствует о себе, так образ Вашего мужа, такой светлый и ласковый при жизни, еще более и яснее светит по его отшествию из мира, и говорит слово Христово: мир вам, — которые имеющие уши да слышат!

Завтра литургисая, соединяюсь с Вами в молитве о упокоении отшедшего. Вспоминаю и нашу встречу у его гроба, в доме и храме, год тому назад.

Да утешит и укрепит Вас Господь. Шлю благословение Вам, Вале, Наташе, их мужьям и чадам.

С любовью. Ваш прот. С. Булгаков

9

(К матери Бландине Оболенской¹)

20.X.1937

Дорогая м. Бландина!

Твои оба письма были для меня радостью, и я все время искал — и не находил — час душевного досуга на них ответить. Прежде всего благодарю тебя за добрые слова о дне моего (вероятно, и всякого человека) Ангела. Вероятно, ты права, хотя я не умею, да и не хочу этого объективировать. Помню, как владыка ВенIAMин однажды в день своего Ангела хорошо и вдохновенно говорил об особой близости своего святого в этот день, а я с годами научаюсь все больше любить и чтить своего святого, вдохновляться его софийностью и тихой, сокрытой пламенностью, его нарочитой близостью к Пресв. Деве и его чувством Божеств. Евхаристии, его разумением Св. Троицы и всем образом его евангелического смирения. Кстати, поздравляю тебя с тем, что тебе дано было посетить место Лионских муче-

¹ Печатается впервые. Мать Бландина (в миру Александра Владимировна Оболенская, дочь известного земского деятеля) стала монахиней в 1937 г., входила в монашескую группу, возглавляемую матерью Евдокией Мещерской. См. о ней наш некролог в «Вестнике» №114, IV-1974, перепечатан в сборнике «Православие и культура».

ников. Я и не сомневался и наперед знал (в известной аналогии его себе), какой духовной реальностью является постриг, и как он врежется, а вместе изнутри осветит всю жизнь, причем каждый воспринимает это по-своему. Ты в своей активной пассивности сначала хорошо «поглупела» и сокрылась в кухню (из которой пора как-то выходить, Господу споспешествуя), а за это время в тяжелых искушениях и в некотором обмороке («три дня в пустыне я лежал») отрастили крылья, и теперь уже болтаются за спиной и чешутся к взлетам. Твоя пассивность больше жертвенность, чем слабость, п.ч. всегда соединяется с определенностью и проистекающим отсюда спокойствием силы (этого не имея, по кр. м., в таком типе, я умею это оценить). Я тебе говорил на постриге, когда ты в полуобмороке висела на двух монахинях, что тебе был дан дар утешения (Варнава, — сын утешения, тебе коллега), и что этот дар тебе по-новому предстоит осуществить, не только в человеческой душевности, но и высшей духовности, дар вдохновлять, а вместе и самой вдохновляться, такова эта активная пассивность. Прости это слово любви и вдохновения.

Есть какая-то духовная химия, по законам которой из всякого месива получаются пути духовные. В этом смысле не пропал и не пропадет чад жизни и еще более удушливый чад междоусобицы, п.ч. и если чрез него пробивается свет и мир.

Я не знаю, как определить твое новое творчество, поскольку как творчество оно всегда ново, это доступно для разума даже не читавшим Бердяева. Но я уповательно предоощаю новые интуиции, для которых не нужно читать литературы, но достаточно книги своего собственного сердца. В этом смысле благим является и твое сотрудничество с м. Марией, как оно ни парадоксально и внешне трудно осуществимо. Конечно, твоя потребность в образе жизни, т.е. в ее соответственном ритме, выражает в тебе совершившееся, но это есть, конечно, лишь его статика, но не динамика. Теперь как-то разлучились статика с динамикой: первая в традиционализме и ритуализме, неподвижном и самодовлею-

щем, вторая же в потугах творчества из ничего, т.е. в пустоте собственной субъективности. Оч. трудно преодолеть эту полярность и искать нового в старом и чрез старое, в чем и состоит «живое предание» — и так мало людей активного духа. Такие люди должны чувствовать, внутренне помогать друг другу. Несколько лет назад я искушал тебя приглашением в общество борьбы с спасением, — т.е. этой самоуспокоенной статикой. Не хочу смущать теперь твое монашеское сердце, по кр. м., пока оно не взшло в меру зрелого возраста, с таким призывом. Но пусть будет для нас руководящим слово Господа: огонь пришел я принести на землю, и как бы желал Я, чтобы он возгорелся, или — в апокриф. Евангелии, — «кто близ Меня, тот близ огня». Эту свечечку от огня Христова будем помогать друг другу пронести до конца жизни, сохранить от леденящего холодного ветра.

Да благословит тебя Господь. Любящий тебя о. С.

Неужели ты считаешь нужным просить меня вспомнить в литургийной и домашней молитве, когда я это и без того всегда делаю, о чем прошу взаимно.

Юлия Николаевна РЕЙТЛИНГЕР

ПОСЛЕДНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Публикация и комментарии Н. Портновой)

Ю.Н. Рейтлингер, сестру Иоанну, нет нужды представлять читателям «Вестника»: было уже несколько публикаций, и среди них — автобиография.¹ Основные вехи ее жизни известны, они будут повторяться и в предлагаемом ниже тексте. Но необычные условия, в которых он создавался, требуют, как мне кажется, особого внимания.

Долгие годы я дружила — трудно подобрать здесь другое, менее определенное слово — с младшей сестрой Ю. Н., Екатериной Николаевной Кист (Рейтлингер), с самой же Ю.Н. встречалась и общалась эпизодически. «Шалая» Катя, как называет ее в своих воспоминаниях А. Эфрон,² была мне, конечно, ближе, в присутствии же старшей становилось не по себе. Ее духовное совершенство чувствовалось с первой минуты, и отсюда — собственная суетность. Если во взаимоотношениях с Катей (мы все про себя называли ее так) всегда были точки соприкосновения, а в некоторых темах, книгах, например, и равенство, то Юлии Николаевне мне нечего было предложить, у нее было все. Она была светла от переполнявшей ее непрестанной внутренней работы и от того, что была уверена: и все так могут. Могут не только понять ее работы, но и посоветовать ей что-то улучшить. Помню, я поразила тому, что в один из моих к ней приходов (я впервые видела, как пишется икона, и просила показать мне все этапы) она спросила моего совета относительно цвета, что-то ее не устраивало, она внимательно выслушала и согласилась...

Работала Ю. Н. всегда по утрам, у окна ярко освещенной комнаты. Все делала сама: левкасила доску, растирала краски — пигмент присылали из Парижа. Иконы только дарила, преимущественно своим духовным детям или просто тем, кто попросит. Я просить стеснялась, полагая, что не имею на это права. Если икона предназначалась к отсылке, тут были меры конспирации, которыми сестры

гордились: доска заворачивалась в старые тряпки и пряталась в коробку из-под макарон. В таком виде, они считали, посылка была вне подозрений.

Она жила одна на втором этаже 4-х-этажного «хрущевского» дома, каких множество построили в Ташкенте сразу после землетрясения. Недалеко был небольшой рынок, автобусная остановка — обычный квартал северо-западной части города. Не только справлялась сама, ей так мало было нужно, но и помогала другим; вдруг неожиданно появлялась на пороге: палка в руке, какой-то мешок за спиной, и в нем — книги, гостинцы. Ориентировалась в городе прекрасно. Пока видела...

Уже пару лет Катя говорила мне, что «Юля слепнет». Сначала пришлось бросить работу, иконы, потом стало невозможно обходиться одной, Е. Н. переехала к сестре из своего дома (она жила в Улугбеке, пригороде Ташкента, с семьей сына). Наши встречи с Катей почти прекратились: трудно было оставить сестру одну, хотя иногда она это и делала.

Ю. Н. до самого конца не превратилась в объект жалости, помощь принимала свободно и старалась двигаться, спускалась вниз или сидела в лоджии, дышала воздухом. Неправда, что она не интересовалась ничем, кроме духовной материи. Для общения с ней были изготовлены крупные пластмассовые буквы, на стене висела доска с кармашками, куда вставлялись слова-темы: одна из таких актуальных тем была «Рейген».

Сестры были привязаны друг к другу и самоотверженны, Е. Н. несла свой крест героически, но иногда жаловалась. Опять Юля требует чего-то, понять ее все труднее (ведь Е. Н. сама не слышала). И тогда, в январе последнего ее года жизни, Катя сдалась, разрешила-попросила меня записать ее рассказы. Дело в том, что Е. Н. категорически была против всяких записей ее повествований; от всех лет эмиграции-возвращения («восемь режимов пережили!») остался страх повредить близким, прежде всего, сыну, которого бесконечно любила. Ведь даже внучке приходилось рассказывать, что дворяне вовсе не такие мироеды, как написано в учебнике истории. Переживала, что Юля, не имевшая, конечно, такого страха, устраивает выставки в Москве: ей

это не нужно, а неприятности могут быть! Но тут, видимо, поняла, что воспоминания отвлекут сестру от страданий. Я пришла с тетрадью. Первые записи «цензуровала» Е. Н., потом, убедившись, что о ней самой ничего нет, успокоилась.

К моему приходу Ю. Н. готовила очередной кусок текста, неделю ожидала, встречала с радостью, справлялась сначала о близких, расцветая навстречу улыбкой, потом начинала говорить-диктовать своим, как у всех глухих людей, резким, надтреснутым голосом. Переспросить что-то можно было только одним путем: я трогала ее за руку и давала оцупать составленное из букв слово. Понимала очень быстро — из слова тут же достраивала всю фразу. Но все же часто переспрашивать я не могла. Только теперь, прочтя опубликованную в «Вестнике» автобиографию,³ я увидела, что эти диктовки были не первым опытом воспоминаний: совпадают некоторые характеристики, детали, и это понятно. Но очевидно, что последний текст Ю. Н. имеет принципиальное отличие — в нем задана и выдерживается почти до конца та эпичность, которой требовал материал, история девочки из дворянской семьи, свергнутой в катастрофы нашего века. Ю. Н. предупредила меня, что не будет касаться своих духовных поисков, они — предмет особого разговора.⁴

Последние фрагменты, о матери Марии и о С. Булгакове, диктовались уже через силу. В последний раз, 9 мая 1988 г., мы работали меньше обычного. Я ушла и стала ждать следующего приглашения, Е. Н. обычно передавала через соседку. Его все не было, через 10 дней Ю. Н. не стало.

Отпевал молодой, полноватый, совсем современный на вид священник, мы стояли вокруг тесно-тесно. Одна только Катя сидела напротив меня на стуле, еле держалась, но улыбалась (после, на кладбище, она говорила всем: как хорошо умерла Юля и как хорошо ее проводили, она т а м радуется всем пришедшим проститься с ней). После свершения обряда священник не преминул сказать небольшую проповедь о правственной высоте церкви по сравнению с остальным суетным миром, хотя и вступившим в перестройку. Я слушала с недоверием: думала, что с Ю. Н. уходит целая эпоха, и ничто не может вернуть ее.

Примечания

- ¹ «Вестник РХД», 1988, № 154; 1990, № 159; также в кн.: Пикита Струве. Православие и культура. Христианское издательство. М., с. 173-175; А. Эфрон. Страницы воспоминаний, в кн.: Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992, с. 247-248; Марина Цветаева. Письма к Анне Тесковой. Прага, 1969, с. 104.
- ² А. Эфрон. Страницы воспоминаний. с. 248.
- ³ «Вестник РХД», 1990, № 159, с. 84-104.
- ⁴ Хранящаяся у меня рукопись «Мой путь. (Художник иконописный)». Датирована 1986-1988 гг. (машинопись).

Дедушка и родители.

25 января 1988 года

У нашего дедушки, Николая Степановича Гонецкого, было 12 человек детей. Эту фамилию можно встретить даже в учебниках русской истории, по которым мы учились в средней школе: его родной брат был героем Плевны в войне за освобождение славян.¹ Дедушка женился на Юлии Соболевской, когда ей было около 16 лет, явление в то время нередкое. Недалеко от этого времени он совершил поход со своим полком из Петербурга через всю Россию на отходивший тогда окончательно к России Кавказ. Жизнь семьи Гонецких проходила в Царстве Польском, которого дедушка был наместником, точнее, в Сувалке (ныне — Друкеникай). В семье сохранилось смутное представление о его гуманности. В нашей беженской жизни, с постоянными переездами из одной страны в другую, мы не смогли сохранить семейные архивы. Но когда мы оказались на родине окончательно, то передали в архив сохранившуюся часть семейной переписки (письма дедушки к бабушке). В нашем финляндском гнезде были ба-

бушкины письма этого времени. Когда мы уезжали оттуда, мама собственноручно на моих глазах сожгла их. «Кому это нужно?» — говорила она, не надеясь, что вернемся на север, и отчасти вследствие бытовавшего в их поколении священного трепета перед Историей. Я же была в том возрасте, когда молодежь полна собственного опыта и лишена всякой жизненной перспективы.

После смерти бабушки (она умерла очень рано, 37 лет, по-видимому, от рака, и перед смертью говорила, что счастлива умирать первой в семье) воспитание детей легло на двух почтенных женщин, нянюшку и Агатеньку, более интеллигентную, о которой мама всегда отзывалась с большим уважением. Жизнь генеральских детей, конечно, была обеспеченной, но об игрушках, которыми завалены современные дети, они не имели понятия, да и магазинов таких не было. Сами вырезали из бумаги куколок и относились к ним очень бережно...

По достижении школьного возраста дети генерала Гонецкого имели право на институтское воспитание. Они учились в Смольном институте, где прекрасно было поставлено преподавание языков, особенно французского. На летние каникулы приезжали домой, где жили и по окончании института еще некоторое время...

Как произошло переключение почти всей семьи на Петербург, мне не совсем ясно. Возможно, это было связано с участием дедушки в Государственном Совете (на известной картине И. Репина он изображен в самом центре), возможно, молодежь переехала самостоятельно. В то же время из Риги едет поступать в университет и сын генерала Николай Рейтлингер.² Он был сыном прибалтийского немца, фамилия которого была даже фон Рейтлингер, но дедушка это «фон» отбросил. В детстве он был крещен лютеранином, православие принял лишь к концу жизни, чтобы не выглядеть карьеристом. Николай Р. сходится со своим товарищем по университету Клайбергом, а через него знакомится с семьей Винберга, на одной из дочерей которого, Лидии, Клайберг женится. Наша мама выходит замуж за Рейтлингера. Вместе с ними учится Владимир Оболенский, сын

основательницы знаменитой петербургской гимназии Александры Оболенской (ныне средняя школа им. Крупской). Молодые люди живут в смежных квартирах, общаясь между собой сложной системой передач записок по веревочке. Дружба семей Оболенских и Рейтлингеров перешла на второе поколение и длилась всю жизнь. Характерная история в семье Оболенских произошла позже. У сестры Ольги Оболенской была дочь Нинуша. Любимица всей семьи, талантливая девочка, пишущая стихи, во время голода едет помогать голодающим. От бессилия что-то сделать, она бросается под поезд. Чтобы спасти психику убитой горем сестры, Ольга, тогда уже мать 8 детей, поступает на службу в библиотеку (хотя в деньгах не нуждалась), а сестре поручает заботу о своей семье.

Летние каникулы проводятся в Крыму, где мама дружит с бабушкой Келлер, владелицей виноградного имения на южном берегу. Там же воспитывались первые дети. Виноградное имение Винбергов, Саяни, имело очень романтическое происхождение. Его хозяйка, француженка, молодая женщина, в один из своих приездов в Крым, едет в экипаже, который на перевале ломается. Из леса выходит лесник, помогает чинить экипаж. Они знакомятся, и женщина приглашает лесника в ее имение управляющим. Через некоторое время они женятся и дают начало большой семье.³ Имение «Карабах», где живут наши родители, и Саяни расположены рядом.

Детство. Петербург и Финляндия.

1 февраля 1988 г.

Мы родились на Знаменской, вблизи Николаевского вокзала. Папа получает очень выгодную службу в Государственных сберегательных кассах (Фонтанка 76). Громадные ворота («узор оград чугунных») ведут во множество дворов, выходящих на Загородный проспект. У нас казенная квартира в десять комнат. Папа увлекается службой и светской жизнью,⁴ мама же исполняет светские обязанности только по долгу. В. Оболенский увле-

кается политикой и ездит по городам России.⁵ На лето он приезжает в Саяни, имение своего тестя.

Старшую сестру отдают в гимназию Таганцевой. Очень скоро она заражается скарлатиной и сгорает в две недели. На время ее болезни нас приютила лучшая подруга мамы, тетя Зина Коптева, она работала в канцелярии вновь открытых Бестужевских женских курсов и жила со своей сестрой Анной в теснейшей квартирке на Кирочной. Когда нам сообщают о смерти сестры, то пытаются развлекать, и я помню, мне это очень не нравилось.

В те времена детей воспитывала сперва няня, потом бонна с каким-нибудь языком (чаще всего немецким) и затем гувернантка, уже более интеллигентная. Так было и у нас. Лидия Васильевна Набадьева, по-своему талантливая, но очень властная, подчиняет нас своему влиянию. Наказывались мы так: крупными буквами на бумаге писалась наша вина, этот плакат вешался на спину, и в таком виде выводили к сидевшим у мамы гостям, иногда — во двор. Маме такие методы были чужды, но приходилось терпеть. Мама была природным педагогом, считала себя ученицей Ушинского, много занималась самообразованием (Ася Оболенская, будущая мать Бландина, чуждая всякой фальши, говорила, что мама была единственным педагогом, которого она встречала в жизни).

Не помню, сколько лет мы прожили так, но у папы что-то случилось на службе, и он лишился места. Мы слышим о каких-то интригах, «вредных» людях, и скоро переезжаем в очень скромную квартиру, даже без парадного выхода на улицу (Фурштадскую, недалеко от Таврического сада). Лидию Васильевну отпускают, и мы о ней не жалеем. Мама всегда с нами, гуляем в Таврическом саду, зимой катаемся на санках.

В те времена петербургская интеллигенция, не владевшая родовыми имениями в центре России (или слегка опасавшаяся русской деревни), любила отдыхать в ближайшей к столице части Финляндии. Хороший климат, масса озер, близость к Петербургу, позволявшая мужьям ездить на отдых по воскресеньям, не дожи-

8 февраля 1988 г.

даясь отпуска. Марья Андреевна Мещерская, сестра В. Оболенского, кроме гимназии, унаследовала по матери прекрасное имение Красная Мыза, в 15 км от Мустомьяки (ныне Рощино). Кроме господского дома, хозяйкой был построен большой коровник, откуда молоко возили каждый день в город, обеспечивая семью Мещерских и гимназию. Сдавались две дачи, из которых одна — нам. В Крым мы больше не ездили. Мама сближается с Марьей Андреевной, их роднит вера, которая приходит к маме после смерти дочери. Во время же ее детства безверие, носившееся в воздухе, докатилось до Сувалок, и мама рассказывала, как тяготила ее, девочку, обязанность ходить с бабушкой в церковь по воскресеньям. Говорить о вере тогда было не принято, Ольга Владимировна Оболенская много позже, в эмиграции, вспоминала, как она скрывала свою веру в молодости. Владимир же Андреевич в самом конце жизни тоже пришел к вере.

Пока мы не связаны со школой, ездим на дачу ранней весной. Застаем любимую картину: коров выпускают в поле. Нас ставят на крыльцо маленького домика, и мы смотрим, как резвятся коровы.

Молодежь Мещерских по большей части старше нас, и мы ее не интересуем. К тому же их развлечения, светские и легкомысленные, нам чужды. Мы под влиянием мамы. Ей не нравится даже то, что они ходили в белых чулках и туфлях, — нас одевали очень просто. По совету известного тогда врача Круга, летом мы ходили босиком и всегда с нетерпением ждали того дня, когда можно будет снять обувь. В городе мы носили синее драповое пальто почти мужского покроя и синий берет. Однажды на улице нас остановила какая-то дама и сказала: «Передайте вашей маме, что она хорошо вас воспитывает».

Нас начинают готовить к гимназии, меня и сестру Катю. К нам ходит чудесная, маленькая, стриженная и аккуратно причесанная, Евгения Дмитриевна Калина, кадетка, остающаяся на завтрак после уроков и неизменно спорящая с папой на политические темы.

Учились мы охотно и с интересом. Программа была значительно мягче теперешней, учителя были хорошие. Одноклассницы несколько отличались от нас по образу жизни, многие увлекались нарядами, приходили в класс не выспавшись и, как говорила Юлия Петровна Струве (учительница русского языка), были похожи на выстиранное и невыглаженное белье.

Двоюродные жили недалеко от нас. Мы звали их тетинаташины. Кроме братьев, там были сестры-сверстницы нас трех: старшей Мани, Лиды и меня. Мы часто бывали у них и пели хором под мамин аккомпанемент. Пели не только песни, но и цыганские романсы. Когда подросли, танцевали с товарищами двоюродного брата, поступившего в Морской корпус. Очень любили Масляную неделю (перед Великим постом), «вербные базары», катание и т.д. На эту неделю финны имели право приезжать в Петербург со своими санями и лошадами и катать желающих. Они назывались «вейки» (исковерканное финское слово «вейко» — брат).

Дедушка доживал свой век под крылышком тети Наташи (младшей) в соседней квартире.⁶ Нас иногда водили к нему. Подводя, говорили наши имена, он крестил нас всех — у каждого остался от него золотой крестик. Крестными были наши тети. Когда дедушка умер, никаких поминок, которыми современные люди заменяют все молитвы об умершем, не было. С этим обычаем мы познакомились, лишь вернувшись в конце жизни на родину. Безусловно, он существовал и тогда; достаточно пушкинского свидетельства: «за дверью шум и звон стаканов, как на больших похоронах». И христианские теоретики даже подводят под него глубокий смысл: якобы это общение с умершими душами хоть через плоть мира. Но это суррогат религии, и безобразные формы, в которых он нередко выражается, недопустимы.

В первый день Пасхи с утра мы каждый год ездили в Лавру на могилу сестры. Это было целое путеше-

ствии. Невский доходил тогда лишь до Московского вокзала, паровичок отправлялся от Лиговки и шел до Лавры. Конка запрягалась тремя-четырьмя лошадьми, лишь позже были пущены автобусы. Мы вешали на крест 5 золоченых, фарфоровых, разного размера яичек, крошили кулич птичкам. На кладбище никогда не ели, и не помню, чтобы кто-нибудь это делал.

К Оболенским на Петербургскую сторону мы тоже ездили часто, иногда для подготовки к экзаменам. Добираться надо было через Неву на пароходике. Пристань была совсем близко от их дома. По воскресеньям часто с мамой ходили в домовую церковь в конце Фурштадской. Священник Жевадовский был совсем стар, вскоре он умер, его сменил Шавельский; кроме них был еще чудесный скромный о. Федор. Слушали прекрасный хор под управлением талантливого регента, и мама постоянно выражала ему свое восхищение. Летом мы ходили в церковь на Красной Мызе, построенную знаменитым Боткиным.

Русские очень идеализировали финнов. Не зная их языка, они говорили: финны замечательные, они никогда не ругаются. Мы же, игравшие с финскими детьми, быстро усвоили язык и слышали, как они на каждом шагу поминают черта. Безусловно, они были честнее русских. Говорили, что это оттого, что в старину за воровство у них отрубали руку. В наше время они уже сильно испортились. Помню, как финские девочки приносили полные тарелки земляники и очень дешево ее продавали. Но когда поняли, что русские могут платить больше, на вопрос «сколько?» отвечали: «куль тахто» (сколько хотите) и получали гораздо больше.

В гимназии особенно хороши были учительницы русского языка. Нас заставляли думать и приобщали к красотам и глубинам русской литературы. Одна учительница все время говорила первоклассницам (над чем подсмеивался наш папа): «Ройте артезианский колодец», т.е. думайте глубже.

Во время войны я повела себя неподобающе: по дурацкому мальчишескому патриотизму, перестала учить немецкий язык. Фидлер, наш учитель, поставил

мне двойку. Учитель всеобщей истории, любимый нами А.Г. Ярошевский, вызвал меня и сказал: «Бравулис! Чтобы не портить Вашу золотую медаль, я поставлю в аттестате зрелости, что Вы немецкий язык не изучали».

Учительницей рисования была известная акварелистка Клара Федоровна Цайдлер, сестра знаменитого хирурга Цайдлера. Она называла меня Рейтлингер-художница. Летом я ежедневно ходила рисовать на природу акварелью и приносила ей свои этюды. Еще на Фонтанке к нам приходил учитель рисования, но потом до гимназии уроков рисования не брали.

15 февраля 1988 г.

В повествовании о детстве надо упомянуть, что в наше время уже появились магазины игрушек, причем преобладала игрушка развивающая. Об этом говорило и название самого большого магазина: «Забава и наука». Не знаю, был ли он отечественным предприятием. Позже, в юности, появилась так называемая художественная игра, наподобие карт: собирали взятки с фотографических репродукций мировой живописи.

В нашей среде большое влияние имел элемент аристократии. Это побудило в свое время маму, вообще-то чуждавшуюся аристократического общества, отдать старшую сестру в гимназию кн. Таганцевой. Очевидно, родителям импонировало, что гимназия создана княгиней, в остальном она мало чем отличалась от нашей, даже много общих учителей (княгиня она по мужу, а урожденная — просто помещица, что бывает почти всегда). В нашем классе были две еврейки: Алферова, приехавшая на своей машине (что было тогда большой редкостью) из своего особняка на Каменноостровском пр., и Насович. Что она (Насович) еврейка, меня совсем не интересовало. Лишь впоследствии я убедилась в этом: во время оккупации Парижа она принимала деятельное участие в работе Сопротивления, за что была награждена правительством после войны персональной пенсией. Вообще с юдофобством встречаться не пришлось (и слышать слово «жид» тоже, разве что

папа, увлекшись черносотенным жаргоном, иногда употреблял это слово).

С тетинаташиными мы потеряли связь рано, они уезжали из Петербурга. Из ее редких писем я знала лишь, что она очень страдала от своего безверия, особенно после смерти мужа, с которым прожила, может быть, слишком благополучную жизнь (что не всегда благоприятно для духа человека). Пришла ли тетя Наташа к вере перед смертью, я не знаю, наша переписка прекратилась.

На Красной Мызе мы очень любили ездить в лес за грибами и привозили их целый воз. Земля в чудном сосновом лесу была покрыта сухим белым мхом, его обычно вставляли между рамами на зиму. И в этом мху удивительно красиво виднелись темно-малиновые шапочки боровиков.

Характерный элемент пейзажа Финляндии — заборы, бесчисленное количество заборов. Их делали из каких угодно материалов, косыми жердями, кривыми, самыми примитивными, но все же — скоту преграда. Кажется, их увековечил в своих иллюстрациях Билибин. Если такой забор пересекает нужную людям тропинку, на нем устраивали перелаз, доступный всякому.

Маме не нравилось наше легкомысленное препровождение времени с молодежью Мещерских. Родители стали думать о покупке своего участка подальше. Долго искали и наконец в 1908 г. нашли Ореховую Горку. Она называлась так потому, что на участке росли ореховые деревья, которых не было в других местах. Напротив, на другой стороне озера, была деревня. Сразу поставили фундамент в сосновом лесу, но пока решили переделать готовый домик в две большие комнаты и стали в нем жить. Он стоял на площадке, на полдороге из леса к озеру. Поставили теплые железные печки в каждой комнате, что давало возможность ездить и в зимние каникулы. Гостей принимали в двух других домиках.

Папа хотел все время увеличивать участок, он говорил, что когда дочки подрастут, гимназисты будут висеть на заборах, поэтому они должны быть подальше от дома. Он увлекся устройством хозяйства: построил

домик для рабочего, конюшню, коровник. На соседних озерах нашлись знакомые, иногда нас навещавшие. День был расписан: с утра уроки, каникулярные задания из гимназии, потом упражнения на фортепиано. Мама играла в четыре руки по очереди с каждым из нас. Потом я шла на этюд акварелью. После обеда валялись на ковре в лесу с книгами. Шли купаться. В 4 часа — чашка простокваши (чай нам не давали). Вечером рукодельничали, мама читала вслух по-французски (в последнее время — Калевалу). Вечером — кто что хотел.⁷ Когда приезжали на зимние каникулы, запрягали лошадь. Старшие садились в сани, протягивали веревку, а мы, держась за нее, катались на лыжах. Когда кто-нибудь падал, кричали: «Полундра!», и сани останавливались.

Завели лодку и очень любили кататься по озеру. Около самой воды поставили баню. Папа завел альбом, в него гости, вместо стихов, писали всякую ерунду. Они часто издевались над папиным пристрастием показывать свои достижения, а мы — над их ерундой, т.к. были большие насмешники. Изредка ездили в Боткинскую церковь, а зимой, когда она была закрыта из-за отсутствия дачников, в санаторий Холино. Боткинская церковь была слишком далеко, и русские решили построить в Усикирко свою церковь. Молодой архитектор Пронин, живший на нашем озере, составил чудесный проект по образцу древних деревянных церквей русского севера. Она была очень красива. Говорят, во время войны она была снесена.

Недалеко от нас продавался вырубленный участок с крутым спуском к озеру. Папа соблазнился его купить. Мы мечтали построить на нем дом для бедных девушек, чтобы они могли приезжать сюда отдыхать.

Одним из любимых занятий в Ореховой Горке был для меня огород. Весной, перед отъездом из города, мы с мамой всегда долго ездили в магазины, где продавались семена. Рабочий делал парники, приготавливал землю (мне самой в 14 лет было трудно), и я выращивала рассаду. Было увлекательно следить за всходами. Я добились даже вызревания помидоров (конечно, в

ограниченном количестве), что для Финляндии большая редкость. Кроме того, даже странно, у меня было какое-то удовлетворение, что я вношу свой вклад в наше хозяйство, хотя родители никогда не говорили при нас о деньгах.

Д р у ж б а в наши дни занимала больше места в жизни, чем теперь, когда усталые от работы матери неохотно открывают дверь подругам дочек. Приznak, по которому выбирают друзей в городе, основан на общности интересов, а в деревне, где интересы почти у всех общие, — на родстве. Мы без конца провожали друг друга или висели на телефоне, пользуясь тем, что папы часто не было дома. (Кроме службы, он участвовал во многих благотворительных организациях). Как мама терпела, не знаю; очевидно, занятая своими делами, она думала, что и мы заняты уроками. В телефонных разговорах было много болтовни, но и — живое общение.

22 февраля 1988 г.

В о й н а. Р е в о л ю ц и я. Началась война. Немцы заняли Польшу, в нашем дворе появились беженцы. Но мы на них не обращали никакого внимания, как будто это нас не касается. Впоследствии, когда мы сами стали беженцами, мама вспоминала об этом с укором нам (и себе). В городе открыли т.н. Попечительство о бедных, которому правительство поручило выдачу пособий женам мобилизованных. Работать в этих комитетах бросились слушательницы новооткрытых Бестужевских курсов. Работы было много, стоял страшный сумбур. Женщины, получавшие пособия, начали обвинять девушек в присвоении полагавшихся им денег, не имея понятия об их жертвенности — бестужевки работали совершенно бескорыстно.

Старшая сестра окончила ускоренные курсы сестер милосердия и уехала на фронт, вторая работала в Попечительстве. Я благополучно окончила восьмой класс; полагавшийся традиционный бал по случаю войны был отменен. Я поступила в школу при Обществе по-

ощрения художников на Морской, хотя очень много играла на рояле и не сразу решила, что выбрать: музыку или живопись. Клара Федоровна, тоже преподававшая там, не придавала большого значения рисованию с гипсов, которому были посвящены первые три класса, и устроила меня сразу в четвертый, «головной» класс. Я прошла его в полгода и в середине зимы перешла в пятый.

И тут грянула революция. Мама приняла ее философски, как христианка: «мы пользовались, теперь будут пользоваться другие». Папа же ругал все и всех, и мы называли это «доклад о мерзавцах». Многие, подобно В. Оболенскому, поздравляли друг друга со свободой.⁸ Наступила весна 1917-го. В Петрограде ждали голода. Врач нашел у меня небольшой процесс в легких. Оболенские, как обычно, уезжали в Крым, к дедушке Винбергу. Мама, встревоженная моим здоровьем, робко обратилась к Ольге Оболенской взять меня с собой. Эта замечательная женщина и тут проявила себя героем: «Лидуша, я возьму всех четверых!» (это кроме своих восьмерых, и в такое время!). Мы поехали в Крым.

Виноградное имение Винбергов Саяни — на полпути от Алушты в Ялту. В нем собрались три семьи. Зажили особой молодой жизнью. О политике слышать не хотели. К этому времени был отстроен большой двухэтажный дом, так что места хватило всем. Включились в работу на винограднике, которая не трудна, но требует много рук. Стирала по очереди на всю компанию, это называлось «самостир». Готовила нам на кухне толстенная кухарка, но другие обязанности были на нас. Ежедневно выбирался дежурный — «мажордом». Ходили за продуктами в Алушту, с осликом, работали на огороде с «половинщиком» — татаринном. Старшие Яроцкие брали уроки пения у своей матери. Я по состоянию здоровья освобождалась от физических работ, но старалась обшивать сестер. Давала уроки рисования младшим Оболенским и Яроцким. Самообразованием занимались все, особенно языками. Издавали журнал. Во время отдыха любили играть в бурме.⁹

Через год родители тоже покинули Петроград и, заехав к нам в Крым, направились в Киев, где папа должен был работать, а старшие — учиться.

Но скоро нашей беспечности пришел конец. Образовалась Добровольческая армия. Ей в помощь открылись краткосрочные курсы сестер милосердия. Лида, Маня и Ася Оболенская решили пойти на эти курсы. Я тоже собралась с ними, но в последний момент мама уговорила меня остаться: достаточно двух, сказала она. Маня, Лида и Ася О. уехали. Мы с мамой и Катей поселились в Симферополе, а папа начал искать возможности уехать.

Добровольцы отступали, медицинская помощь была в ужасном состоянии, свирепствовала эпидемия сыпного тифа.¹⁰ Рассказывали, что наша Лида сидела посреди вагона, перевозившего раненых, и плакала от беспомощности. Все трое заболели тифом, их высадили в Кисловодске. Чудом выздоровела и добралась до Крыма Ася, а наши сестры умерли.

Отступавшие добровольцы вновь заняли Крым. С ними приехал папа, чтобы забрать нас окончательно. Мы доехали до Севастополя, и тут со мной случилось что-то непонятное. Мне казалось, что меня живьем отдирают от родины. Мама встревожилась за мою психику и решила не ехать. Папа уехал один с окончательно покидавшими Крым добровольцами. Мы с мамой поселились в Симферополе, наняли комнату у одной милой женщины (которая оказалась родной сестрой Вересаева, но совсем не разделяла его взгляды). Мы перебивались уроками и прожили так до тех пор, пока мама тоже не заболела сыпным тифом и не умерла.

Нам очень хотелось учиться, но, как дворяне, мы не имели права поступить в университет. Перед смертью мама взяла с нас слово найти папу. «У него было 5 детей, а он совсем один». Тогда многие эмигрировали за границу, и мы присоединились к ним. Мы без труда разыскали папу.¹¹

Э м и г р а ц и я. Целый год мы с Катей жили в Варшаве, но об учении не могло быть и речи: не было денег. В это время Масарик много помогал в Чехии

русской молодежи стипендиями. Узнав об этом, мы с сестрой двинулись в Прагу.

Большевики выслали за границу большую группу ученых разных специальностей. Они были очень известны за границей, и большевики не решились их просто уничтожить. Это были люди, в свое время потерявшие веру, исповедовавшие марксизм и пришедшие вновь к вере: Бердяев, Булгаков, Лосский, Франк и др. В Праге они получили возможность читать лекции в университете для русской молодежи.

П а р и ж. Париж наводнила русская эмиграция. Во главе православной церкви в Западной Европе стал митрополит Евлогий. Он видел, что посольская церковь не вмещает всех приехавших, и задумал открыть в Париже второй приход. На окраине Парижа была пустовавшая немецкая церковь, которую покинули хозяева в начале войны. Эту церковь — на небольшом пригорке недалеко от парка — и купили для второго прихода.

29 февраля 1988 г.

В свое время в России были так называемые евангелические кружки барона Николаи. Им чужда была церковная жизнь православия, признавали только Евангелие. Несколько таких евангелистов оказалось в пражской эмиграции. Там же оказался проф. В.В. Зеньковский. По примеру евангелистов, он организовал кружки, произвел на евангелистов большое впечатление, и другие направления христианства объединились. В то же время и независимо от пражского движения, группа православной молодежи в Белграде, не удовлетворившись хождением в церковь, захотела глубже осознать свою веру и образовала братство. Узнав об этом, В.В. Зеньковский поехал в Белград и рассказал там о пражских начинаниях. Так началось студенческое христианское движение, сыгравшее большую роль в жизни русской учащейся молодежи. В кружках читали доклады, устраивали т.н. «конференции»: нанималось помещение за городом, выезжали туда целой группой на несколько дней, служили литургию, чита-

ли доклады, беседовали. К этой работе В. В. привлек и Булгакова.

Вернемся в Париж. Для возглавления новооткрываемой церкви митрополит Евлогий выписал сначала из Берлина вдового священника о. Иоанна. По правилам православной церкви, епископом мог быть только либо монах, либо вдовый священник. Особого выбора не было, священников в эмиграции было мало. О. Иоанн хоть и хороший человек, но не обладал нужными для будущей роли качествами.

Митрополит Евлогий создал в Париже Духовную Академию на основе этого храма и руководить ею поставили С. Булгакова. Тогда и я переехала в Париж. Большое участие в нуждах православной церкви принимали американцы и англичане.

При высылке из России, Булгакову не разрешили взять с собой старшего сына, оставили его заложником в Москве. О. Булгаков надеялся, что рано или поздно его выпустят, и в доме приготовил для сына мансарду (велел проделать окно в крыше). Приехав в Париж (с большим трудом мне выхлопотали визу, которую в то время не так легко было получить), я поселилась в этой мансарде. Тем самым о. Сергей спасал меня от «парижского Вавилона», как он говорил, и я могла жить неподалеку от церкви. К тому же жена С. Булгакова вывихнула ногу в Константинополе, в Праге ее неправильно лечили, и она стала на долгие месяцы инвалидом. Итак, я стала им помогать. Я прожила в т.н. «Сергиевском Подворье» до самой смерти о. Сергия и его жены, за которой ухаживала до последней минуты. Сына так и не выпустили из России.

В. Зеньковский переехал в Париж, который теперь стал центром Русского Студенческого Христианского движения. Американский союз христианской молодежи (УМСА) помогал издавать журнал «Вестник РСХД», нанимать помещение для работы. Русское христианское движение преследовало исключительно религиозные цели и политикой не занималось.

7 марта 1988 г.

Русские эмигранты, осевшие в Англии, слились с приютившим их народом более органично, чем во Франции. Этому способствовало то, что англичане с открытым сердцем шли навстречу православным (хотя по типу англичане более полны собой, чем французы). А к слову «иностранец» французы нередко прибавляли *sale* (грязный). Но жить они нам не мешали, и более того, у нас было много друзей среди французов. А за некоторые их проявления можно было только благодарить. Мне писали из Франции, когда я там уже не жила, что мэрзя взяла на себя расходы по ремонту храма Сергиевского Подворья.

Англиканство ближе к православию, чем католичество. Образовалось братство, т.н. англо-русское содружество. Для него в Лондоне купили дом, в нем был зал для собраний, а одна комната определена как церковь. Меня пригласили ее расписать и сделать иконы для одноярусного иконостаса.

В то время я очень много писала икон, и для этого иконостаса тоже писала в Париже иконы. О росписи и фреске я мечтала всю жизнь. Известно, что техника фрески существовала со средних веков, а потом была утрачена. Некоторые художники заявляли, что они ее восстановили. Но их работы меня не удовлетворяли, и, хотя они меня чему-то научили, я не решалась следовать этому древнему способу. Например, художник Стеллецкий тоже увлекался древнерусской живописью, но подходил к ней внешне-декоративно. Икон как таковых он никогда не писал. Сам он делал все доличное и оставлял место для ликов, которые вписывала княжна Львова. Это было мне чуждо. Я мечтала о восстановлении русской иконописи как большого искусства, а не как прикладного, в которое его превратили старообрядцы. Но идти в одиночку по этому пути очень трудно, да задача и не вмещается в пределы одного поколения.

Я попросила обшить стены лондонской церкви фанерой, залевкасила ее, как при подготовке к иконе,

так как хотела сохранить матовую фактуру яичной живописи, не лакируя ее. Так я расписала две боковые стены. Третью расписывать было нельзя: это была большая дверь, которую открывали во время собраний. Был большой риск: яичная живопись нуждается в закреплении олифой, которую варят особым способом. Через несколько лет мне написали из Англии, что живопись начала портиться. К счастью, нашлись специалисты, которые ее спасли. Верхний фриз, довольно широкий, я посвятила темам от сотворения мира до Апокалипсиса. По бокам изобразила патронов: Сергия и св. мученика Альбания. Алтарь тоже был посвящен Апокалипсису.

П а р и ж (продолжение). Художественная жизнь Парижа была специфична и вряд ли где повторяема. Большую роль играли торговцы картинами и их лавки, которые служили постоянными выставками. Если художник входил в моду, они повышали цены на его картины. Почувствовав уверенность, художник создавал свой стиль. Торговцы всячески его поддерживают и делают ему имя. Так, например, выдвинулся наш соотечественник Андрей Ланской¹² (ни одного списка современной живописи нельзя встретить без его имени). Каждый художник, если желает, может открыть свою мастерскую для обучения начинающих, вкусу которых он импонирует. Таких ateliers было в Париже огромное количество. Наш Боря Мещерский еще до революции переехал в Париж и учился у Мориса Дени, после чего остался жить в прекрасной мастерской. Он-то и послал меня к Дени, когда я обратилась к нему за советом, куда мне пойти учиться.

Дени вместе со своим другом Жоржем Девальером принадлежал к той части французской интеллигенции, которая во время I мировой войны пришла к вере и мечтала восстановить традиции средневекового религиозного искусства. Наряду с другими ateliers в Париже, они создали свой atelier d'art sacré. Я пошла к Дени, хотя сама хотела работать над творческой иконой, а католическая картина не имеет с ней ничего общего. В atelier мы писали натюрморты, занимались композицией. Не-

сколько лет обучения заканчивались обычно картиной, ученик делался компаньоном. Но мои связи с atelier прекратились. Но надо сказать несколько слов о самом Дени.

У него было 9 человек детей, жена рано умерла. В его громадном запущенном имении дом соединялся с храмом крытым ходом. Храм он расписал, изобразив в витражах самого себя и покойную жену в стиле средневековья. В одну из поездок в Италию Дени познакомился с итальянской певицей и женился на ней (главным образом, чтобы дать мать своим детям). Эта женщина ничем не была похожа на итальянку, как Дени — на француза. Оба — светлые, полные. Дети неожиданно приняли мачеху в штыки. Старшая в знак протеста ушла в монастырь — случай в то время не уникальный. Другая его дочь, художница, даже не подписывалась своей фамилией, чтобы не иметь ничего общего с семьей отца.

О М. Дени как о художнике я говорить не решаюсь. Как это ни парадоксально, я видела слишком мало его работ, хотя бывала в его доме под Парижем. Дело в том, что у художников тогда не принято было развешивать дома свои работы: висели чужие, и чем знаменитее — тем лучше. Наследие моего учителя огромно, но, к сожалению, его посмертная выставка в самом большом выставочном зале Парижа состоялась уже после моего отъезда. Но мне писала подруга, что она буквально открыла глаза на творчество Дени, побывав на его выставке.

14 марта 1988 г.

Из Парижа я ездила в Кальвадос, по приглашению неких Киппенгов. Живя в чудесном имении этих владельцев конного завода, я написала небольшое распятие для их храма.

В 1929 г. Советы послали за границу выставку расчищенных старых икон. Боясь скандала со стороны эмигрантов, большевики просили у французского правительства гарантий сохранности икон; французы отказались. Поэтому дальше Бельгии и Мюнхена выставка

не поехала. Используя свои знакомства в Мюнхене, я немедленно отправилась туда и провела на выставке 5 дней. Там, хотя и не в оригинале, но в точной научной копии были представлены Троица Рублева и Владимирская Божья Матерь XII в. Это был период, когда иконопись была большим искусством, а не прикладным ремеслом. По мере моих сил я пошла по этому пути.¹³

В это время в Париже вообще было большое увлечение русской иконой. Но занимались этим люди, почти не умевшие рисовать; среди них не было ни одного художника, и мне было с ними не по пути. Они выписали старообрядца-иконописца Софронова, который их обучал.

Англо-русское содружество решило подарить английскому колледжу в Мерфильде, на севере Англии, большой складень, и меня пригласили его исполнить. Жила я в женском монастыре, откуда ежедневно приезжала в храм работать. Стиль нашей иконописи был совершенно неожиданным для старого начальства колледжа. Складень получился огромным, и вышел настоящий раскол по поводу способа его внесения в храм, к счастью, большую часть его можно было закрывать.

В Праге (уже после войны) я делала большую заалтарную икону в храм, который чехи отдали православным. Было, конечно, немало чехов, искренно принимавших православие, но были карьеристы и заведомые ловчицы, приспособляющиеся к генеральной линии. Один из них, про которого все знали, что во время оккупации он сотрудничал с немцами, решил стать не больше не меньше как епископом. Т.к. он был женат, то упек жену в монастырь, хотя по учению церкви брак — таинство, а постриг — только обряд. Устроили инсценировку пострига в Праге, и меня пригласили вести ее от входа к алтарю (что входит в обряд пострижения). Я не могла отказаться, но тотчас после этого уехала в Словакию. Там, в Межелaborце, один энергичный священник построил храм и пригласил меня его расписывать. Работа была неинтересная, т.к. приходилось подделываться под вкусы населения, привыкшего к католическим картинкам. Кроме того, роспись была об-

речена на выцветание — я исполняла ее известковыми красками. Но материально существование мое было обеспечено. Край меня восхитил. Никого не беспокоило, что дешевые краски скоро пропадут, все были поглощены задачей момента: оттянуть население от католичества. У кого-то нашлась иллюстрированная библия, и я по ней копировала, пользуясь еще не снятыми от постройки лесами. За деньгами я не гналась; достаточно было и того, что давали кров и кормили по очереди все прихожане. Я была избавлена от всяких хлопот. Не помню, сколько времени продолжалась такая жизнь. Но и после окончания храма я не осталась без работы.

В этом городке было разрушено половина домов, а по закону выигравшая войну страна должна отстроить жителям новые дома. Модным было все русское, жители получали русские иллюстрированные журналы с репродукциями. Один из самых больших домов в центре города принадлежал некоему Корбу. У него было много картин, висевших даже на лестнице. Я могла догадаться, что до меня здесь так же случайно и недолго жил какой-то художник. Очевидно, он тоже не гнался за большими деньгами и наградил население своими картинами, большей частью, — копиями. В маленьком городке все берут пример друг с друга. Получив новые дома, люди стали, в подражание Корбу, заказывать мне копии с картин русских художников. Я была обеспечена работой.

Так я жила в уютном домике и работала в ожидании разрешения ехать на родину. Попутно писала с натуры, ибо край нравился мне исключительно.

18 апреля 1988 г.

Еще об эмигрантской жизни Парижа. В эмигрантской жизни Парижа я принимала участие относительно по причине моей глухоты. Для меня не существовали ни многочисленные лекции, ни собрания. Но я хорошо о них знала. Наши профессора (духовной академии) жаловались, что для них не существует даже воскрес-

ного отдыха: воскресенье было самым трудным днем: бесконечные собрания и доклады. Русские расселились не только в самом городе, но и в окрестностях, открывались новые приходы. Их располагали в гаражах бывших барских домов. Так появилось 15 маленьких приходов.

Мать Мария Скобцова.

25 апреля 1988 г.

Фамилия по первому мужу Кузьмина-Караваева, от него — дочь Гаяна. Судьба ее таинственна. Говорят, она одна из первых в окружении Толстого вернулась в СССР, и больше ее никто не видел.¹⁴ Говорят, будто она умерла от тифа...

Православный священник о. С. Гаккель написал большую книгу о м. Марии. Как бы извиняясь, он пишет, что м. Мария была замужем два раза, желая ее оправдать. На самом деле она «была замужем» много раз. Очевидно, Гаккель, который в конце книги называет ее святой, считает это несовместимым. Но жития святых пестрят такими биографиями. Знаменитая Оптина пустынь была создана разбойником Оптом. Достаточно евангельского примера Марии Магдалины, чтобы удивиться точке зрения Гаккеля. Может, матери Марии и нужен был постриг, чтобы решительно переменить жизнь. Думается, что она восприняла постриг как посвящение. Недаром говорили об ощущении посвященной женщины в ее присутствии.

В Париже она очень нуждалась, зарабатывая чем попало, чтобы прокормить себя и сына Юру от второго мужа, Дм. Скобцова. Когда решила постричься, то всецело отдалась своей деятельности. Первым делом заняла пустовавший особняк (в Париже их было много). Мать Мария мечтала о некоем общежитии для бездомных. Благочестивые христиане были шокированы: первой, кому она дала кров, была девушка, готовящая стать матерью, не имея мужа. Потом окончательно утвердилась на rue Lourmel. Дешевый ночлег и дешевые

обеда имели для эмигрантской молодежи большое значение. Во дворе был гараж, в котором устроили храм. Там протекала ее деятельность в содружестве с идейными друзьями. Часто приглашали о. Сергия Булгакова служить литургию, читать доклады на религиозные темы.

Грянула война с ее чудовищным преследованием евреев. Центром внимания матери Марии стала забота об этих гонимых. Иногда спасала их крещением. Прятала всеми способами. Юра, уже юноша, мечтал об образовании. Он поступил в Сорбонну и держался в стороне от политики, да и от деятельности матери. Но как раз в тот день, когда гестапо пришло с обыском, он спустился с лестницы. Его остановили и в кармане нашли письмо друзей, просивших о крещении. Это решило его судьбу: Юру послали в концлагерь даже прежде матери Марии. Он погиб настоящим героем.

«Вы жидам помогали?» — спросили ее на допросе. «И вам бы помогла, если бы вас гнали». Ее отправили в Равенсбрюк. Она сидела с женщинами, которые рассказывали потом о последних ее днях. Она читала доклады, стараясь занять их высокими темами. Мать Мария всю жизнь отличалась невероятным здоровьем. О бессонницах, которыми так страдал о. Сергий, она не знала. Но лагерный режим был невыносим и для нее — отошала до неузнаваемости. Существует легенда, будто незадолго до окончания войны мать Мария предложила заменить собою одну семейную женщину, которую отправляли в газовую камеру, и будто бы так и спасла ее. Предание не проверено, но конец во всяком случае наступил.

9 мая 1988 г. (Последняя запись).

Об о. Булгакове написаны у меня «отрывки воспоминаний». Он принадлежал к той партии неверующих ученых, которые в конце XIX века пришли к вере. Булгаков родился в Ливнах в семье приходского священника. Его род насчитывает девять поколений священников. Моя подруга Елена Ивановна Казимирчик-Полонская (в

иночестве монахиня Елена)¹⁵ написала прекрасную его биографию, которая напечатана в «Богословских трудах».

Одно время Булгаков был под сильным влиянием В. Соловьева, но впоследствии стал самостоятельным. Дружил с П. Флоренским.

О. Сергий не владел французским языком, его соприкосновение с западной культурой шло по-немецки. Одно время в Крыму он увлекся католичеством, но потом решительно преодолел это увлечение. Все сочинения Булгакова изданы YMCA в Париже, и сейчас многим удалось проникнуть сюда. Среди молодых богословов есть немало таких, кто считает, что богословию о. Сергия принадлежит будущее.

Главой храма Сергиевского Подворья оставался архимандрит, а затем епископ Иоанн. Духовно у о. Сергия не было с ним ничего общего, приходилось подчиняться тому, чему он не сочувствует. Я видела, как ему это тяжело. Часто о. Сергий спрашивал себя, имеет ли он право так делать. И отвечал: если бы он входил во все мелочи приходской жизни, то не написал бы никогда свои богословские книги.

О. Сергий не ел мяса весь год (за исключением пасхального воскресения), а в великом посту обходился и без масла.

Дочь о. Сергия ежегодно водила его весной к профессору, который, осмотрев, обычно рекомендовал ехать на воды, в Руайа. Однажды о. Сергий почувствовал неудобство в горле. Начинался рак, но профессор проглядел его и, как всегда, послал на воды, а потом на отдых в деревню. Неудобство в горле все росло, Булгаков продолжал читать лекции. Наконец дочь показала его специалисту, проф. Мулонге, который поставил диагноз. Опухоль была уже так велика, что при операции пришлось вырезать почти всю гортань. Какими-то невероятными усилиями, которым поражался даже Мулонге, о. Сергий научился говорить и продолжал служить для узкого круга своих духовных детей. Так он прожил еще 5 лет. Когда кончилась война, у него случился удар, и так как до того он уже говорил со

страшными усилиями, то после удара делать это он уже не мог.

Когда о. Сергий умер, я осталась жить в Сергиевом Подворье, чтобы ухаживать за его женой, которая умерла меньше чем через год после него, в день их свадьбы. После этого оставаться на Подворье не хотелось, и я поселилась временно у знакомых. Потом окончательно покинула Париж.

Разрешения на возвращение пришлось ждать 10 лет: во время оформления перепутали наши фамилии. Образовалась целая группа русских эмигрантов. Путешествие началось с Праги, по дороге, в Кошице, забрали меня. Нас ехал целый поезд, с вагонами мебели, купленной в Чехословакии. К сожалению, наши надежды попасть в Ленинград не осуществились, нас направили в Узбекистан.¹⁷

Примечания

¹ Описание семьи Гонецких см. в мемуарах Е.П. Водовозовой. «На заре жизни». т. 1, 2. М., 1964. Е. Водовозова — племянница братьев Гонецких, Ивана Степановича (1810–1887) и Николая Степановича (1815–1904).

² Приблизительно в 1887 г., судя по времени поступления в университет В.А. Оболенского. В.А. Оболенский. «Моя жизнь. Мои современники». YMCA-Press, Paris, 1988, с. 65, 101.

³ Эта легенда не противоречит тем данным, которые приводит В. Оболенский: «В раннем детстве лишившись родителей, В.К. был отдан в петербургский Кадетский корпус, по окончании которого поступил в высшее военное училище — Корпус лесничих, — впоследствии ставшее Лесным институтом. Молодым офицером он был назначен лесничим в Ялту, где вскоре женился на дочери местной помещицы и вышел в отставку... Я не знал человека, более проникнутого чувством долга и глубокой любви к человеку — ближнему и дальнему. Был идеальным семьянином. Обожал свою жену, которая была старше его на 4 года и состарилась умственно и физически гораздо раньше его. ... В.К. любовался ею и старался ее избавить от всяких забот». В.А. Оболенский, с. 95,97.

- ⁴ По-видимому, в молодости Н. Рейтлингер, возвращавшийся в среде радикального студенчества, не избежал увлечения политикой, хотя и не столь серьезного, как у его друга В. Оболенского. Во всяком случае последний называет Н. Рейтлингера в составе редакции «легального ежемесячного журнала» (легального марксизма) и добавляет: «зная дальнейшую судьбу этих людей, странным кажется, что некогда они были единомышленниками». В.А. Оболенский, с. 136.
- ⁵ Закончив естественный факультет, В. Оболенский поступает на юридический («загипнотизированный мыслью о пользе, которую я принесу народу, предварительно изучив политическую экономию»). В 1891 г. он работает на голоде, потом решает уйти в земскую деятельность.
- ⁶ Уже к концу царствования Александра III генерал Гонецкий стал фигурой декоративной. Вот как описывает В.А. Оболенский похороны императора: «Наконец, появилась траурная колесница с гробом, на которой, держась за кисти балдахина, тряслись четыре генерала самых высших рангов. Я видел этих несчастных стариков из окна Академии художеств, среди них узнал генералов Вашиовского и Гонецкого, после того, что они проехали в таком неудобном положении большую часть пути. Вид у них был чрезвычайно жалкий». В.А. Оболенский, с. 130.
- ⁷ Из воспоминаний Екатерины Николаевны: «Ежедневно должны были работать. Было куплено 9–10 десятин старого засоренного леса, и в 4 часа мы отправлялись чистить лес от сучьев. Работа была бесполезная, слишком медленно — руками, да и сучья наутро падали вновь. Но не возникало и мысли отказаться».
- ⁸ Это не совсем так: «Большинство моих товарищей по ЦК, как и я сам, далеко не были в восторге от происшедшей во время войны революции. Приходилось ее принимать как свершившийся факт, но хорошего мы от нее не ждали, а потому с первого же дня стали в известном смысле «контрреволюционерами», всячески стараясь препятствовать «углублению» революции, как тогда выражались более лево настроенные люди». В.А. Оболенский, с. 518.
- ⁹ Из воспоминаний о «крымском периоде» Е.Н.: «Жили коммунальной. Ежедневно работали на большом винограднике, который

некому было обрабатывать. Отдыхали вечером вокруг костра. Много читали: Гамсуна, Гауптмана, Ибсена. Состояние было как на корабле или острове, пережитательное». Особую атмосферу Саяни отмечает В.А. Оболенский: «Само собой разумеется, что для всего нашего племени Саяни представлялось лучшим местом земного шара. Дети знали и любили в нем каждый уголок, каждое деревце. Да и мне оно казалось особым счастливым миром... Ведь от всей моей политической деятельности и общественной работы не осталось почти никаких следов, а дружная семья, объединявшаяся на южном берегу Крыма, существует и до сей поры. И то ценное, что она дала моим детям, ими не растрчено...». В.А. Оболенский, с. 265.

- ¹⁰ «Сыпной тиф косил каждого пятого человека». В.А. Слащов-Крымский. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М., Наука. 1990, с. 62.
- ¹¹ Это «присоединились» вызвало критику Е.Н.: «Юля всегда отвлекалась от практической жизни и предоставляла мне все организовывать». На самом деле, это было полное опасение бегства. Младшая сестра «развила бурную деятельность»: уговорила директора библиотеки, в которой служила, дать ей командировку в приграничный район, якобы для описания библиотеки, Юлю взяла с собой в качестве «помощницы». Распродали все вещи, поездом доехали до границы. Там жил старик, который за определенную сумму по одному переводил через границу. Сначала — Катю, потом, через день, — Юлю. Добрались до барачков в Ровно, где собирали беженцев. Им посочувствовал доктор, который на свои деньги дал телеграмму в варшавский Красный Крест. Через два дня за ними приехал отец, который как раз работал в Красном Кресте.
- ¹² Об Андрее Ланском, сохранившем за границей свою «русскость», см.: А. Бахрах. По памяти, по записям. Новый журнал, 1993, № 190–191, с. 407–410.
- ¹³ Отношение Ю.Н. к своей работе прекрасно передала А. Эфрон: «...Юлия (воплощение чистейшего долга, во всей его неприкрашенности!) в черном платье с широким ремнем, строгая до суровости, художница, сидела под окном и три часа подряд молча терла наждаком доску для иконы, чем окончательно сводила меня с ума...». «Воспоминания о Марине Цветаевой». М., 1992, с. 247–248.

- ¹⁴ См.: А.И. Шустов. «Свидетельства современников о матери Марии». Судя по этой публикации, мать Мария сочувственно отнеслась к отъезду дочери, т.к. и сама хотела вернуться на родину. Вестник РХД, № 166, 1992, с. 272-278.
- ¹⁵ Hackel Sergei. One of great price, the life of Mother Maria Skobtseva, martyr of Ravensbrück (by) Sergei Hackel. London, Darton, Longman Told, 1965.
- ¹⁶ См.: В. Лазарев. Монахиня Елена. Вестник РХД, № 165, 1992.
- ¹⁷ Причины, по которым эмигрантский поезд направили в далекий Узбекистан, были, разумеется, чисто политические.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

А.А. ТАХО-ГОДИ

ПРОЗА ЛОСЕВА

В 1930 году Алексей Федорович Лосев попал после тюремного заключения на Беломоро-Балтийский канал — по словам А.И. Солженицына, первый в СССР «подлинный лагерь». Но и здесь, несмотря на все тяготы лагерного жития, его не покидала неукротимая жажда творчества. Эта тяга к писательству — отнюдь не строго философского характера и потому непривычному, — и радовала и пугала Лосева: «Может быть, — тоже опять какая-нибудь «прелесть» или болезненный вывих...»¹ — признается он в своих тревогах в письме к жене летом 1932 года. Попытка самооправдания («Вспоминаю Вяч. Иванова, который тоже был всю жизнь ученым филологом, а в 38 лет издал первый сборник стихов. Только 38-ми лет! Может быть, и я так же, а?»)² кажется Лосеву сомнительной — «я уже старый воробей в писательском деле, и меня этими хлопучками не проведешь».³ Не имея «ни малейшей возможности не только что-нибудь писать, но просто записать простую схему рассказа (чтобы не забыть)»,⁴ Лосев мучится «непреодолимой потребностью писать»: «...чувствую временами — и в общем очень часто — наплыв каких-то густых и сочных художественных образов, сплетающихся в целые фантастические рассказы и повести. Чувствую невероятную потребность писать беллетристику, причем исключи-

¹ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 410.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

тельно в стиле Гофмана (Э.Т.А.), Эдгара По и Уэллса».⁵ С горечью сетует он на обстоятельства, не позволяющие ему осуществить задуманное: «И сколько всего придумывается нового и неожиданного и какие приходят новые и неожиданные слова и образы, и — все это возникает и забывается, нарождается и опять умирает в памяти, так что многого теперь не могу уже вспомнить, в то время, как если бы все это было написано, то получились бы не только законченные литературные образцы, но это было бы базой для дальнейшей литературной эволюции и для прогресса в выработке собственных оригинальных приемов и стиля».⁶

Однако судьба все же позволила Лосеву реализовать, хотя бы частично, его беллетристические планы. Еще находясь на Беломоре, Лосев пишет рассказ «Театрал» (ноябрь 1932 г.). Публикуемый нами текст создан несколько позже — в декабре того же года. «Переписка в комнате» представляет интерес не только как очередной неизвестный документ из архива Лосева. В ней много переключек, порой неожиданных, не только с его беллетристическими, но и с философскими сочинениями.

У «Переписки» два автора — сам Лосев и его неизвестный нам солагерник. Кто был этот аноним, остается только гадать — на листке, в который был вложен подлинник рукописи «Переписки», карандашом сделана заметка «Шамхалов», а под нелосевскими частями текста стоит буква «Ш» (перевернутое «Ш» — ?). Судя по тексту «Переписки», этот безымянный соавтор Лосева был не только достойным собеседником заключенного философа, но и человеком весьма близким ему по взглядам. Многие идеи в принадлежащих ему частях «Переписки» (части I, III, V) сродни тем, которые волновали Лосева.

Проблема вещи, возможность различных подходов к миру вещей и существование человека в этом мире — одна из них. Лосев обращался к этому вопросу в своих философских произведениях: в «Диалектике художе-

ственной формы» (М., 1927), в написанной после возвращения из лагеря в 1933 году, но лишь недавно опубликованной работе «Вещь и имя», где Лосев вновь поднимает эту тему при освещении «вопроса о взаимосвязи вещи и имени».⁷ Лосев критикует трансцендентальный, рационалистический и натуралистический методы за их неумение соединить логически две области, когда «сущность (вещь) есть, и явление и имя тоже есть, и явление сущности, имя вещи, есть проявление сущности и вещи».⁸

Человек в прозе Лосева — средоточие мира не потому, что он пресловутый «царь природы», а потому что он — живой символ соединенности мира сущностей и мира явлений. Создание человека «по образу Божию» «из праха земного» — это, пользуясь лосевской терминологией, результат взаимодействия апофатической и катафатической сущностей, воздействия «нечто» на «ничто», на инобытие. Отсюда сама человеческая природа как бы изначально двойственна: с одной стороны — личностна, а с другой — вещественна, тварна. Сохранить эту предопределенную целостность, это равновесие или нарушить его, остаться с Богом или отпасть от Него — в этом свобода и одновременно судьба человека. Человек волен взять на себя всю ответственность за свою жизнь, отказавшись от «откровения таинственных ликов»,⁹ но тогда он оказывается «во власти судьбы: темной, слепой, беспросветной, жесточайшей, бесчеловечной, звериной судьбы, самого настоящего, самого буквального Рока, перед которым никто не имеет права на самостоятельность и на который взглянуть — то невозможно, ибо немеют уста и холодеет тело».¹⁰ Человеку предоставлен выбор: Богочеловечество — свобода — жизнь — гармония — сопричастность миру сущностей, миру умных вещей или Человеко-

⁷ Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие: Имя: Космос. — М., 1993, с. 849.

⁸ Там же, с. 872.

⁹ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. — М., 1990, с. 138.

¹⁰ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 21.

⁵ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 410.

⁶ Там же.

божество - судьба - смерть - хаос - одиночество в «бесмысленной животности».¹¹

Этот выбор стоит перед человеком всегда, идет ли речь о происхождении самого человека, об одиночестве, о любви, о жертвоприношении, о родине, об устройении мира, о сотворении мира, об улучшении, очищении, обновлении мира, о пророке, возвещающем волю божества, о самом божестве. Как бы ни казалось, на первый взгляд, легко сделать выбор между бытием и небытием, на самом деле это далеко не так, потому что человек чувствует свою сопричастность обеим крайностям: как об этом говорится в «Переписке», «и ад, и рай, это ты — родное и всегдашнее». Совершив грехопадение, вкусив плод от древа познания, человек уже однажды сделал свой выбор не в пользу жизни, ибо распадение целостного мира на две части — добра и зла — таило в себе смерть старого гармонического мира.

Главная задача «Переписки» показать, как происходит грехопадение человека, причем «схема», следуя которой человек отпадает от Бога, универсальна для всех времен. Старый гармоничный мир представлялся человеку «хаосом бытия», в центре которого была фикция-Бог. Человек хотел сделать мир лучше, хотел переустроить его по-своему, «старался разбить хаос бытия на добро и зло», устранить фикцию и «убить неуничтожимое» — Бога, потому что самому человеку казалось «сладко быть Богом». Разрушив старый мир, человек добился только того, что новый мир стал для него же тюрьмой, «ад стал реальностью», а вместо фиктивного неосязаемого Бога в центре этого нового мира возник вполне осязаемый и вполне вещественный кумир — фиговый лист. На жертвенник этого нового божества человек «пролил кровь ближнего своего», ибо жертвовать собой было принято только в старом мире. Фиговый лист — этот символ духа вещи — покорила дух человека, отказавшегося от Бога. Но сам человек, сделав свой выбор, перестал быть человеком — он не только оказался одинок, лишившись умных вещей, хранящих память о его человеческом прошлом, он

превратился в обезьяну, а весь мир вокруг него стал миром обезьян со своей обезьяньей иерархией вместо прежней, божественной. Человек из добрых, самых разумных побуждений отдал мир во власть Сатаны.

Для Лосева история отпадения человечества от Бога отнюдь не абстракция. Революционное переустройство мира, новая коммунистическая действительность, превратившая всю Россию ради счастья человека в громадную тюрьму, — все это делало размышления о праве человека брать на себя функции Бога чрезвычайно актуальными, так как «революция, это — вся новая жизнь, новая душа, новое божество»,¹² когда «везде и всюду, каждую минуту стоит перед всяким вопрос о жизни и смерти, о новом и старом, о боге, о человеке, о личности, обществе и государстве, и стоит не теоретически и на университетской кафедре, а стоит так, что нужно выбирать между жизнью и смертью...»¹³

«Ветхозаветность» и эпичность стиля «Переписки» демонстративна — ведь речь идет о сотворении мира. Марксист Абрамов из повести Лосева «Из разговоров на Беломоро-Балтийском канале» восклицает: «Клубится, клокочет и бушует революционная лава. Перед нами руются миры в сплошную туманность, из нее рождаются новые. Рождение и смерть слились до полной неразличимости. Скорбь и наслаждение, восторг и слезы, любовь и ненависть — клокочат в наших душах, в нашей стране. Мы гибнем в этом огненном хаосе, чтобы воскреснуть из него с новомыслиями и небывальными идеями. Имя этому огню — мировая революция. Из него — новый космос, новая солнечная система. Тут все вы найдете свое признание. Тут все найдут свой смысл. Это не было бы мировой туманностью, рождающей космос, если бы оно не покрыло и не переплывило всех противоречий жизни. Вы, честные, но пассивные, созерцательные, но не деятельные, вы, деятельные, но не созерцательные, вы, трагические мыслители, проклинаящие комедии, и вы, комические художники, которым претит все возвышенное и трагическое, все вы

¹² Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 121.

¹³ Там же, с. 122.

¹¹ Там же, с. 23.

с своим мистическим покоем хаоса и с нервной созерцательностью в космосе, все вы и еще другие, которых бесконечность, все вы, разноголосый хор действительности, втянуты, стихийно вовлечены в смерч бытия, в ураган истории; и все вы служите ей своей жизнью, своей смертью; и вами строится человеческая история». ¹⁴ Революция оказывается очередным «всемирным потоком», который осуществляет человек, возмнивший себя творцом нового мира. Самого потопа в «Переписке» нет, но он изображается в другом, очень близком и по идее, и по времени создания лосевском произведении — в рассказе «Театрал». В кошмарном сне герой рассказа видит, как «весь мир потонул в (...) всемирном потоке семени», все миллиарды людей исчезли: «вся поверхность земли, все дно морей и океанов, вся атмосфера, напоенная испарениями семени, — вдруг наполнилась миллиардами мельчайших живых существ, быстро появившихся из животворной пены и быстро получавших ту или иную форму и размер. Что это за существа? (...) Боже мой, да ведь это все обезьяны...» ¹⁵ Если в «Переписке» средоточием нового мира оказывается некая-нибудь сверхумная субстанция, а фиговый лист, то в «Театрале» ситуация схожая. Новым божеством оказывается фаллос, для поклонения которому устраиваются жертвенники и алтари. Есть и свои «новые пророки». В Ветхом Завете был косноязычный Моисей,

¹⁴ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 359. Абрамов перечисляет в своей речи то, что перед этим каждый из участников разговора выбрал для себя сам: Коршунов просил право на скуку, Михайлов — на тоску и скорбь, Елисеев — на трагедию, безымянный фокстротный романтик — на комедию, враг Абрамова Харитонов — хаос и любовь к слову, Борис Николаевич — космос и любовь к технике. Это вызывает ассоциации с «Перепиской» (само название которой, кстати, отнюдь не случайно перекликается с «Перепиской из двух углов» Вяч. Иванова и М.О. Гершензона), с ее «внутренним устройством» — сначала две, зеркально отражающиеся друг в друге поэмы (ч. 1 и ч. 2); ода (ч. 3); не-ода-шутка в одном действии, в которой трагические моменты отвергаются, слышатся призывы: «Трагедию не ломай! Ты нам подавай комедию!» (ч. IV) и с водевильным названием заключительная пятая часть «Любовь в аду или комедия в раю».

¹⁵ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 286.

а в «Театрале» его место занимает «серый и невежественный мещанин в кепке» (тоже косноязычный).

Ответить, почему в гротескной картине из «Театрала» Лосев ставит в центр мира именно фаллос, нетрудно. Объяснением этому служат слова самого Лосева из «Очерков античного символизма и мифологии»: «Надо придумать такое тело, в котором было бы подчеркнуто, что это именно тело, живое тело, а не дух и не душа, но так, чтобы в то же время общая идея жизни была дана не лично, не духовно-индивидуально, а именно как *общая* идея, как безразличная стихия жизни. При этих условиях мы получаем не тело просто, не статую просто, даже не голое тело просто, а *только один фаллос*, фаллос как таковой». ¹⁶ С таким фетишем Лосев связывает, по крайней мере, два прамифа. Первый — иудейский, когда фаллос выступает «в своих функциях реального оплодотворения и деторождения» — эта линия вызывает ассоциации с Библией, отсюда стилизация под «новый Ветхий Завет». Второй — платонизм. Лосев в «Очерках античного символизма и мифологии» пишет: «Фаллос и есть, по моему ощущению, основная интуиция платонизма, его первичный прамиф. Не свет просто, не освещенное тело просто, но именно фаллос, напряженный мужской член со всей резкостью своих очертаний. (...) Платонизм строится на непорождающем фаллосе, на фаллосе без женщины, на однополой и безличной любви». ¹⁷ Недаром один из героев рассказа «Из разговоров на Беломорстрое», убежденный марксист Абрамов, говорит об одном из своих собеседников — Борисе Николаевиче: «Неисправимый платоник!.. Наш советский платоник. Из всех видов платонизма ваш платонизм — производственно-технический — нам ближе всего. Только чуть-чуть поближе к нервам жизни! Чуть-чуть поближе к страсти тела!..» ¹⁸

Невидимый и неосязаемый Бог слишком абстрактен, слишком фиктивен. Как убежден Петр Михайлович

¹⁶ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М., 1930, с. 665.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 357.

Иванов (повесть «Трио Чайковского») — «не фиктивно то, что реально, что есть факт, субстанция, тело».¹⁹ В «Трио Чайковского» речь идет о музыкальном бытии, но музыка рассматривается собеседниками как попытка дать «образ того, как Абсолют ощущает сам себя»,²⁰ и, в таком случае, музыкальное бытие оказывается отражением высшего, божественного бытия. Идея Иванова о фиктивности музыки сродни идеям о фиктивности Бога в «Переписке», близка она чем-то концепции фикционализма (Ханс Файхингер), когда лишь ощущения признаются последней реальной данностью (недаром у Иванова единственно реальное в музыке — ее слышимость, а все остальное — фикция). Но желая сделать Бога менее абстрактным, сделать его ближе и понятнее, то есть, сделать его по своему, телесному, подобию, человек, сам того не подозревая, и сам теряет присущее ему (человеку) ранее значение. В «Трио Чайковского» любимый герой Лосева, его alter ego, Николай Вершинин говорит об этом так: «Чем богаче объективный Абсолют, тем богаче и мир, в котором Он отражается, и, в частности, тем богаче, ценнее, щепетильнее и тело, материя мира и человека. (...) Попробуйте, однако, теперь обеднить объективный Абсолют настолько, чтобы довести его до степени тела и материи, и построить мир и человека так, как это понимают материалисты. Окажется, что Абсолют превратился в материю, то есть нечто пустое, безличное и бездушное, и человек, который творится этим Абсолютом-материей, также должен значительно принизиться в своей мировой ценности, а в частности должно потерять внутренний смысл и его тело, превращенное здесь из таинственного организма в физико-химический и механический препарат. Так, в условиях абсолютного разума тело несет на себе огромную, насыщенную, — я бы сказал, мистическую ценность, а в условиях материализма — тело и материя обесцениваются, лишаются глубоко внутреннего смысла и превращаются в пустой и мертвый механизм».²¹

¹⁹ Там же, с. 179.

²⁰ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 161.

²¹ Там же, с. 193.

Не случайно в «Театрале» герой, пережив потоп не только во сне, но и в жизни,²² перестает понимать смысл вещей, потому что тело, «ежели оно только тело, оно всегда бездарно, бессмысленно, бессодержательно; оно всегда есть вырождение».²³ «Я перестал видеть назначение предметов. Подходя к какой-нибудь вещи, я осязал ее внешнее тело, но переставал понимать, для чего это тело существует. Я потерял душу вещей. Также, встречая людей, чужих и даже хорошо знакомых, я видел в них какие-то мертвые тела, какие-то пустые механизмы, и с трудом заставлял себя что-нибудь говорить с ними и верить в их восприимчивость, верить в то, что они могут мне что-то ответить. (...) И уже улетела душа вещей от самих вещей, и осталось одно внешнее, безымянное, тупое и темное тело их... И весь мир как бы потухал, становился мнимым, терял очертания и краски. И некуда было деться от этой тьмы и безымянной, бесконечной массы тел, телесной массы — неизвестно чего».²⁴ Заменяя «одухотворенное бездушным, гениальное бездарным, преисполненное — пустым, талантливое — тупым и тяжелым»,²⁵ он не утолил своей злобы, его ненависть к личности в человеке лишь выросла: «Не выношу личностей... Личность... А обезьянки не хочешь? Орангутанга мордатого не хочешь? Душу... ежели того... душу, значит убить...»²⁶ Недаром в своем сне он видел обезьянью иерархию, почти такую же, какая появлялась в «Переписке»: «И обезьяны нижней сферы гогочут над неодушевленной природой, средняя сфера обезьян гогочет над нижней, обезьянью архангелы и ангелы гогочут над средней сферой, боги гогочут над архангелами и ангелами. И над всей обезьянней иерархией, небесной и земной, раздается хохот и гоготание единого и истинного правителя

²² Сжигая любимый театр, герой осуществляет сожжение собственной души и уничтожение старого мира, и для него нет принципиальной разницы в выборе средств — будет ли это действительно потоп или «очищающий огонь».

²³ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 298.

²⁴ Там же, с. 288.

²⁵ Там же, с. 298.

²⁶ Там же.

всего обезьяньего бытия, универсально-мирового орангутанга, хохочущего над всеми сферами бытия, небесного, земного и преисподнего...»²⁷

В таком «очеловеченном» мире все мертвенно и бессмысленно, но в нем царствует своя абсурдная логика, когда «хотят мораль и приношение себя в жертву ради общества обосновать на естественных науках, на биологии», когда обезличенному и «обездушенному» человеку объясняют: «Вы, говорят, произошли от обезьяны. Следовательно, вы должны любить друг друга...»²⁸

Но фиктивность Божества — это особая фиктивность, понять которую могут помочь рассуждения того же Вершинина из «Трио Чайковского» о фиктивности музыкального (для нас «божественного») бытия. Музыкальное бытие, считает Вершинин, давая внутрибожественное самоощущение, конечно, есть фикция, но фикция не в обычном смысле слова. Если «все существующее есть фикция» и музыкальное бытие «все насквозь, с начала до конца, есть сплошная фикция», то оно, как это ни парадоксально на первый взгляд, «уже перестает быть чистой фикцией, оно тут уже неразлично от твердости, постоянства и общезначимости самой строгой логики».²⁹ Фикция в таком случае оказывается строжайшей и очень сложной закономерностью. Определение, которое дает Вершинин музыкальному бытию: «Это фикция, данная как чистый смысл, и — смысл, идея, сущность, данная как фикция»,³⁰ — оказывается очень близко к определению имени, которое сам Лосев дает в «Диалектике художественной формы»: «имя — не звук, но сама вещь, данная, однако, в разуме», и «если имя как-то содержит в себе вещь, оно должно иметь в себе и соответственную структуру вещи, оно должно быть в этом смысле *само́й* вещью».³¹ Фикция понимается Вершининым и как художественная форма, что заста-

вляет вспомнить слова Лосева из той же «Диалектики художественной формы» о том, что для него, Лосева, художественная форма на стадии, когда «она есть только энергичное тождество смысла и вне-смысловой сферы,» есть не что иное, как идея.³² В то же время, как писал Лосев, имя есть «лишь одна из модификаций идеи», магически-мифический символ, вмещающий в себя сразу и сущность и явление, и вещь и имя.

Пять частей «Переписки» — это пять дней сотворения нового мира человеком, но только без самого человека — потому что одинокий, самодовлеющий человек без умных вещей сам не более как бессмысленное тело, животное, поэтому день шестой еще не наступил. Человечество только подходит к осознанию того, что оно погрязло в аду, в служении Сатане, но то, что последняя фраза «Переписки»: «Человек познал фикцию», — познал имя Бога — залог обязательности наступления дня шестого.

Когда появляется знание — «единственная область, где нет истерии жизни, невроза бытия, слабоумия животности»,³³ тогда человек перестает быть зверем, становится личностью и видит в привычной, конкретной, осязаемой, чувственной действительности нечто большее: в обыденной реальности — проявление сущности, явление «самого самого вещи».³⁴

²⁷ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 287.

²⁸ Там же, с. 133.

²⁹ Там же, с. 186.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 157-158.

³² Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. — М., 1927, с. 164.

³³ Лосев А.Ф. Жизнь... — СПб, 1993, с. 21-22.

³⁴ Лосев А.Ф. Бытие: Имя:Космос. — М., 1993, с. 185.

А. Ф. Лосев. 1939 г.
(Фото Наппельбаума)

А.Ф. ЛОСЕВ

ПЕРЕПИСКА В КОМНАТЕ

I

Одиночество

(поэма)

Когда человек одинок, о нем вспоминают люди. Такой человек еще не одинок, не самодовлеющ. Когда у одинокого есть вещи, и их любовно хранят люди, они, видя вещи, вспоминают одинокого. Такой одинокий еще не одинок.

Но когда одинокий раздаст любимые вещи, люди, осязая бывшие его вещи, постепенно научаются не думать о нем. И одинокий постепенно становится одинок, становится самодовлеющ.

На Востоке человеческая молва — семьдесят пять дней. На Западе память человеческая — два года, а на третий год мысли о человеке стираются. Одинокий предстает перед лицом великого одиночества.

Радость разливается в одиноком, и ужас безумных сомнений сковывает волю одинокого. Сможет ли он вынести тяжесть величия одиночества?

Радость вступает в борьбу с ужасом и торжествует тяжкую победу, отбросив великий ужас. Ужас снова и снова возвращается к борьбе. Но радость одиночества каждый раз торжествует победу.

Одинокий забыт и весь в себе, в великом ужасе торжествующей победы.

Одинокий остается в великой тайне сам с собой.

III.

14/XII-932

II

Обезьяны

(поэма)

Когда человек еще не поселился в обезьяньем мире, о нем вспоминают люди. Такой человек еще не человек, не самодовлеющ. Когда в мире кроме обезьян есть еще что-нибудь, люди, зная это не-обезьянье, вспоминают человеческое. В таком мире человек еще не человек.

Но когда человек окончательно поселяется в обезьяньем мире, люди, осязая человеческое, постепенно научаются не думать о нем. И человек постепенно вселяется в обезьяний мир, постепенно становится человеком.

На Востоке обезьяний мир созерцателен, на Западе он деятелен. В России он объединил восточное созерцание и деспотизм с западной рационализацией и методизмом и внутренне преобразил все бытие.

Радость разливается в том, кто вселился в обезьяний мир, и ужас безумных сомнений сковывает волю вселившегося. Сможет ли он вынести тяжесть величия своего пребывания в обезьяньем мире.

Радость вступает в борьбу с ужасом и торжествует тяжкую победу, отбросив великий ужас. Ужас снова и снова возвращается к борьбе: нет ведь никого и ничего кроме обезьян! Но радость каждый раз торжествует победу.

Вселившийся забыт и весь в себе, в великом ужасе торжествующей победы.

Вселившийся остается в великой тайне с самим собой, ибо только он знает бытие и мир, весь обезьяний и непрестанно гогочущий мир: нижние обезьяны гогочут над неодушевленной природой, средние обезьяны гогочут над нижними, обезьяньи ангелы над средними, обезьяньи архангелы над обезьяньими ангелами; и, наконец, над всем миром раздаётся непрестанный

хохот и гоготание единого и истинного Оранг-утанга, покорившего небесную, земную и преисподнюю.

Л.

15/XII-932.

III

Это себе вещь!

(ода)

Небо оплодотворило землю, и земля родила человека.

Но человек был наг.

Человек сказал: в наготы моей срам мира сего. И создал человек вещи, спрятал в вещах наготу свою и думал, что сделал мир человеческим.

Вещь сначала была малым фиговым листом и прикрывала малый срам человека. Человек вложил в вещь частичку духа своего, и фиговый лист стал расти, множиться и наполнил собой мир человеческий. Наполнив мир, дух вещи покорил дух человека.

Человек, потонув в море вещей, уже не ощущал своей наготы и возвысил вещь над ближним своим и радостно восклицал:

— Вот моя мудрость и мое человеческое!

Создав из вещи кумира, ему на жертвеннике пролил кровь и слезы ближнего своего. Когда же вещи стали красны от крови и люди захлебывались от слез, человек сказал:

— Вы думаете — это плач человеческий? — Нет, это гогот обезьяний, ибо человек без фигового листа хочет в мир обезьяний.

— Вы восстаете против фигового листа и не хотите нести на алтарь его страданье свое!

— Вы обезьяны, поймите!

— Фиговый лист — это себе вещь!

16/XII-932.

IV

Это вам не вещи!

(не-ода, шутка в 1 действии)

Бог — любил бытие, и — создал небо и землю.

Бог любил жизнь, и — создал человека.

Человек любил бытие, и — сделал его тюрьмой.

Человек любил жизнь, и — решил убить Бога.

Человек решил убить неуничтожимое, и — стал обезьяной.

Человек сделал все, чтобы убить, и — сделал мир обезьяньим.

И заплакал сам человек, — началась история человечества.

И подумал: «Сладко быть богом!» и наполнилась история обезьяньим хохотом.

Но Бог — любовь, потому и — ад.

И человек — слезы, потому и — рай.

И ад и рай, это ты — родное и всегдашнее!

«Ты нам трагедию не ломай! Ты нам подавай комедию!»

Вот тебе и комедия: шел я, пьяный, да и упал в грязь. «Эх ты, мать твою...»

Это вам не вещи. Это — комедия!

Л.

19/XII-932.

V

Любовь в аду или комедия в раю

Хаос прозвенел в бесконечности фикцией.

Фикция стала словом, фикция стала богом.

И решил Бог в творчестве реального мира преодолеть свою фикцию, и создал небо, землю и человека.

В поисках самопознания и первопричины бытия человек неизменно наталкивался на фикцию.

В начале бе фикция!

Тщетно пытался человек разбить хаос бытия на добро и зло и в благе спастись от зла.

Благо прозвенело в хаосе фикцией и утвердило реальность зла.

Спасаясь от реальности злого ада, человек создал фикцию благого рая.

И ад стал реальностью, и рай стал фикцией.

И поместил человек в аду сатану и в раю бога.

Сатана сказал человеку:

— Фикция захотела стать реальностью и создала без-умие!

— Фикция всеблагого бога претворилась в реальность безумия сатаны!

— Фикция райского счастья претворилась в страдание реального ада!

— Фикция любви претворилась в комедию реальности!

— Твои искания всемогущего и всеблагого, ты, человек, претворил в служение мне — сатане!

И отвечал человек:

— Я искал в боге истины, любви, красоты и счастья, но нашел в тебе, сатане, ложь, ненависть, уродство и несчастье.

Сатана отвечал:

— Ты искал фикции и нашел реальность.

— Познай в реальности отрицание фикции.

И возопил человек в мире:

— Но бог, бог всеблагодой!..

Мир наполнился хохотом и человек познал фикцию.

20/XII-932.

ПЬЕСА А. А. АХМАТОВОЙ «ПРОЛОГ (СОН ВО СНЕ)»

В той части архива А.А. Ахматовой, которая находится в отделе рукописей и редких книг Российской национальной (бывшей Государственной публичной) библиотеки в Санкт-Петербурге (фонд 1073), сохраняется под № 227 конверт с грифом издательства «Художественная литература». Судя по зачеркнутой на нем надписи, он первоначально содержал какие-то материалы, направленные издательством А.А. Ахматовой, а затем был использован постом для хранения накопившихся к 1965 году набросков пьесы в прозе и стихах. Название пьесы, согласно надписи на конверте, «Пролог (Сон во сне)», под названием проставлена дата «1965», а ниже следует цифра «I», видимо, указывающая на то, что конверт с материалами к пьесе был или должен был быть не один. Уверенности в том, что надпись на конверте авторская, нет, и возможно, разрозненные черновики были собраны вместе уже после смерти автора. Это обстоятельство необходимо отметить сразу. Перед нами не сколько-нибудь связанная, пусть даже черновая, авторская рукопись (возможно, хранящаяся в каком-либо ином месте), а собрание первоначальных планов пьесы, эскизов ее актов, набросков отдельных сцен, разработок стихотворных партий. На то, что совокупность этих черновиков не являет нам последней стадии работы над произведением, как будто указывают встречающиеся в конверте листы с надписью «В работу» (л. 22 об.) или «Работа» (л. 26 об.), которые, видимо, служили оберткой для материала, подлежащего дальнейшей разработке; об этом же может говорить и наличие наряду с рукописными — чернилами и карандашом — листами, листов машинописи, производящих впечатление фрагментов какого-то более полного машинописного целого. И, наконец, я позволю себе сослаться на свои личные воспоминания, относящиеся

к 1963 году, когда А.А. Ахматова, рассказывая мне о работе над пьесой, прочитала, в частности, эпизод с парящим в воздухе портретом Сталина из III части «Суд над автором», которого нет среди набросков этой части в рукописи Национальной (б. Публичной) библиотеки.

Но как бы то ни было, и в случае существования рукописи ббльшей степени завершенности (хотя и не завершенной все же до конца, как из-за смерти Ахматовой, так и из-за ее сомнений в необходимости воплощения своего замысла*), и в случае самодовлеющего характера Петербургской рукописи, эта последняя представляет большой интерес — и как единственное известное на сегодняшний день по полноте¹ собрание набросков пьесы, и как интереснейшее свидетельство метода работы Ахматовой над ее не-лирическими произведениями — «наплывами» отдельных «кадров», подлежащих дальнейшему «монтажу».

История работы А.А. Ахматовой над пьесой и общие линии ее замысла изложены акад. В.М. Жирмунским в его комментарии к публикации стихотворных отрывков из «Пролога», где он, в частности, пишет: «В «Списке утраченных произведений» (ГПБ) упоминается: «Драма Энума элиш, в 3-х частях: 1) На лестнице; 2) Пролог; 3) Под лестницей (сожжена 11 июля 1944 в Фонтанном Доме, написана в Ташкенте 1943-1944)». Более подробно (ЦГАЛИ): «Вместо предисловия. Когда после брюшного тифа в Ташкенте, в конце 1942 г., я вышла из больницы, все почему-то стало мне казаться родом драматического действия, и я написала *Энума элиш*. I-ое и III-е действия были совершенно готовы. Оставался «Пролог», т.е. II действие. Он должен был быть в стихах и представлял собою кусок пьесы героини *Энума элиш* — Х. [...]». [...] Значительно позже, в начале 60-х годов, как сообщает поэтесса, «она вздумала возвращаться ко мне» (ЦГАЛИ). Ахматова пыталась восстано-

* Они возникли в 1965 г. после прочтения книги Алэна Роб-Грийе «В прошлом году в Мариенбаде», в формальных приемах которой Ахматова увидела сходство со своими исканиями, и ей не захотелось быть принятой за подражательницу «нового романа».

вить или точнее — воссоздать утраченный текст. [...] Общее заглавие остается «Энума элиш», с которым конкурирует более понятное «Пролог, или Сон во сне», представляющее, в сущности, название средней, стихотворной части произведения — пьесы внутри пьесы. «Энума элиш» — древневавилонская теогоническая поэма (о сотворении мира и поколениях богов), которая входила в новогодний праздничный ритуал. Заглавие (по первому стиху) обозначает «Когда вверху... (в переводе Ахматовой: “Там вверху...”)² Сообщая затем, что поэму «Энума элиш» переводил на русский язык второй муж А.А. Ахматовой, известный ассириолог В.К. Шилейко, В.М. Жирмунский утверждает, что «связь названия драмы Ахматовой с ее содержанием» «неясна».

Конечно, незавершенный характер рукописи не дает возможности до конца прояснить смысл названия «Энума элиш», хотя некоторые ассоциации вызывает характер перевода этого названия А.А. Ахматовой: «Там вверху» может быть антитезой «Там внизу» (название книги Гюисманса о его увлечении сатанизмом). В этом случае «Энума элиш» может означать мир, в котором пребывает героиня пьесы, мир «На лестнице» (напомню, что в Ташкенте Ахматова жила одно время на балахане — верхней надстройке узбекского дома) в его противопоставлении страшному сатанинскому миру «Под лестницей», творящему «суд» и расправу над поэтом.

Следует внести также уточнение и в изложение В.М. Жирмунским содержания пьесы. Из-за фрагментарного характера рукописи исследователь не заметил, что ее вторая часть — «Пролог» — состоит из переклички не двух голосов — героини и «гостя из будущего» — а трех: «гостя из будущего» сменяет голос того, кто «будет за поворотом», голос «Последней Беды». Гость из будущего — только его предтеча.

Кроме набросков собственно пьесы, конверт с материалами к «Прологу» содержит также черновики прозаического обрамления к ней, озаглавленного «Гаванская находка» и представляющего собой вымышленную историю нахождения бутылки с рукописью «Энума элиш» в приморской гавани и исследования ее неким

академиком будущего и его учениками. К этому обрамлению примыкают фрагменты под названием «Нечто удивительное. Проза», содержащие пародийно-гротескный комментарий к отрывку из интермедии на сюжет ахматовской «Поэмы без героя». Поначалу представляется, что это самостоятельный текст, однако при внимательном чтении можно заметить, что он связан с «Гаванской находкой»: и там, и тут отмечается порча рукописи океанской водой, оба текста упоминают в числе действующих лиц редактора, в комментарии к интермедии говорится о «госте из будущего», который «мерещится на задымленной стене пещеры» (ситуация «Пролога»). Возможно, в замысел Ахматовой входило объединение «Пролога» и отрывка из интермедии в рамках одной «находки», однако до конца проявлен этот замысел не был.

Этот же мотив будущего обнаружения произведения встречается и в находящемся в конверте с набросками «Пролога» черновом стихотворном тексте «Большая исповедь». Опубликованный ранее отдельно от «Пролога»,³ он в значительной степени оставался закрытым для читательского восприятия, находясь в тесной связи с содержанием пьесы. Поэтому я считаю необходимым повторно опубликовать его в составе всей рукописи, устранив неточности первой публикации.

Публикуя полностью все содержимое конверта, я даю, перенумеровав их римскими цифрами, тексты фрагментов не в том, чисто случайном порядке, в каком они хранятся в РНБ (б. ГПБ), а в той последовательности, какая представляется мне способствующей уяснению авторского замысла (попутно в квадратных скобках указываются листы рукописи). В тех случаях, когда та или иная сцена представлена рядом вариантов, я воспроизвожу равноправно все варианты один за другим, не отдавая предпочтения какому-либо из них, поскольку автором эта работа не была произведена. Предшествующие публикации отдельных стихотворных партий из пьесы особо не оговариваются.

Сокращенно написанные слова раскрываются без обозначений в случаях, не вызывающих сомнения (то

же относится и к пропущенным словам). Когда чтение безусловное или связано с большой степенью ответственности, восполняемые буквы или слова заключаются в квадратные скобки. В одном случае (название пьесы Сен-Санса) гипотетическому прочтению я предпочел воспроизведение сокращенного написания.

Зачеркнутые слова приводятся, в угловых скобках, только если они образуют более или менее выявленный вариант.

В случаях, когда зачеркнутое место ничем не заменено, оно воспроизводится без угловых скобок, если согласуется с контекстом (в противном случае ставятся скобки).

Данная публикация была подготовлена в 1980 г. и намечалась к изданию в одном из сборников Академии Наук СССР «Памятники культуры. Новые открытия», однако ответственному редактору акад. Д.С. Лихачеву не удалось получить предварительного разрешения соответствующих инстанций. Последующие мои попытки, в том числе и после 1985 г., оказались безрезультатными. В 1989 г. М.М. Кралин опубликовал свою редакцию «Пролога», отличающуюся от данной. Считаю свою версию существенно важной, я хочу предложить ее читательскому вниманию после публикации М.М. Кралина.

Примечания

- ¹ В Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве в рабочих тетрадях («записных книжках») Ахматовой имеются отдельные наброски «Пролога». Мне эти материалы были недоступны.
- ² См.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1976. — (Б-ка поэта. Большая серия). — С. 508-509.
- ³ Публикация М.М. Кралина в кн.: День поэзии 1979. — М.: Сов. писатель, 1979. — С. 201-202; в ином виде опубликована им же: Литературная Грузия. — 1979. — 7. — С. 91-92.
- ⁴ См.: Искусство Ленинграда. — 1. — 1989. — С. 15-35.

Анна АХМАТОВА

ПРОЛОГ

(СОН ВО СНЕ)

I.

Э н у м а э л и ш
2 окт. 1963
Будка.¹ [л. 22 об.]

II.

Гаванская находка
или
Рукопись в бутылке

Я. Моя Гаванская находка. Моя биография (по Л.Л. Ракову²). Моя жена, дети, внуки. Ученая карьера. Ученые степени. Я — академик (академики). Моя библиография. Дальше сама рукопись.

Внешний вид рукописи. Почерк. Язык. Подробности нахождения. [л. 3]

* *
*

Сначала покойный академик по-видимому хотел сообщить гораздо больше подробностей о рукописи, но отвлекся от этого предмета и перешел на вопросы собственной биографии и столь блистательной научной карьеры. С замиранием сердца читатель узнает биографии всех помогавших и мешавших найти рукопись, все его приключения в городке N, где ему так и не удалось ничего разыскать, несмотря на помощь милиции, 3-х пожарных частей и собак-ищек во главе со знаменитой Лиджи³ (18 медалей). [л. 1 об.]

* *
*

Я разделил темы между моими учениками и ученицами. Самой верной из них Бэбе⁴ досталась тема «Пролог» и его последствия. Она, не зная какими путями (по слухам, ценою ночи, как говорили в прошлом веке*), установила, что это произведение двадцатого столетия, написано в одном из крупнейших городов Средней Азии. Пол, возраст и национальность автора установить не удалось. На каком языке написан «Пролог», тоже неясно. Кто-то, из вечно протестующей молодежи, старается доказать, что это стихи и по всей вероятности перевод. За толкование вставной цитаты:

Чтоб шею завернуть, я не имею шарфа,⁵ —
четыре человека получили докторские степени, по поводу чего уборщица Настя бестактно сказала: «У того, который сочинил, рваной тряпки не было, а эти обвинители своих б... в чернобурые [л. 6] манти нарядили».

Я же с чувством «законной гордости» констатирую рост нашего литературоведения. [л. 6 об.]

III.

Пьеса «Пролог» — по-видимому переводная и представляет собою вторую часть некоей трилогии «Энумаэлиш», обнаруженной в Ташкенте при довольно загадочных обстоятельствах в (смыто океанской водой) году.

Часть I — На лестнице

Часть II — Пролог

Часть III — Под лестницей

(Суд над автором «Пролога». Ее смерть)

Действующие лица

- 1) X (икс)**
- 2) Секретарша нечеловеческой красоты
- 3) Соперница
- 4) Бэбе (забодаю...)
- 5) Редактор с ассирийской бородой
- 6)

* По чего я ни в коем случае не одобряю. [л. 6]

** В фойе театра до сих пор висит ее портрет в роли сомнамбулы (в почной рубашке, с распущенными волосами, босая) из пьесы «Пролог» (II часть трилогии «Энумаэлиш» неизвестного автора, записанной в (смыто океанской водой) и реабилитированной в (смыто

Место действия по-видимому Ташкент, время — вторая мировая война 20 века.

IV.

<О Поэме>

Нечто удивительное

Проза

1962 [л. 1]

океанской водой) году. Другие ее портреты находятся в (смыто океанской водой) Музее. По слухам один из них (самый известный, в ярко синем платье, работы художника А.⁶) ведет себя как-то странно — изменяется, иногда ломает руки и зовет кого-то по имени (когда посетители музея отвертываются). Поэтому, хотя он и раньше находился в тайном хранении, было сочтено за благо поместить этот портрет в небольшой темный и крепко запертый карцер, где он не будет никому мешать. [л. 2]

Буфетчица Клава

Ввиду отсутствия законных наследников ей была подыскана вполне пристойная наследница — театральная буфетчица Клава, в комнате которой W. даже одно время, когда случайно возникли затруднения квартирного характера, провела 1½ года. Там ей было очень удобно и приятно, несмотря на жесткость буфеторского круглого диванчика и неожиданные ночные пробуждения, когда она, случайно кашлянув, слышала хрипловатый мужской голос: «Тут кто-то есть!..». И нежное щебетанье Клавы: «Это не имеет никакого значения. Не обращайтесь вниманья». И Клава мило ныряла в венецианскую двуспальную не менее знаменитую кровать, на которой в прошлом сезоне Отелло душил Дездемону.

Но и тут дело обошлось не без недоразумений: Клава вдруг заявила, что просит ей книг, писем и в особенности стихотворных посвящений не передавать, что, хотя ввиду неграмотности за себя она ручается, но ее знакомые, которые часто засиживаются у нее до утра и фамилии которых она никак не может запомнить, могут оказаться грамотными, что она согласна принять: а) драгоценности (таких не оказалось), б) платье (в нем увели W.) и в) какую-то рухлядь красного дерева, которая вскоре вся рухнула, потому что ее съел жучок. Кроме того Клава уже несколько раз (враги говорят — четыре, друзья — два) была на ул. Радио, где лечилась от (диктуную трудное латинское название болезни по буквам: Зина, Алесуншка, Петя, Ольга, й). Пришлось за письмами послать грузовик, книги сложить в каком-то подвале, а Клаве строго предписать принять ванну, согрев воду в колонке стихотворными посвящениями. Свидетели утверждают, что колонка кипела. [л. 2 об.]

V.

Название интермедии дано на каком-то неизвестном мне языке. Для установления языка и перевода я провёл 9 месяцев в Закавказии, но привез оттуда только тяжелое заболевание печени.

Как всегда, помогло чудо. Моя внучка Фифа⁷ познакомилась около гостиницы «Москва» с каким-то юношей и показала ему мою кандидатскую диссертацию на эту тему. И юноша сказал, что буквы латинские, а *La vie* — значит по-французски — жизнь. Конечно я и все мои ученики не прекратили исследования, но пока что приходится принять эту гипотезу.

В сущности от рукописи осталось только одно примечание (местами тоже попорченное [л. 1 об.] океанской водой и самый конец интермедии). [л. 1]

VI.

По-видимому окончание интермедии, о которой пойдет речь в Примечании

Арлекин, плясун и насмешник!
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать.⁸

Танец. Все трое танцуют. Остальные встают, пытаюсь выразить восхищенье. Кажется, что над ними кружатся черные птицы и они отделены от мира траурными вуалями.

Автор (показывая на них, бормочет):

Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...⁹

Слышится или чудится шуршанье Сплетни(?). В заднике открывается арка и оттуда выпадает выгнутый крутой мост. Маскарадная толпа расступается, и все трое проходят по этому мосту в какое-то теплое желтое сияние¹⁰ — Победа Жизни.

Голос Лепорелло:

Andiamo al'osteria
A cercar padron millior¹¹ [л. 3]

VII.

Продолжение примечания

...по мощному таинственному ходатайству была снята, что Коломбину и Драгуна исполняли знаменитые артисты того времени, а Арлекина — некто никогда не открывший своего лица и называвшийся одной буквой (смыта океанской водой). Говорят [л. 3] (*on dit* или *la légende veut*¹⁸), что он (Арлекин) приезжал на репетиции в черной карете с такого же цвета пуделем (что, однако, не невозможно), что он в жизни очень заметно хромал, а на сцене был воплощенной грацией, что вопрос о его смерти окутан столь непроницаемой тайной, что никому даже в голову не приходило распутать ее и т.д.

Гораздо страннее, что еще более необыкновенная жизнь и ужасная смерть постигли всех участников этого невиннейшего представления.

Некоторые из них просто пропали — навсегда и неизвестно куда (примеры). Другие, как например редактор, сошли с ума и, кажется, еще до сих пор находятся в сумасшедшем доме (ему чудится, что телефонная трубка приросла к его уху и голос с грузинским акцентом пугает его). Но большая часть, как это ни странно, была казнена за совершенные ими в разное время преступления.

Жив, здоров и пользуется прекрасной репутацией один только «Гость из будущего»¹³ (в пьесе только <вышедший из одного зеркала, чтобы войти в другое> мерещится на задымленной стене пещеры).

Совсем уже апокалипсическая судьба постигла автора колдовской музыки к «Интермедии». Кажется, что все общество разделилось на две равные части. Первая вставляет его имя в самые блистательные перечисления, говорит о нем слова или, вернее, сочетания слов, не знающие равных; вторая считает, что из его попыток ничего не вышло, что это *unc existence manquée*¹⁴ *tertium quid*¹⁵, который неизбежно образуется при разделе на две равные части, пожимает плечами и, — *tertium quid* всегда отлично воспитан, — спрашивает: «Вы уверены, что когда-то был такой композитор?» и считает его чем-то вроде поручика Кижее.¹⁶

Выяснив все эти факты, пишущий [л. 4] эти строки случайно наткнулся на вопрос о самом авторе либретто. Ему посчастливилось узнать, что в разное время либретто приписывалось <двенадцати> семи разным авторам, все они опровергли печатно этот нелепый слух и намекали, что это просто перевод. Однако пишущий эти строки на этом не успокоился и поехал в город N к знаменитому специалисту по истории балетного либретто (автору нашумевшего в свое время труда «Либретто и борьба с ним»). У маэстро ответ был давно готов: «Тоже Кристофер Марло».¹⁷

Однако старый слепой — внук театрального суфлера остановил выходящего от знаменитости пишущего эти строки и проворчал: «Не верьте старику, у него микромаразм».

Женских ролей там, как известно, было две. Одна из них (амплуа комическая старуха) в возрасте <81> 61 года была зарезана из ревности матросом в загородном парке города N. Другая (главная героиня) получила предписание покинуть театр и посвятить себя ухаживанию за собственной могилой. Каждый день зимой и летом, одетая в ничуть не театральное рубище, то с лопатой, то с граблями и какой-то рассадой, она приходит в сравнительно мало посещаемый угол кладбища и подолгу возится возле скромной, но пристойной гранитной плиты. Могилу изредка посещают какие-то господа без шляп и пожилые дамы с целыми цветниками на голове, они почему-то [л. 4 об.] становятся у плиты на колени, достают какие-то мешочки и наполняют их землей с могилы. Поэтому бывшая премьерша должна раз в месяц приносить свежий запас земли. Кажется, зимой в сильный мороз это не так уж просто, а нести на спине мешок с землей будто тяжело, но это уже детали.

У здания театра, где она когда-то играла, поставлен ее бюст работы знаменитого скульптора (стерто океанской водой) с теми же датами, что и на могиле; на всех 12 домах, где она жила* — мраморные доски (на 13-ом,

* Пять из них по-видимому построены после ее смерти. Но это ничего не меняет. Причина смерти варьируется в зависимости от

где она живет сейчас, такой доски нет). Этим, кажется, посмертные почести и ограничиваются. В этой тринадцатой ее¹⁸ квартире нам побывать не пришлось, во-первых, потому что в такие районы ходить небезопасно даже днем, затем, по слухам, лестница, кажется, из известного фильма «Рим в 11 часов».¹⁹ Тем не менее некоторые сведения нам получить удалось. Из документов самый интересный — жалоба соседей на то, что она поет ночью во сне и этим не дает спать другим (перегородка не доходит до потолка). Это бы ничего, но, как известно, такого второго голоса нет в мире, и, если какому-нибудь злоумышленнику придет в голову поставить поблизости магнитофон, может пойти насмарку [л. 5] все усилия знаменитого хирурга R., так успешно сделавшего ей пластическую операцию, что ее родная мать не узнает.

Из тех же «хороших» источников нам удалось узнать следующее. Когда примерно раз в три года является (возникает)²⁰ потребность получить от нее некоторые сведения, она ведет себя не достаточно корректно: действительно данную ей еще в (смыто океанской водой) году цитату о ее «провалах», о нелюбви к ней театральной публики она повторяет сносно, но на следующие вопросы отвечает недостаточно обдуманно.

Специально занятые ее бытом соседи по квартире Самоваров и Васипович недавно сообщили, что она при свете луны пишет углем за печкой что-то на стене, а затем снова прикрывает написанное обоями. Пришлось выкрасить комнату масляной краской оранжевого цвета. Очень мило! Что же касается ее «писанины», то это такой вздор, что мы его приводить не будем, однако Васипович подал «особое мнение» и просил обратить внимание на строки:

собеседника, от кесарева сечения — до блаженного успения, т.е. от старости. [л. 5] Далее следуют все варианты самоубийств. Какой-то коллекционер-любитель собрал 18 способов, посредством которых она рассталась с этим миром. Мы не будем их перечислять. Напомним только: волны Черного моря (хотя, как известно, она плавает не хуже щуки), окно собственной комнаты (хотя она жила в полуподвальном этаже), кухонный газ (хотя в те отдаленные времена кухни отапливались только дровами). [л. 5 об.]

Трещотка прокаженного
В моей руке поет.²¹

«Может быть, у нее в самом деле проказа?» [л. 5 об.]

* * *

Двойников своих она может считать дюжинами. Они появляются в разных пунктах земного шара и так же быстро отцветают, как расцветают, и не успевают принести особого вреда. По словам ее старых и кое-где уцелевших друзей она сама себя считает не то чьим-то двойником — не то чьим-то эхом,* но чьим, старики и старухи забыли. [л. 12]

VIII.

Э н у м а э л и ш

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а

(На лестнице. — Пролог. — Под лестницей) [л. 12]

IX.²³

П Л А Н

I. Театральная уборная. X, X² и Фрося. X — ломает руки — нет конца «Пролога». Входит X². Ей ведомы начала и концы...²⁴ Двойники переодеваются.

II. Пещера. Подробное описание. X² в сомнамбулическом сне, за ней — вороны. Молится, не приходя в себя, и ложится на овчину.

Некто на стене : Ты звала меня?

X² : Ты кто?

Некто : Я тот, к кому ты приходишь каждую ночь, и плачешь, и просишь тебя не губить. Как я могу тебя губить? — я не знаю тебя и между нами два океана.

X² : Узнаешь. Сначала ты узнаешь не меня, а одну маленькую книжку, потом [не дописано] [л. 8]

* Сама себя она считала эхом

Пещерным древним и ночным.²² [л. 12]

X.

Театральная уборная. X и Фрося.

Или так:

Фрося grimурует X. Та ломает руки.

X : Нет, это невозможно. Я не успела кончить — там всего полпьесы. Будет скандал.

Фрося : Скандал все равно будет и еще какой, мировой. У нас все можно.

Входит высокая женщина в парандже, с корзиной фиалок.

X (почти плачет) : Я не могу, не могу.

Женщина : Бери паранджу и иди в сквер продавать фиалки — я за тебя сыграю.

X : Там играть нечего.

Женщина сбрасывает паранджу — оказывается двойником X.

X (пятится) : Кто ты?

Женщина : Я — ты ночная.²⁵ (Фросе). А ну дай роль. (Та протягивает мятые листы).

X : Там полпьесы.

Женщина : Ничего, я сейчас сделаю конец.

X : Там стихи.

Женщина : Стихи-то все равно я пишу. Какие там последние слова?

X : «Неизвестный становится на одно [л. 21] колено и с смертельным криком исчезает».

Женщина : Ладно. (Пишет). Знаю.

Орел Федя : Беда!..

Слышна музыка.

X² (бормочет) : «Прощай, прощай!!!

Ton époux cour le monde, et ta forme éternelle

Veille près de lui quant il dort...»²⁶

Нет, не так — так не поймут. «Мы оба будем знать, что за дверью гибель, но другая сила возьмет верх даже над страхом, даже над жалостью, даже...

А теперь гуляй, мой лебедь,

И три года жди меня...»

(Монолог — о их первой встрече) [л. 22]

XI.

Х перед зеркалом. Ее гримирует Фрося.

Х : Не могу, все равно не могу.

Фрося : Брось трепаться. Все — можешь.

Х : Никто не знает, что у «Пролога» нет конца. Я не успела. Его нельзя играть.

Фрося : У нас все можно...

Голос-эхо: Все можно...

Обе женщины в ужасе. Из зеркала выходит двойник Х.

Двойник : Мне ведомы начала и концы
И жизнь после конца и что-то
О чем еще не надо говорить.

Х : Кто ты?

Двойник : Я — ты ночная. Мне надоело во сне. Я буду делать все, о чем ты думала, но Фрейд²⁷ тут ни при чем. Я все сделаю сном, а явь спрячу в мешок.

Х : А что же я буду делать?

Двойник : Наденешь паранджу и пойдешь в сквер продавать фиалки.

Набрасывает на нее паранджу и выталкивает за дверь. К Фросе:

Дай роль.

Читает, бормочет:

Слабо, в лоб, не то, я им сейчас покажу.

Пляшет. Орлу:

Федя, [не дописано] [л. 26]

XII.²⁸

Н¹ : Ты дописала до конца?

Н² : Почти.

Н¹ : Но до какого места?

Н² (небрежно смотря в рукопись) :

Окровавленная и пустая,

Но она должна быть, наша связь.

Н¹ : А дальше?

Н² : Я буду импровизировать.

Фрося : Воображаю.

Н² : Ты всегда воображаешь. Заколи лучше этот шов.

Фрося (закалывая) : Ах, догуляетесь обе.

Н² : Значит, я играю тебя?

Н¹ : Да. (В парандже и с фиалками уходит.)

Вдали оркестр играет еще неслыханную увертюру. Фрося подает телеграмму. Н² читает, роняет телеграмму.

Н² (бормочет): Боже мой! Опять...

Помреж (приоткрыв дверь) : Ваш выход.

Н² уходит. Фрося поднимает телеграмму и читает вслух.

Фрося (читая): «Поздравляю. Жду, как всегда, за поворотом».

Звонит телефон.

Фрося (берет трубку): Слушаю. Театр. Передать в антракте? Слушаю. Записываю. (Повторяет.) «Я сижу в третьем ряду, когда будешь танцевать Чакону, брось мне розу».²⁹ (Про себя.) Опять этот? И сколько раз я в глазок глядела! Третье место в третьем ряду всегда пустое. [л. 44]

XIII

Пещера с отверстием в своде. Оттуда зеленые беспощадные лучи луны. На полу остатки костра. Стены, почерневшие от саульного дыма. Наверху появляется Х. Пляшет. Сходит вниз по почти отвесной стене. Молится и ложится на овчину в углу. Влетают вороны.

Орел (просыпаясь, спрашивает): Как, что?..

Вороны (хором): Плохо, совсем плохо.

Орел : Опять?

Вороны : Стреляли в нее.

Орел : Кто стрелял?

Вороны : Из толпы.

Орел : Зачем толпа? (Старшему ворону). Рассказывай ты.

Старший ворон : Она шла, как всегда, по карнизу и вдруг вошла в окно, где была музыка. Мы думали:

ничего, и вдруг слышим — она плачет. Вышла и пошла дальше, за ней человек...

Орел : Насмерть?

Вороны (хором: Конечно, конечно!!! Собрались люди — кричали: одни — призрак-привидение, другие — религиозная пропаганда, муллы подстроили.

Орел : А кто стрелял?

Вороны : Солдаты.

Орел : А что говорили?

Вороны : А мы почему знаем? — По-русски. Мы узбекские вороны, мы по-русски не обязаны... А она идет, вся светится, ничего не слышит, и как спустилась, непонятно, и все бормочет... Послушай, я запомнил. Хочешь, сыграю на бубне?

Орел : Тише, разбудишь.

Х (приподнимается на локте): Да, да, — это я. Возможно. [л. 25]

На стене в пятне саксаульного дыма проступает кто-то.

Кто-то : Ты звала меня?

Она : Да, я хотела сказать тебе, что до нашей первой встречи осталось ровно три года.

Кто-то : Как долго, сделай, чтоб скорее.

Она : Я не могу, я ничего не могу.

Кто-то : Или все.

Она : Нет, я только все вижу.

Кто-то : Как я найду тебя?

Она : Ты сначала найдешь не меня, а маленькую белую книжку и начнешь говорить со мною по ночам во сне. И это будет слаще всего, что ты знал.

Кто-то : Это уже случилось, но в книжке нет твоего голоса. А я хочу так, как сейчас. А почему я пойду к тебе?

Она : Из чистейшего злого низменного любопытства, чтобы убедиться, как я непохожа на свою книгу.

Кто-то : А дальше?..

Она : А когда ты войдешь, то сразу поймешь, что все пропало. И ты скажешь мне те слова, которые мы оба так хотели бы забыть. Забыть, разве такое счастье бывает на земле!

Он : Увы! — я уже сейчас помню, как будет пахнуть трагическая осень, по которой я приду к тебе,³⁰ чтобы погубить тебя, не коснувшись твоей руки, не поглядев в твои глаза. [л. 23]

Она : И уйдешь и оставишь дверь открытой таким бедам, о которых не имеешь представления.

Он : А ты?

Она : Я долго и странно буду верна тебе и холодными глазами буду смотреть на все беды, пока не придет Последняя.³¹

Он : Какая?

Она : Та, что была за поворотом и мне ее не показали, когда во время тифозного бреда я видела все, что случится со мной. Все... до поворота. [л. 24]

XIV³²

Х (засыпая, диктует — орел пишет):

...и никакого розового детства,
ни добрых тетей, ни страшных дядей,
ни даже

товарищей из камушков
речных.

Себя чуть помню — я себе казалась
событием невероятной силы

иль чьим-то сном, иль чьим-то
отраженьем
или ночным глухим пещерным
эхом

Уже в пять лет я двойников
своих

Искать ходила, и казалось мне,
Что видела их сотнями повсюду.

То мне казалось, что меня к чужим

Подбросили — и никого не знаю,

И злодеяние в себе несущий

И это вот-вот откроют люди.

А в зеркале я за спиной своей

Так часто что-то лишнее видала [л. 14 об.]

Пещера. Гость из будущего проступает как тень на каменной стене.

Х (приподымается, не открывая глаза, протягивает к нему руки и бормочет): Знаешь сам, что не буду славить.³⁴

Он: До нашей первой встречи осталось еще три года.

Она: А до нашей последней встречи всего только год: сегодня 2-е апреля 1962 года.

Он: Ты бредишь. Ты всегда бредишь. Что мне с тобой делать? И всего ужасней, что твой бред всегда сбывается.

Она: Сказать тебе, чего мы будем бояться, когда встретимся?

Он: Скажи.

Она: Умереть от нежности друг к другу.

Он: Да, умереть от нежности друг к другу <Бояться будем> Боялись мы...³⁵

Она: Это еще не самое худшее.

Он: Тот ужас, который <возник> возникнет от нашей <последней> встречи, погубит нас обоих.

Она: Нет, только меня. Может быть, ты хочешь не появляться?

Он: Да — хочу. И чем больше хочу, тем несомненнее появлюсь. Если бы не эта жажда. Позволь мне подойти к тебе...

Она: Ты знаешь, что если подойдешь, мы оба проснемся. А где и кем окажемся?.. И это будет вечная разлука.

Он: Зачем ты такая, что тебя нельзя защитить? Я ненавижу тебя за это. Скажи, ты боишься?

Она: Я боюсь всего, а больше всего тебя. Спаси меня.

Он: <Будь проклята> <Кто тебя проклял?> Будь проклят день, когда я взял в руки твою книгу.

Она: <Ты лучше всех знаешь, что я проклята, и кем, и за что.>

Он: Ты знаешь, что ждет тебя.

Она: Ждет... ждет... Жданов...

Слетаются вороны и хором повторяют последнее слово. Адские смывки. [л. 40]

Гость из будущего проступает, как тень на каменной стене.

Х (садится, но не открывая глаза, протягивает к нему руки и бормочет):

Знаешь сам, что не буду славить...

Он: До нашей первой встречи осталось еще три года.

<Х: Дорогою ценой и нежданной
Я пойму, что ты помнишь и ждешь,
А быть может, и место найдешь
Ты могилы моей безымянной.³⁷>

Она: А до нашей последней встречи всего только год. Сегодня <2 апреля 1962 года> 28 августа 1963.

Он: Ты бредишь, ты всегда бредишь. Что мне с тобой делать? И всего ужаснее, что твой бред всегда сбывается.

Она: Это еще не самое худшее.

Он: Тот ужас, который возникнет от нашей встречи, погубит нас обоих.

Она: Нет, только меня. Может быть, ты хочешь не появляться?

Он: Да — хочу. И чем больше хочу, тем несомненнее появляюсь. Если бы не эта жажда. Позволь мне подойти к тебе... [л. 15 об.]

Она: Ты знаешь, что если подойдешь — мы оба проснемся, а где и кем окажемся... И это будет вечная разлука.

Он (молча закрывает лицо руками): Зачем ты такая, что тебя нельзя защитить? Я ненавижу тебя за это. Скажи, ты боишься?

Она (протягивая руки): Я боюсь всего, а больше всего — тебя. Спаси меня!

Он: Будь проклята.

Она: Ты лучше всех знаешь, что я проклята, и кем, и за что.

Он: Ты знаешь, что ждет тебя?

Она: Ждет, ждет... Жданов.

Слетаются вороны и хором повторяют последнее слово. Адские смывки.

Я разбудила моих птичек. Смотри, не проснись и ты.

Он: Я проснусь только, если коснусь тебя.

Выходит из стены и становится на одно колено.

Все равно — я больше не могу терпеть. Все лучше, чем эта жажда. Дай мне руку.

Удар грома. Железный занавес. [л. 15]

XVII

Она: Мы разбудили моих птичек — смотри не проснись и ты.

Он: Я проснусь только если коснусь тебя.

Выходит из стены, становится на одно колено.

Все равно — все равно я больше не могу терпеть. Дай мне руку.

Удар грома.

Железный занавес. [л. 46]

XVIII³⁸

Просцениум.

Две тени

Первая

Мир не видел такой нищеты,
Существа он не знает бесправней,
Даже ветер со мною на ты
Там, за той оборвавшейся ставней.

Но за те восемнадцать строчек

Подари мне «вдовый кусочек»,

Расскажи всем мою судьбу

И к какому бреду столбу.

<Дорогою ценой и нежданной

Поняла, что <ты помнишь и ждешь> он

помнит и ждет,

А быть может и место <найдешь> найдет

Ты могилы моей безымянной.>

Вторая

Ах! тебе еще мало по-русски

И ты хочешь на всех языках

Знать, как круты подъемы и спуски

И почему у нас совесть и страх.

Страх-то дешев, а с совестью худо:

Не достать нам ее ниоткуда.

Проходят.

[л. 14]

XIX.

По просцениуму проходят две тени. Полный мрак. В его руке карманный фонарик. Он ведет ее за руку. Оба в длинных черных плащах.

Она

Мир не видел такой нищеты,
Существа он не знает бесправней,
Даже ветер со мною на ты
Там, за той оборвавшейся ставней.

Он

Ишь ты!

Она

Но за те восемнадцать строчек
Подари мне вдовый кусочек,
Расскажи им мою судьбу
И к какому иду столбу.

Крик из зрительного зала

Не она! Не она! Не та!

Он

Ах, тебе еще мало по-русски
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

Она

Дорогою ценой и нежданной
Я пойму, что он помнит и ждет,
А быть может, и место найдет
Он могилы моей безымянной.

Он

Я что-то не вижу суфлерской будки. Хочешь, я войду с тобой в пещеру, стану за уступ и буду подавать тебе текст?

Она

Я Бога молю забыть хоть что-нибудь. [л. 45]

XX.

Гость : Ты устала?

Х : Да. Я говорила с ними.

Гость : Кто они?

Х : Мертвые.

Гость : Что они тебе сказали?

Х (молчит).

Появляется вереница теней. Кому-то из них Х кланяется в ноги. Другого целует в лоб. Шествие теней исчезает.

Гость : Я хочу быть твоей последней бедой... Я больше никому не скажу те слова, которые я скажу тебе.

Х : Нет, ты повторишь их много раз, и даже мое самое любимое: «Что вы наделали — как же я теперь буду жить!»³⁹

Гость : Как, даже это?..

Х : Не только это — и про лицо: «Я никогда не жуюсь, потому, что могу влюбиться в женщину только тогда, когда мне больно от ее лица...»³⁹

Гость : И я забуду тебя?

Х : Да. Но дух твой без твоего ведома будет прилетать ко мне. [л. 16]

XXI.

Двое встречаются наверху. Видны только их тени.

Один : Берегись, здесь дыра...

Другой : Вижу, с такой лунищей не оступишься.

Первый : Говорят, она где-то тут прячется.

Заглядывает вниз. Вороны кричат.

Да тут полно воронья.

Другой : Мне наш сосед рассказал. Тот ее музыкой заманил. Что-то ихнее прежнее заиграл, она и прыгнула в окно.

Первый : А зачем сам-то за ней пошел?

Другой : Поди — узнай. Он — мертвый, а она ничего не помнит.

Первый : Ну все равно — надо с ней кончать.

Другой : А как же, мой мальчишка и тот туда же: «Я бы за ней всюду», — говорит.

Первый : Зараза!

Снизу голос Х:

Преодо мною опять эта дверь его,
Только в дом его я не войду,
Пусть была из волшебного дерева
Скрипка, что мне играла в аду.

Второй : Уйдем!

Другой : А я бы послушал еще!

Кто-то на стене : Часы твои сочтены...

Х : [не дописано] [л. 35]

XXII⁴⁰

Он : Они убьют тебя? — Убьют сегодня?

Она : Нет, хуже. Сегодня они убьют только мою душу.

Он : Как же ты будешь жить?

Она : Никак. Я буду не жить, а ждать Последнюю Беду, а она придет не скоро.

Он : Хочешь, я совсем не приду?

Она : Конечно, хочу, но ты все равно придешь.

Он : Я уже вспоминаю наши пять встреч в страшном полумертвом городе в проклятом доме — в твоей тюрьме в новогодние дни, когда ты из своих бедных нищих рук вернешь главное, что есть у человека — чувство Родины, а я за это погублю тебя. [л. 17 об.]

Она : <И я ждала или буду ждать> А после я буду ждать тебя ровно десять лет. И молчать. И ты не вернешься. Ты хуже, чем не вернешься. Но вместо тебя <пришла> придет Она:

Легконогая, легкокрылая,
Словно бабочка весела,
И не страшная, и не милая,
А такая же, как была.

Он : Это ты про Музу?

Она : Да.

Он : Она заменит тебе меня?

Она : Да, так же, как она заменяла мне всех и всё.

Он : А я забуду тебя?

Она : Забудешь, но раз в году я буду приходить к тебе во сне — Ариадна-Дидона-Жанна,⁴¹ но ты будешь знать, что это я. [л. 17]

XXIII.

Она (продолжает): Мы будем сидеть в моей полутемной комнате перед открытой печкой и, скрывая друг от друга, непрерывно вспоминать то, что происходит сейчас. А, может быть, ты в театре и любишь себя собой наскальным.

В зале — замешательство. Крик: воды, врача... Громкий стон.

Кто-то на стене : [не дописано] [л. 35]

XXIV.

Тень: Но как мы попадем туда? Ведь я за океаном, а ты здесь, в горах.

Она : Нас поведет туда та, для кого океан — лужа, а Памир не кровля мира, а крыша коровника. Гляди!

В пятне показывается Победа. Худая, высокая женщина с сумасшедшими глазами в кровавых лохмотьях. Гимны.

Она приведет тебя с Запада, а меня с Востока, для самой главной встречи. И я молча буду молить тебя: спаси меня.

Тень (с надеждой): И я.

Она : И ты погубишь меня.

Тень: Я никогда никого не губил.

Она : И не будешь губить. Ты погубил меня одну. И на твою сторону перейдут все, даже всегда мне верная Муза. Я десять лет буду одна. Совсем одна. Десять лет и одна.

Тень (становится на колени): Сделай, чтоб этого не случилось.

Она : Сожги книгу, что лежит у тебя на столе.

Тень: Так вот ты кто!

Она : Да. [л. 41]

XXV.

Гость из Будущего : Может быть, убить тебя?

Х : И ты тоже. Все они хотели убить меня. По этой фразе — я узнаю, что ты еще не тот, кто это сделает — это он будет за поворотом (он всегда за поворотом), это его я еще не видела (*закрывает лицо руками*), а может быть, не увижу.

Гость: Хочешь, я спрячу тебя от него?

Х : Меня никто не может спрятать от него. Даже он сам.

Гость: За что он убьет тебя?

Х : Не за что, а зачем...

Гость: Зачем? Ты бредишь, ты всегда бредишь.

Х : Нет, ты когда-нибудь прочтешь об этом на всех языках. Чтоб слышать завещанный ему стон...

Гость: Я найшу на тебя немоту.

Х : Нет, ты изменишь мне в десятую годовщину нашей встречи. Так делали все.

Гость: А он?

Х : Не говори о нем — мне страшно, а вдруг он услышит.

Гость: Ты спишь еще?

Х (очень спокойно): Вот чего я боялась всю жизнь. Сплю.

Гость: Дай мне сейчас талисман, по которому я узнаю тебя на земле.

Х (покорно): Слушай. (Поет или произносит) :

«Никого нет в мире бесприютней

.....
А нежны, как первая трава».

Голос: А ты простишь меня?

Х : А ты не будешь просить прощения. По каким приметам я узнаю тебя?

Голос: Ты знаешь...

Х : А все-таки скажи.

Голос : Ты знаешь...

Х : Я знаю только одно. Ты будешь тем, чего и больше всего я боялась в жизни, и без чего я не могла жить — вдохновением.

Голос : Я был с тобой столько раз и когда ты молилась Маргаритой и плясала Саломеей,⁴² изменяла Бертой Бовари⁴³ и когда ты спасала душу и губила тело, и когда ты [л. 33] спасала тело и губила душу, и когда с своей знаменитой современницей колдовала, чтобы вызвать меня, и я даже начинаю подозревать, что ты и она — одно.

Х : Нет, только не это.

Голос : И я понял, что мне нужно только одно — твой стон, что без него я больше не могу, и пусть я знаю, что я один виновник всего, всего. Мне довольно тебя с другими! и твоих стихов — другим, и всего, всего твоего.

Х : Но ты во мне, и я в тебе...

Голос : Неправда. Слушай:

Будь ты трижды ангела прелестней

.....
От нее освободишь меня.

Какое-то замешательство. Сначала обыкновенный, затем железный занавес. [л. 34]

XXVI.⁴⁴

Антракт (за кулисами)

Перед занавесом, упавшим в глубине сцены.

Младший : Видел, первую скрипку вперед ногами выволакивали? Как без него и пьесу кончать будут!

Старший : А полковница в III-ей ложе? Муж бушует (матерится),⁴⁵ жаловаться, говорит, будет. Интересно, кому только?

Младший : Не очнулась? А иностранец...

Старший (перебивает): с пластырем на глазу? —

Младший : Да. Лежит у директора. Сообщили кому надо.

Старший : А как же. Может, это условный знак. Время — военное.

Проходит безмолвная фигура в парандже. [л. 13]

XXVII.⁴⁶

...

Кто-то заглядывает в пещеру сверху. Гость из будущего возвращается в стену и меркнет. Луна.

Голос : Ты спишь?

Она (очень спокойно): Вот этого я боялась всю жизнь. Это ты <будешь> был за поворотом?

Голос : Да. <Повтори то, что> Скажи мне то, что ты <сказала прошлый раз> мне скажешь там — во время нашей <горчайшей> встречи.

Она : Отчего я узнала тебя по голосу?

Голос : Оттого, что я делил

Она : Никого нет в мире бесприютней
 И бездомнее наверно нет,
 Для тебя я словно голос лютни
 Сквозь загробный призрачный рассвет.
 Ты — с собой научишься бороться,
 Ты — проникший в мой последний сон,
 Проклинай же снова скрип колодца,
 Шорох сосен, черный грай ворон,
 Землю, по которой я ступала,
 Желтую звезду в моем окне,
 То, чем я была и чем я стала,
 И тот час, когда тебе сказала,
 Что ты, кажется, приснился мне.
 И в дыхании твоих проклятий
 Мне иные чудятся слова,
 Те, что туже и хмельней объятий
 А нежны, как первая трава...

Голос : Ты простишь меня?

Она : Ты не будешь просить прощения. Покажи мне свое лицо и... глаза. Я должна хоть раз поглядеть в твои глаза.

Голос : Я не могу — меня нет. [л. 9]

XXVIII.⁴⁷

...
Кто-то заглядывает в пещеру сверху. Тень
в стене меркнет. Луна.

Голос : Ты спишь?

Она (очень спокойно) : Вот этого я боялась всю жизнь.
Это ты будешь за поворотом?

Голос : Да. [л. 10]

Она : Отчего я узнала тебя по голосу? Ведь мы⁴⁸ ни-
когда не встречались...

Голос : Оттого что я делил с тобою

Первозданный мрак...

Чьей бы ты ни делалась женою,

Продолжался (я теперь не скрою)

Наш преступный брак.

Мы его скрывали⁴⁹ друг от друга,

От себя, от Бога, от конца,

Помня место Дантовского круга,⁵⁰

Словно лавр победного венца. [л. 10, а также 19]

XXIX

Он

Оттого что я делил с тобою

Первозданный мрак,

Чьей бы ты ни сделалась женою,

Продолжался — я теперь не скрою —

Наш преступный брак.

Мы его скрывали друг от друга,

От людей, от Бога, от конца,

Помня место Дантовского круга,

Словно лавр победного венца.

Видел новобранною во храме,

Видел и живую на костре,

Видел и побитою камнями,

И забавой в демонской игре.

Отовсюду на меня глядела,

Отовсюду ты меня звала,

Мне живым и мертвым это тело

Ты, как жертву Богу, отдала.

Ты одна была моей судьбою,
Знала, для тебя на все готов,
Боже, что мы делали с тобою
Там, в совсем последнем слое снов!
Кажется, я был твоим убийцей
Или ты... Не помню ничего.
Римлянином, скифом, византийцем
Был свидетель срама твоего.
И ты знаешь, я на все согласен,
Прокляну, забуду, дам врагу,
Будет светел мрак и грех прекрасен,
Одного я только не могу —
То, чего произнести не в силах,
А не то что вынести скорбя,
Лучше б мне искать тебя в могилах,
Чем чтоб вовсе не было тебя.
Но маячит истина простая:
Умер я, а ты не родилась...
Грешная, преступная, пустая,
Но она должна быть — наша связь!

Она

Лаской — страшишь, оскорбляешь —

мольбой

— — — — [л. 43]

XXX.

Она : Все это было — все это будет...

Голос : [не дописано] [л. 20]

XXXI.

Х (встает, протягивает руки) : Что я дам тебе, чтобы
ты узнал меня: розу, яблоко, кольцо?

Голос : Нет.

Мне довольно слушать небылицы

И в груди лелеять эту боль. [л. 34 об.]

XXXII.⁵¹

Х : И ты придешь не в черный час беды, а когда
жизнь побежденная и усмирренная будет стлаться мне

под ноги ковром и сам ты будешь, как две капли воды, похож на счастье... А я буду тебя ревновать?

Голос : Мы будем все время испытывать одно и то же. И это, может быть, будет трудней всего. И это будет та степень духовного слияния, о которой никто еще не имеет представлений. И в этом уже будет — преступление. Мое? Твое? Наше? В этом будет весь ужас и все отвращение кровосмесительного брака — то, от чего бежал Эдип... [л. 34]

Х : Но оно догнало его и ослепило. [л. 34 об.]

XXXIII.

Голос : Мы будем делать все, что нельзя... Мы будем беспощадно уничтожать друг друга. Наша призрачная близость будет казаться нам чем-то ужасным, запретным и темным.

Она : Где б ты ни был, ты делил со мною
Непроглядный мрак,
Чьей бы ни была тогда женою,
Продолжался (я теперь не скрою)
Наш преступный брак...

Он : Но это только начало [л. 6 об.]

XXXIV.

О н а

С каждым разом глуше и упорней
Ты в незримую стучался дверь,
Но всего страшней, всего позорней
То, что совершается теперь.
Даже эта полночь не добилась,
Кто возлюбленная, кто поэт,
Не погибла я, но раздвоилась,
А двоим нам в мире места нет.

О н

Ты жажда моя, а она утоление,
Бессонница ты, сновиденье она,
В тебе умирание, ужас забвения,
В ней все, что зовется на свете Весна.

О н а

Сколько б другой ни выдумал пыток,
Верной ему не была,
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь, пила.

О н

Будь ты трижды ангелов прелестней
- - - - - [л. 42]

XXXV.

Она : Но я вдыхаю тебя с каждым глотком воздуха, пью тебя в каждой капле вина... и в смычках, когда они — ты знаешь, ты все знаешь... и в цветах, особенно в умирающих розах, и оттого в розариуме у меня до обморока кружится голова, потому что мне кажется, что ты зовешь меня.

Голос : Я никогда не зову тебя, я всегда с тобой и даже больше... Я знаю — я отравляю тебя, а ты меня, я становлюсь — тобой, ты — мной, мы оба гибнем друг в друге, а Жажда все растет. [л. 36]

Она

Знаю, как твое иссохло горло,
Как обуглен и не дышет рот
И какая ночь крыла простерла
И томится у твоих ворот
И какими черными лучами
Чрез (Сквозь)⁵² тебя грядущее текло [л. 37, а
также л. 20 об.]

- - - - - пламя
Как сквозь (Через)⁵³ задымленное стекло.

Он

Она говорит :

Сколько раз менялись мы ролями,
Нас с тобой и гибель не спасла,
То меня держал ты в черной яме,
То я голову твою несла,

Оттого что был моим Орфеем,
Олоферном, Иоанном⁵⁴ ты,
Той мечтой бездонною лелеем
И своей не зная красоты. [л. 37]

[Голос:] Только твой стон может меня спасти. Не губи меня! Скорее, скорее!

Она: Что ты называешь моим стоном? Неужели...

Голос: Будь ты трижды ангелов прелестней,
Будь родной сестрой заречных ив,
Я убью тебя своею песней,
Кровь твою на землю не пролив.
Я тебя рукой своей не трону,
Не взглянув ни разу — разлюблю,
Но твоим невероятным стоном
Жажду, наконец, я утолю,
Ту, что до меня блуждала в мире
Льда — суровой, огненной огня,
Ту, что и сейчас стоит в эфире,
От нее освободишь меня.

Она приподнимается, потягивает руки и, не открывая глаза — бормочет. Все звуки замолкают.

Черная тишина.

...А вот они опять передо мною,
Алмазные и страшные глаза,
Какие и у музыки бывают,
Когда она на самой грани
Какой-то верной гибели скользит, [л. 36]
И слушатель тогда в свое бессмертье
Вдруг начинает верить безусловно...

Он (перебивая): Нет, не то, совсем не то... Еще, еще...

Она: Лаской — страшишь, оскорбляешь — мольбой,

входишь без стука,
все наслаждением будет с тобой,
даже разлука.

Пусть разольется в зловещей судьбе

Алая пена,

Но прозвучит, как присяга — тебе
даже измена.

Той, что познала и ужас, и честь
жизни загробной...
Имя твое мне сейчас произнести
смерти подобно... [л. 11]

XXXVI.

Кабинет директора

Помреж (вбегает): Не дать ли занавес?

Директор: А что?

Помреж: Да она не то говорит. Всех нас погубит.

Директор (испуганно): Политическое?..

Помреж: Нет, нет... бред какой-то любовный, и все стихами...

Директор (успокоясь): Стихами? Вздор! Послушать, разве? Я сам, когда-то в молодости, писал стихи. О публике не беспокойтесь. Кто это когда-нибудь заметил отсебятину на сцене?

Подхалим: Как это верно.

Ее голос: Этот рай, где мы не согрешили,
Тошен нам,
Этот запах смертоносных лилий,
И еще нестыдный срам.
Снится улыбающейся Еве,
Что ее сквозь грозные века
С будущим убийцею во чреве
Поведет любимая рука. [л. 47]

XXXVII.⁵⁵

Из «Пролога» (часть 3-я)

Неожиданно налетает [вихрь] адской силы. Гаснут свечи на судейском столе. Пыль столбом. Минуту зритель ничего не видит, а когда свет снова загорается, за судейским столом рядом с самым толстым сидит некто в голубой фуражке.

Некто (очень громко, читает): Г-ка X привлекается к ответственности, согласно статье Уголовного кодекса... пункт... по обвинению в убийстве...

X (перебивает): Кого?

И все с ужасом видят, что она наконец открыла глаза, но ее огромная грива совершенно седая.

Некто в голубой фуражке (грубо): А вы сколько убийств совершили?

Соперница: Я как общественный обвинитель должна до начала разбирательства зачитать список ее жертв.

Лучшая подруга (уже в прокурорском мундире, перебивает ее): Я бы сначала хотела бы выслушать свидетеля защиты.

Двое конвойных выводят под руки слепого юродивого Васю.

Вася: Вы чего меня держите? Я и так скажу. Она добрая, она мне яблочки давала.

Она (кричит): Вася!

Лучшая подруга в прокурорском обличье: Тайно давала отравленные яблочки для раздачи населению. Число отравленных еще не выявлено. (Конвою.) Уведите подсудимого.

Васю уводят.

Свидетелями обвинения оказываются все находящиеся на сцене, кроме неподвижной и безмолвной фигуры в парандже, продающей фиалки у входа в сквер. Ссоры в очереди свидетелей обвинения. Отдельные восклицания: [л. 38]

При мне хвалила Джойса...⁵⁶

Некоторые думают, что заброшена к нам неприятелем и спустилась на парашюте...

Я сам видел, как что-то летело с неба...

Торговала на Алайском рынке⁵⁷ паспортами...

Перебегала границу... Переплыла реку Пяндж... Украла подводную лодку.

Красавица: Увела у меня трех мужей.

Ханжа: У меня одного, который жил со мной пятьдесят лет. Мы ворковали как голубки.

Новый муж ханжи (в ужасе): Боже, сколько ж тебе лет?

Двое убийц из первого действия (к чьей-то спине): Зайди парень в аптеку, достань кокаину. (Показывает что-то блестящее). Хорош браслетик?

Некто в голубой фуражке (подзывая их): Если опознаете ее, катись дальше.

Они: Что вы, гражданин начальник. Мы разве что. А ее знаем, как облупленную. Она это Зайченко и Ахметова⁵⁸ сманила. Все показать можем.

Она: Кого я убила? [л. 39]

XXXIX.⁵⁹

Секретарь: Как ваше имя?

Х: Все так же...

Соперница (с места): Какая наглость!

Соперница — еще не старая, красивая, очень нарядная дама. В глазах — беспокойство.

Х — падает.

Соперница (с места): Это ее любимый прием. Предлагаю продолжать собрание.

Из мрака вылетает огромная птица и опускается на грудь *Х*.

Это ее дрессированный попугай.

Секретарь (несколько смущенно): Товарищи! Кто тут врач?

Выходят шесть человек, трое — мужчин и трое женщин.

Посмотрите, что с ней.

Все шесть: Она умерла — оттого и упала.

Мордик-Бородач: Товарищи! Через четверть часа начинается генеральная репетиция моей только что разрешенной и увенчанной премией пьесы «Прохор Сыч — сын партизана».

Все вскакивают с мест и бегут за Мордиком, перепрыгивая через труп *Х*. Сцена опустела. Входит слепой. Клюкой нащупывает тело. Становится на колени, берет руку мертвой. Узнает ее по кольцам.

Слепой: Соседка... Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей... А имя-то ей как?

Занавес

Пасха. 1943. Ташкент [л. 12]

Вася : А имя-то ей как?

Старый конец [л. 18]

Недалеко от стола — высокая неподвижная женская фигура в парандже. Продает фиалки.

Человек с скрипичным футляром : Дай мне, апа,⁶¹ три (показывает пальцами)...

Та протягивает ему цветы. Он платит. Пятится.

Боже мой, где я видел эту руку?..

Женщина (по-русски): Ты ее еще увидишь.

Он : Скажи еще что-нибудь.

Она молчит.

Он : Хоть одно слово.

Она молчит.

Он : Кто ты?

Она молчит. [л. 22]

Сцена опустела. Над телом — Орел. Неподвижная фигура женщины в парандже. Подходит к телу:

Дешево отделалась, а (бросает на мертвую все свои фиалки) я только сейчас начинаю. [л. 18]

БОЛЬШАЯ ИСПОВЕДЬ⁶²

24 августа 1963

...
Но говорят — в разбомбленном когда-то,
А ныне восстановленном строенье
Нашли обрывки старого письма.
Подумаешь еще — делов палата,
Однако на поверку вышло так:
Знакомым всем тот показался почерк,
И всем мерещилось, что с ним такое
Уже когда-то в жизни приключилось,
И множество подобной чертовни.
(Диктуй, диктуй, я на коленях буду
Тебе внимать — неутолимой жадой

И я больна — но это скроем мы.)⁶³

<Из этого хотел я повесть сделать>

Я захотел тут даже повесть сделать,

Но все заголосили! — Ни за что. [л. 28]

Довольно нам таких произведений,

Подписанных чужими именами,

Все это нашим будет и про нас.

А что такое наше? и про что там?

Ну, слушайте, однако. [л. 27 об.]

Вступление

Позвольте скрыть мне все: мой пол и возраст,

Цвет кожи, веру, даже день рождения

И вообще все то, что можно скрыть,

А скрыть нельзя — отсутствие таланта

И кое-что еще, остальное ж

Скрывайте на здоровье. [л. 27]

Из исповеди

И эта нежность не была такой,

Как та, которую пост какой-то

В начале века назвал настоящей

И тихой почему-то.⁶⁴ Нет, ничуть —

Она, как первый водопад звенела,

Хрустела коркой голубого льда

И лебединым голосом молила

И на глазах безумела у нас. [л. 27 об.]

* *

*

Все было очень чинно и достойно:

Двадцатый век, Москва, весны начало,

Друзья и книги и в окне — закат.

Нам бы тогда же сделаться врагами,

Почувствовав, что что-то здесь неладно.

Но почему-то мы не догадались

И пропустили время. Ерунда!

Такое ли еще бывало в мире,

А впрочем, я не знаю! Не из ада ль

Повеял ветер или дуновение
Волшебное вдруг ощутили мы.
Все кончено. Корабль идет ко дну.
И маски прочь — и я с тобой в плену
Еще <мы слышим> я слышу светлый клич
свободы,
<Нам> Мне кажется, что вольность <нам> мой
удел,

И слышатся «сни живые воды»⁶⁵
Там, где когда-то юный Пушкин пел. [л. 29]

* *
*

Мы, помнится, готовы были оба
Терпеть нежданные дары Судьбы
Как надлежит и с твердостью спокойной,
А может и насмешливо чуть-чуть.
Но умирать от нежности друг к другу
Боялись мы — и этот страх все рос
И постепенно заполнял пространство,
Которое и так неодолимо
И траурно лежало между нами...
И пересечь которое, пожалуй,
И в голову нам не могло придти.
Пусть рядом громко говорила Федра
Нам, гордым и уже усталым людям,
Свои невероятные признанья
И «больше не читавшая» Франческа⁶⁶
О первенстве заботилась своим.

Я понимаю, как все это сложно,
Но все же попытайся уцелеть. [л. 29 об.]⁶⁷

* *
*

Так вот, когда с тобой беда случилась,
Беда случилась — ты ее познал.
Теперь ты знаешь, что ни с чем на свете
Ее нельзя сравнить и утолить,
Ту жажду, что приходит раз в столетье,

А может быть, и реже, бедный друг:
Ни ветрами свободных океанов,
Ни запахом тропических лесов,
Ни золотом, ни водкою кабацкой,
Ни шкиперским крепчайшим коньяком,
Ни музыкой, когда она небесной
Становится и нас уносит ввысь,
Ни даже тою памятью блаженной
О первой и несознанной любви,
Ни тем, что люди называют славой,
За что иной согласен умереть.

...
И только мы с тобою знаем тайну,
Как утолить ее, но мы не скажем
Под злою пыткой и друг другу даже.

Особенно друг другу... — Замолчи!⁶⁸ [л. 30]

Примечания

¹ Так А.А. Ахматова называла дачный домик, предоставленный ей для проживания Литфондом, в поселке Комарово на Карельском перешейке, в 40 км от Ленинграда.

² Раков Лев Львович (1904–1970) — военный историк, один из наиболее утонченных и «блестящих» (по отзыву встречавшейся с ним лэди Клементины Черчилль) представителей ленинградской интеллигенции; в молодости был близок к М.А. Кузмину, посвятившему ему книгу стихотворений «Новый Гуль» (Л.: Academia, 1924); в 1946–1949 гг. директор Гос. публичной библиотеки; в конце 30-х и в 1949–1956 гг. репрессировался по политическим обвинениям; один из соавторов созданного в заключении, а впоследствии ходившего в рукописи сборника вымышленных биографий пародийного характера «Новый Плутарх» (совместно с Даниилом Леонидовичем Андреевым и акад. В.В. Париным; издан в 1991 г.); обычное отношение Ахматовой к Ракову было неприязненным, как к посетителю дома Кузмина, откуда, как она неосновательно считала, распространялись неблагоприятные для нее сплетни, но в данном случае она отдаст должное его дару пародиста, объявляя его автором биографии вымышленного сю самодовольного тупицы-академика.

- ³ Литжи — кличка собаки-колли, принадлежавшей Гитовичам, дачным соседям Ахматовой (сведения М.М. Кралина); существует фотография Ахматовой вместе с Литжи.
- ⁴ Контаминация французского «bébé» (малютка) и русского звукоподражания «бе-е-е», связанного с козой или овцой (см. ниже ассоциацию с козой в списке действующих лиц).
- ⁵ Ср.: «Чтоб горло повязать, я не имею шарфа» (О. Манделынтам. Камень. — М.-Пг., 1923. — С. 45).
- ⁶ Имеется в виду «Портрет Анны Ахматовой» (1914, Русский музей) работы П.И. Альтмана (1889-1870); вместе с другими произведениями русского авангарда долгие советские годы находился в запасниках.
- ⁷ Имя фигурирует в одном из фельетонов знакомой Ахматовой, писательницы Н.И. Ильиной (сведения Р.Д. Тименчика).
- ⁸ Ср.: Поэма без героя, 110-113 (Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1976. — С. 358), однако ясно, что модификация строк поэмы в интермедии связана с их отношением здесь к другому лицу, а именно к счастливому сопернику драгунского корнета.
- ⁹ Ср.: Поэма без героя, 152-154 (там же. — С. 359).
- ¹⁰ Ср. записи «О поэме» (июнь 1958 г.): «Сегодня ночью я увидела (или услышала) во сне мою поэму как трагический балет. [...] Ольга танцевала la danse russe rêvée par Debussy [русскую пляску в представлении Дебюсси], как сказал о ней в 13 г. Кирилл Владимирович, и исполняла пляску козлоногой и какой-то танец в шубке, с большой муфтой, как на портрете Судейкина, и в меховых сапожках. Потом сбросила все и оказалась Психесей с крыльями и в густом теплом желтом сиянии». (Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. — Л.: Наука, 1973. — С. 168-169).
- ¹¹ «Пойдем-ка в кабачок // Приискать господина получше» (ит.) — слова Лепорелло из XVI, заключительного явления второго действия оперы Моцарта «Дон Жуан» (1787, текст Л. Да Понте), следующего за сценой, когда Дон Жуан проваливается в преисподнюю.
- ¹² Говорят, предание утверждает (франц.).
- ¹³ Фигурирует также в «Поэме без героя» (134-135).
- ¹⁴ Несостоявшаяся жизнь (франц.).

- ¹⁵ Третий [слоя] (лат.).
- ¹⁶ Несуществующая личность, плод канцелярской ошибки в царствование Павла I из рассказа Ю.Н. Тынянова «Поручик Киж» (1928; в 1934 г. экранизирован на Ленфильме с музыкой Сергея Прокофьева). Ахматова явно имеет в виду своего близкого друга композитора-модерниста А.С. Лурье (1891-1966; с 1922 г. жил за границей). О нем и его отношениях с Ахматовой см.: Кралин М. Артур и Анна. — Л.: Ленингр. панорама, 1990.
- ¹⁷ Марло Кристофер (1564-1593) — английский драматург-«елизаветинец», предшественник Шекспира.
- ¹⁸ К этому месту в рукописи относится заключенная в квадратные скобки помета: 2 апреля 1962. Ленинград.
- ¹⁹ Лестница, обрушившаяся из-за наплыва посетительниц, приведенных по объявлению о найме на работу, в фильме итальянского режиссера Джузеппе Де Сантиса «Рим, 11 часов» (1952, в советском прокате с 1954 г.).
- ²⁰ Авторский вариант, надписанный над строкой.
- ²¹ Цитата из стихотворения А.А. Ахматовой «Не лирою влюбленного...» (см.: Eng Liedmeier J. van der, Verheul K. "Tale without a hero" and 22 poems by Anna Akhmatova. — The Hague; Paris: Mouton, 1973. Появившиеся в последующих публикациях даты 1959? и 1960, как и название «Пролог», конкретно не обоснованы).
- ²² Ср.: «Себе самой я с самого начала // То чьим-то спом казалась или бредом...» (Северные элегии, 5-я. — Стихотворения и поэмы. — С. 333), а также ниже, фрагмент XIV.
- ²³ Вверху этого фрагмента имеется позднейшая авторская помета: Надо.
- ²⁴ Ср.: «Мне ведомы начала и концы, // И жизнь после конца, и что-то, // О чем теперь не надо вспоминать» (Северные элегии, 3-я. — Стихотворения и поэмы. — С. 331).
- ²⁵ Ср.: «Вспоминаешь ты Леру дневную, // Что от солнца бывает пьяна, // А печальную Лаик ночную // Знает только седа луна» (И. Гумилев. Гондла. Действие первое, сцена 3-я. — М.; Пг.: Русская мысль, 1917. — С. 7).

- ²⁰ Цитата из стихотворения Шарля Бодлера «Мученица» (Une Martyre) из раздела «Цветы зла» сборника стихотворений «Цветы зла» (Les Fleurs du Mal, 1857). В переводе В. Левика: «Супруг твой далеко, но существом нетленным // Ты с ним в часы немые сна...» Следующие за этими 2 строки взяты Ахматовой эпиграфом к циклу «Cinq» (Стихотворения и поэмы. — С. 235).
- ²¹ Известно отрицательное отношение А.А. Ахматовой к психоаналитическому учению З. Фрейда.
- ²² Перед фрагментом заглавие: Из « Пролога».
- ²³ Ср. в стихотворении 1956 г. «Сон» (цикл 1946–1964 гг. «Шиповник цветет»). 6) : «А мне в ту ночь приснился твой приезд. // Он был во всем... И в баховской Чаконе, // И в розах, что напрасно расцвели...» и в третьем посвящении к «Поэме без героя»: «Полно мне леденеть от страха, // Лучше кликну Чакону Баха, // А за ней войдет человек, // Он не станет мне милым мужем, // Но мы с ним такое заслужим, // Что смутится Двадцатый Век» (Стихотворения и поэмы. С. 240, 354). Общая образность всех трех мест позволяет связать их с «гостем из будущего» поэмы. Прототип — английский историк и дипломат сэр Исайя Берлин (род. в 1909 г. в Риге); встречался с Ахматовой в конце 1945-начале 1946 гг. в Ленинграде в Фонтанном Доме (б. дворец графов Шереметевых), где она тогда жила. Ахматова считала эти встречи с английским дипломатом, вскоре высланным из СССР, главной причиной, вызвавшей ее гражданскую казнь в виде пресловутого постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и сопутствовавшего ему доклада секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова. В свою очередь, по ее мнению, развязанная по указанию Сталина кампания была и началом холодной войны, своеобразным ответом на знаменитую Фултонскую речь 1946 г. сэра Уинстона Черчилля о коммунистической угрозе (видимо, Ахматова полагала, что речь не могла не напомнить Сталину о приходе в Фонтанный Дом в поисках И. Берлина Рэндольфа Черчилля-сына, находившегося в СССР в качестве журналиста). Как утверждала Ахматова, стилистика античерчиллевских и антиахматовских выступлений советской пропаганды совпадала (постановление от 14 августа 1946 г., согласно Ахматовой, было написано самим Сталиным); отдаленным же последствием встреч стало повторное репрессирование сына, Л.И. Гумилева, в 1949–1956 г., (в связи с последним утверждением можно заметить, что повторное репрессирование

по прежним приговорам носило в 1949 г. массовый характер). Поэтому в августе 1956 г., вскоре после освобождения Л.И. Гумилева, гостя в Подмосковье под Колодной у Шервинских, Ахматова отказалась от встречи с Берлином, вновь приехавшим в СССР. Из состоявшегося между ними телефонного разговора она узнала, в частности, о женитьбе сэра Исайи.

- ²⁴ Ср.: «И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом, // По осени трагической ступая...» («Шиповник цветет»). 8. — Стихотворения и поэмы. — С. 241).
- ²⁵ Образ Последней Беды встречается в принадлежащей Ахматовой русской версии стихотворения Тагора «Всеуничтожение» («Везде царит последняя беда...»). — См.: Тагор Р. Собр. соч.: в 12-ти т. — Т. 7. — М.: ГИХЛ, 1964. — С. 10–11. Во фрагментах XXV, XXVII–XXXV звучит как голос вечного, неразрывного спутника жизни, и собственного порождения (отсюда настойчиво подчеркиваемый мотив преступности, кровосмесительности союза, что делает весьма сомнительной гипотезу М.М. Кралина о связи образа с Н.В. Педоброво).
- ²⁶ Перед фрагментом помета: Новый мир. Стихотворный текст является вариантом-наброском пятой Северной элегии (ср.: Стихотворения и поэмы. — С. 333).
- ²⁷ Перед фрагментом заглавие: Из «Пролога».
- ²⁸ Ср.: «Знаешь сам, что не стану славить // Нашей встречи горчайший день» (цикл «Cinq», 4. — Стихотворения и поэмы. — С. 237).
- ²⁹ Ср. в публикуемой ниже «Большой исповеди»: «Но умирать от нежности друг к другу // Боялись мы...».
- ³⁰ Перед фрагментом заглавие: Из «Пролога»; кроме того, помета: 2-й вариант. // 1962 // Москва. К помете примечание: Через три дня он [не дописано].
- ³¹ Вариант четверостишия 1946 г., примыкающего к циклу «Cinq» (Стихотворения и поэмы. — С. 297).
- ³² В верхнем левом углу помета: Гол. мел. Сен-Санса; в верхнем правом: 3-я баллада Шопена.
- ³³ Подлинные слова, сказанные И. Берлином А. Ахматовой (по ее свидетельству в передаче ряда мемуаристов).

- ⁴⁰ Перед фрагментом помета: Нужно; в верхнем левом углу: Надо. Во фрагменте временное иссякновение творческого дара (молчание) в 1946–1955 гг. (аналогичное 1925–1935 гг.) связывается с гражданской казнью и вынужденными славо-словиями Сталину к его юбилею в 1949 г. (убийство души).
- ⁴¹ Жанна д'Арк объединена в этом перечне с покинутыми своими возлюбленными Ариадной и Дидоной, как оставленная без помощи и преданная французским королем в руки англичан. Образы Дидоны и Жанны встречаются в стихотворениях «Не пугайся, — я еще похожей...» («Шиповник цветет». 11) и «Последняя роза» (Стихотворения и поэмы. — С. 243, 264–265).
- ⁴² Ср. с «Последней розой»: «Мне с Морозовою класть поклоны, // С падчерицей Ирода плясать...» (Стихотворения и поэмы. — С. 264).
- ⁴³ Имя героини романа Г. Флобера «Г-жа Бовари» (Madame Bovary, 1857) — Эмма. Бертой зовут ее малолетнюю дочь.
- ⁴⁴ Перед фрагментом помета: Бах. Re minor // 13 октября 1963.
- ⁴⁵ Авторский вариант, надписанный над строкой.
- ⁴⁶ Перед фрагментом заглавие: Отрывок из пьесы // «Пролог» // (1943–Ташкент).
- ⁴⁷ Перед фрагментом заглавие: Отрывок из пьесы // «Пролог» // или // «Сон во сне» // 1963.
- ⁴⁸ Вариант: мы же (л. 19).
- ⁴⁹ Вариант: таили (л. 19).
- ⁵⁰ Второй круг Ада, где, согласно «Божественной Комедии» Данте, находятся прелюбодей («Ад». V).
- ⁵¹ Перед фрагментом нумерация: III.
- ^{52,53} Авторские варианты, надписанные над строкой (л. 37).
- ⁵⁴ Аллюзия на обезглавление Орфея вакханками, Олоферна — Юдифью, Иоанна Крестителя — по просьбе Саломеи.
- ⁵⁵ Как явствует из содержания, данная сцена не была начальной в 3-й части пьесы. В частности, ей предшествовала упомянутая во вступительной заметке сцена, которую мне читала в 1963 г. А.А. Ахматова.

- ⁵⁶ Мемуарные записи А.А. Ахматовой «Листки из дневника», относящиеся к О.Э. Мандельштаму, свидетельствуют о хорошем знакомстве ее с романом Дж. Джойса «Улисс».
- ⁵⁷ Центральный рынок Ташкента; здесь в довоенные годы происходила нелегальная «толкучка».
- ⁵⁸ До Ахматовой неоднократно доходили сведения о том, как вольно трансформировала народная молва фамилии и «преступления» Зощенко и Ахматовой, «главных обвиняемых по делу» журналов «Звезда» и «Ленинград».
- ⁵⁹ Перед фрагментом заглавие: Из III действия.
- ⁶⁰ Перед фрагментом заглавие: Из финала.
- ⁶¹ Апá — сестра (узб.); обращение к женщине.
- ⁶² Заглавие дается согласно записи на л. 29: Из Большой Исповеди (заключена в квадратные скобки перед фрагментом «Все было очень чинно и достойно ~ Там, где когда-то юный Пушкин пел»). Возможно, возникло по аналогии с «Большим завещанием» Франсуа Вийона. Порядок следования фрагментов устанавливается по смыслу.
- ⁶³ В рукописи скобки — квадратные.
- ⁶⁴ Ср.: «Настоящую нежность не спутаешь // Ни с чем, и она тиха...» (сб. «Четки». 1914. — Стихотворения и поэмы. — С. 60–61).
- ⁶⁵ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Была пора, наш праздник молодой...» (1836). — Полн. собр. соч.: в 16-ти т. — Т. 3.1. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — С. 432.
- ⁶⁶ Федра, воспылавшая страстью к пасынку, и Франческа да Римини, полюбившая брата мужа, упомянуты вместе как примеры «беззаконной» любви; слова «больше не читавшая» относятся к тому моменту истории Франчески и Паоло, рассказанной в «Божественной Комедии» Данте («Ад». V), когда, побуждаемые чтением рыцарского романа, герои поцеловали друг друга, после чего они уже «больше не читали».
- ⁶⁷ На л. 29 об. стихотворный текст частично написан по подклеенному к основному листку обрывку с остатками адреса (чернилами, рукой адресата): й // Касимовский // [Сол]женицын.

* Первоначальный набросок строк «Так вот, когда с тобой беда случилась — Особенно друг к другу... — Замолчи!» (л. 32):

Ж а ж д а

Беда случилась — ты ее познал...
Ни с чем на свете
Ее нельзя сравнить и утолить:
Ни ветрами свободных океанов,
Ни запахом тропических лесов,
Ни золотом, ни водкою кабацкой,
Ни шкиперским крепчайшим коньяком,
Ни музыкой, когда она небесной
Становится и нас уносит ввысь,
Ни дыханьем «двух тысяч роз» болгарских

...
[Ни] соленой каплей, что с ресницы томной
Как будто приготовилась упасть,
Ни тем, что люди называют славой,
За что иной согласен умереть.

И только мы с тобою знаем тайну,
Как утолить ее, но мы не скажем
Под злою пыткой и друг другу даже.

Здесь же и на л. 32 об. наброски перевода румынской дойны «Путь извилист и тяжел...» (Ср в кн.: Румынские баллады и дойны. — М.: Худож. лит, 1965, с. 89):

< ДОРОГА ДЛИННА...

24 августа 1963. Будка.

<Путь извилист> и Длинный путь прошел три раза
Я <прошел по нем> — но нет такого глаза> [л. 32]
< ДОРОГА ДЛИННА И ИЗВИЛИСТА...

Ах, длинна <длинна> дорога в горы
Я по ней скитался много,
Но нигде такого взора
Не нашел...

Ловко ими поводила,
А меня с ума сводила,
<Я три раза обошел

Но подобной не нашел.> [л. 32 об.]

На л. 32 об. также стихотворный набросок:

Машинами обкатана,
За Сатану просватана
Сама себя забывшая земля.

6 июля 1994 г.

СУДЬБЫ РОССИИ

Апреля 27 (10 мая) *

МУЧЕНИКИ ШУЙСКИЕ

ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ СВЕТОЗАРОВ,
СВЯЩЕННИК ИОАНН РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
И МИРЯНИН ПЕТР ЯЗЫКОВ

Жизнь Православной Церкви и верующих в государстве, объявившем своей религией безбожие, существенно отличается от жизни в государстве, в котором представители власти исповедуют себя православными. Если условия жизни для Православной Церкви в императорской России были сходны с условиями в Византии, то в советской России они сравнимы разве с диким язычеством Римской империи. В монастырях, так же, как и раньше, независимо от перемен в государственной жизни, молились, в храмах служили, а в это время в удобопреклонных ко злу сердцах безбожных властителей выковывался коварный план уничтожения Церкви. Этот план не брал свое начало от условий действительности, и даже от соображения выгоды, а зачастую лишь от самого зла, из ненависти к Церкви. И где тут было обороняться и защищаться от вооруженной рати идущих на храмы безбожников. Удивительно,

* Публикуемое жизнеописание мучеников Шуйских взято из книги второй «Мученики, исповедники, подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия», подготовленной к изданию тверским издательством «Булат». Затруднения с публикацией второй книги жизнеописаний мучеников возникли в связи с финансовыми трудностями, следствием общего экономического положения в стране.

однако, что дело у безбожников не шло легко и надо было много потрудиться, чтобы непрестанно толкать людей ко все большему злу и разрушению, к ограблению храмов и монастырей. 2 января 1922 года советская власть издала декрет об изъятии музейного имущества, а по сути — о разграблении культурного наследия, собранного народами России за тысячу лет. Но и этого было большевикам недостаточно. Наступивший голод позволил им восстановить условия гражданской войны с ограблением храмов и убийствами священнослужителей. Большевики хотели бы уничтожить сразу всю Православную Церковь, но поскольку это значило бы уничтожение большей части населения тогдашней России, то на это они не пошли, опасаясь массовых возмущений крестьян. В 1922 году население областей, охваченных голодом, составляло двадцать три миллиона человек. Для большевиков это значило, что двадцать три миллиона врагов выведены голодом из борьбы и не в силах будут встать на защиту Церкви, когда вооруженные отряды по единому сигналу пойдут по всей стране грабить храмы и монастыри.

Задолго до того, как советские власти стали выказывать беспокойство по поводу надвигающегося голода, в августе 1921 года, Патриарх Тихон обратился с просьбой о помощи к Православным Патриархам, Римскому Папе, архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому, а также к православным людям России и всего мира. Это были одновременно и плач, и просьба, и вопль о помощи. Из глубины сердца глубоко сострадающего, щедрого и любвеобильного только и могла излиться подобная просьба. Тогда же по благословению Патриарха был основан Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. В храмах и среди верующих начались сборы средств; в годину величайшей скорби Православная Церковь уверенно и авторитетно становилась во главе движения помощи голодающим. Для советского правительства это было невыгодно, и оно потребовало роспуска Всероссийского Церковного Комитета и передачи всех собранных средств государству. Однако и полное устранение Церкви от помощи

голодающим тоже было невыгодным, и в декабре 1921 года советское правительство предложило Церкви снова начать сбор средств на помощь голодающим.* 19 февраля 1922 года Патриарх обратился к православной пастве с воззванием.**

* Коварнее и хитрее трудно было придумать. Зная, что вскоре выберут из храмов все сколько-нибудь ценное, большевики предложили верующим добровольно жертвовать личное, скопленное в семьях, фамильное, полагая, что после кощунственного разграбления храмов никто не даст им добровольно и ломаного гроша.

** «Леденящие душу ужасы мы переживаем при чтении известий о положении голодающих: «Голодные не едят уже более суррогатов, их давно уже нет». Падаль для голодного населения стала лакомством, по этому лакомства нельзя уже более достать. По дорогам и оврагам, в снегу находят десятки умерших голодных. Матери бросают своих детей на мороз. Стоны и вопли несутся со всех сторон. Доходит до людоедства. Убыль населения от 12 до 25%. Из тринадцати миллионов голодающего населения только два миллиона получают продовольственную помощь («Известия ВЦИК Советов», № 5, 22, с.г.).

Необходимо всем, кто только может, прийти на помощь страдающему от голода населению.

Получив только на днях утвержденное Центральной Комиссией помощи голодающим при ВЦИК Положение о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим, мы вторично обращаемся ко всем, кому близки и дороги заветы Христа, с горячею мольбою об облегчении положения голодающих.

Вы, православные христиане, откликнулись своими пожертвованиями на голодающих на первый наш призыв.

Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалейте для них ничего, доля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа. Учítывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслеты, ожерелья и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим.

Призывая на всех благословение Божие, молю православный русский народ, чад Церкви Христовой, откликнуться на этот наш призыв. «У кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3, 11). «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6, 36).

Большевики хотели от Патриарха подобного воззвания и деятельного участия Церкви в сборе денежных средств, но они никак не желали, чтобы Церковь встала во главе движения помощи голодающим и, как бывало в прошлом, призывала к жертвенности, милосердию и любви. 26 февраля власти издали декрет об изъятии «из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих... всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней», в том числе и всех освященных предметов. Декрет бесповоротно уничтожал добровольность пожертвований, а священство принудительно ставил в положение святотатцев. Желая разрешить недоумение паствы и принять весь гнев большевиков на себя, Патриарх Тихон выпустил послание: «...Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к такому пожертвованию, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (Апостольское правило 73, Двукратн. Вселенск. Собор. Правило 10)».

Советское правительство единодушно приняло декрет об изъятии церковных ценностей, но к самому изъятию не приступали, и, похоже, не знали, с чего начать. Открытой гражданской войны нигде не было, интервенции не намечалось, военный коммунизм временно был отменен и не видно было убедительного предлога для разграбления храмов, а для голодающих Церковь готова была жертвовать добровольно. И декрет затоптался на месте.

Движущей силой мероприятия стал Лев Троцкий, никто из соратников по Политбюро не уговаривал его

возглавить ограбление храмов, он сам этого страстно желал. Не дожидаясь окончательного оформления состава и плана действий комиссии по изъятию церковных ценностей, он в январе 1922 года разослал телеграммы по губерниям, объясняя местным властям, каковы подлинные задачи и цели изъятия. Как это часто бывает, местные власти довели мысль большевистского правительства до совершенной обнаженности, и 24 января председатель Татарского Чека Денисов прислал из Казани свои предложения, которые члены Бюро Областного Комитета партии уже приняли к исполнению:

«Принимая во внимание чрезвычайную государственную важность и значение сосредоточения в руках государства золотой и серебряной валюты и изделий из золота и серебра... Вполне возможными и приемлемыми в этом отношении... конкретные меры:

Использование агитации духовенства: имея конкретную возможность... завлечь на свою сторону двоих или троих видных представителей духовенства в Казани, через них пустить среди остальной массы духовенства чисто христианскую мысль... призывать граждан к помощи голодающему и умирающему населению... в годину бедствия и нашествия голода на «православный народ» (аналогия с Мининым и Пожарским): здесь представляется возможность слегка сыграть на религиозных чувствах верующих...

Путем агентурной разработки точно выяснить местонахождение наиболее ценного церковного имущества и повести работу по подготовке к успешному экспропрированию этого имущества путем разного рода налетов и нападений на церкви и нападений на хранилища церковного имущества и пр...»

Цинизм формулировок проекта и нескрываемый вызов, брошенный России, могли повести к возмущениям. Заместитель заведующего Агитационно-Пропагандистского Отдела ЦК Яковлев писал Молотову:

«Проект... политически безграмотен и бестактен... Идея о проведении аналогии с Мининым и Пожарским недопустима. Идея... о проведении кампании ... автори-

тетом представителей духовенства может привести прежде всего к вредному усилению влияния того же духовенства... Неизбежно поведет к огромному раздражению верующих... Представляет собой легализацию грабежа, который не может быть признан методом действия Советской власти в настоящий момент».

К началу марта была создана секретная комиссия Троцкого. Он был ее инициатором и сверхсекретным главой (секретным был Сапронов). 11 марта Троцкий, требуя в деле изъятия церковных ценностей единовластия, писал членам Политбюро:* «Работа по изъятию ценностей из московских церквей чрезвычайно запуталась ввиду того, что наряду с созданными ранее комиссиями, Президиум ВЦИК создал свои комиссии из представителей Губисполкомов и Губфинотделов. Вчера на заседании моей комиссии в составе т.т. Троцкого, Базилевича, Галкина, Лебедева, Уншлихта, Самойловой-Землячки, Красикова, Краснощекова и Сапронова мы пришли единогласно к выводу о необходимости образования в Москве секретной ударной комиссии в составе: председатель — т. Сапронов, члены Уншлихт (заместитель — Медведь), Самойлова-Землячка и Галкин. Эта комиссия должна в секретном порядке подготовить одновременно политическую организацию и техническую сторону дела. Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок. Нужно только, чтобы и Президиум ВЦИК, и Президиум Московского Совета, и ЦК Помгол признали эту комиссию как единственную в этом деле и всячески ей помогали. Повторяю, комиссия эта совершенно секретная. Формально изъятие в Москве будет идти непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы.

Прошу скорейшего утверждения этого постановления, как обязательного для всех, во избежание какой бы то ни было дальнейшей путаницы».

Растолковывая свою позицию по отношению к Церкви и духовенству, Троцкий писал:

* Ленину, Молотову, Каменеву и Сталину.

«Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятии ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер, и той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет. Посему полагаю, что блок с этой частью попов можно временно довести до введения их в Помгол, тем более, что нужно устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчет того, что будто бы изъятые из церкви ценности расходуются не на нужды голодающих».

13 марта Политбюро утвердило московскую комиссию Троцкого, и «о временном допущении «советской» части духовенства в органы Помгола в связи с изъятием ценностей из церквей». Но и после всех объяснений Троцкого и создания секретной комиссии дело двигалось вяло. Многие из местных и центральных большевиков не знали, как практически к нему приступить. Прийти во время службы и начать громить храм, срывая иконы? Забирать после службы? Никому не хотелось сталкиваться лицом к лицу с разъяренной толпой. И подготовка в прессе ощущалась недостаточной. А должно было быть подготовлено так, чтобы те, на кого собирались обрушить репрессии, заранее чувствовали себя виновными, и чтобы никто из окружающих не смел им помочь. На заседание Политбюро были приглашены представители комиссии Троцкого, комиссии Президиума ВЦИК и Помгола. В комиссию Помгола, как официально объявленную, шли телеграммы от местных комиссий, с вопросами, которые неясно было, как разрешать.* Между представителями разгорелся

* «Витебск: Местная комиссия просит разъяснить порядок разрешения конфликтов в связи с требованиями групп верующих об оставлении части ценностей».

Суджи: запрашивают о разрешении вместо церковных драгоценностей принимать хлеб от отдельных лиц.

Петроград: Достигнуто соглашение с духовенством, которое обязуется побудить верующих к добровольной сдаче церковных ценностей. (Продолжение сноски на следующей стр.)

спор, и Политбюро постановило: «Дело изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки, по крайней мере в некоторых местах. Политбюро поручает т. Сапронову запросить мнение т. Троцкого об организации комиссии, ее составе и дальнейшей работе».

На следующий день Троцкий представил членам Политбюро инструкцию по проведению изъятия церковных ценностей. Она и легла в основание всего плана изъятия.*

Вологда: Запрашивают о возможности замены церковных ценностей домашними вещами, предметами роскоши и обихода.

Владимир: Запрашивают о возможности замены церковных ценностей соответствующим количеством золота и серебра.

Ставрополь: Запрашивают разрешения часть изъятых предметов отчислить в местный фонд Губисполкома на заготовку продовольствия.

Пенза: Группа верующих ходатайствует об оставлении риз чудотворных и особо чтимых икон, взамен обязуется внести стоимость хлебом или другими серебряными изделиями».

* «В отношении изъятия ценностей сделано было, главным образом Президиумом ВЦИК, все для того, чтобы сорвать кампанию. Уполномоченный Президиума т. Лебедев ни разу не собрал комиссии за время моего отпуска. Декрет об изъятии был дан и опубликован совершенно независимо от хода подготовки и оказался холостым выстрелом, предупредившим попов о необходимости серьезной подготовки к отпору. Отсутствие какой бы то ни было работы центральной тройки (Лебедев, Красиков, Сосновский) привело к полному разлобу в провинции. Думаю, что дело можно поправить, если поставить его в центре внимания партии. Предлагаю следующие конкретные мероприятия:

1) В центре и губерниях создать конкретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должен непременно входить либо секретарь Губкома, либо заведующий агитационно-пропагандистским отделом.

2) Центральная комиссия могла бы состоять из члена секретариата ЦК или заведующего агит. проп. отделом ЦК из т. Сапронова, Уншлихта, Красикова, Вилюкурова и Базилевича. Комиссия имеет бюро, работающее ежедневно (представитель ЦК, Сапронов, Уншлихт). Раз в неделю комиссия собирается при моем участии.

3) В губерн. городах в состав комиссии привлекается комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела.

4) Наряду с этими секретными подготовительными комиссиями имеются официальные комиссии или столы при комитетах помощи

голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации.

5) В каждой губернии назначить неофициальную неделю агитации и предварительной организации по изъятию ценностей (разумеется, не объявляя о такой неделе). Для этого подобрать лучших агитаторов и в частности военных. Агитации придать характер, чуждый всякой борьбе с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим.

6) Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия.

7) Разумеется, наша агитация и агитация лояльных священников ни в каком случае не должны сливаться, но в нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скандального отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви».

8) На все время кампании, особенно в течение недели, необходимо обеспечить полное осведомление обо всем, что происходит в разных группах духовенства, верующих и пр.

9) В случае обнаружения в качестве организаторов выступления буржуазных купеческих элементов, бывших чиновников и пр., арестовывать их заправил. В случае надобности, особенно если бы черносотенная агитация зашла слишком далеко, организовать манифестации с участием гарнизона при оружии с плакатами: «церковные ценности для спасения жизни голодающих» и пр.

10) Видных попов, по возможности, не трогать до конца кампании, но негласно, неофициально (под расписку через Губполитотделы) предупреждать их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми.

11) Наряду с агитационной работой должна идти организационная: подготовить соответственный аппарат для самого учета и изъятия с таким расчетом, чтобы эта работа была проведена в кратчайший срок. Изъятие лучше всего начинать с какой-либо церкви, во главе которой стоит лояльный поп. Если такой нет, начинать с наиболее значительного храма, тщательно подготовив все детали. (Коммунисты должны быть на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше всего ЧОН, должна быть поблизости и пр.).

12) Везде, где возможно, выпускать в церквях, на собраниях, в казармах представителей голодающих с требованием скорейшего изъятия ценностей.

13) К учету изъятых церковных ценностей при Помголах допустить в губерниях и в центре представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, *(продолжение сюэски на следующей стр.)*

В Политбюро отовсюду поступали сведения от ГПУ о ходе изъятия церковных ценностей из храмов.

Читал эти телеграммы и Ленин, отмечая, что изъятие проходит повсюду более или менее гладко. Только из Иваново-Вознесенска сообщали что-то невразумительно. Наконец, 18 марта пришла оттуда подробная телеграмма. Оказалось,* «в Шуе 15 марта в связи с изъятием церковных ценностей под влиянием попов монархистов и с.р. возбужденной толпой было произведено нападение на милицию и взвод красноармейцев. Часть красноармейцев была разоружена демонстрацией. Из пулеметов и винтовок частями ЧОН и красноармейцами 146 полка толпа была разогнана, в результате 5 убитых и 15 раненых... убит... красноармеец. В одиннадцать с половиной часов 15 марта... встали две фабрики. К вечеру в городе установлен порядок...»

Для Ленина это была счастливая находка. Не откладывая, на следующий же день он сел писать свое знаменитое письмо: «Мы должны... дать самое решительное и беспощадное сражение... духовенству... с такой

чтобы ни одна крупница церковного достояния не получила другого назначения кроме помощи голодающим.

14) В случае предложения со стороны групп верующих выкупа за ценности, заявить, что вопрос должен быть рассмотрен в каждом отдельном случае в ЦК Помгола, ни в каком случае не приостанавливая при этом работы по изъятию...

15) В Москве работа должна идти уже установленным порядком с тем, чтобы к изъятию приступить не позже 31 марта.

16) Полагая, что для Петрограда можно было бы установить тот же приблизительно срок по соглашению с т. Зиновьевым, ни в каком случае не форсируя слишком кампанию и не прибегая к применению силы, пока политически и организационно вся операция не обеспечена целиком.

17) Что касается губерний, то Губкомы должны на основании этой инструкции, сообразуясь со сроком, назначенным в Москве, и под контролем Центральной комиссии назначить свой собственный срок, с одной стороны обеспечить тщательную подготовку, а с другой стороны, не затягивая дело ни на один лишний день, и с таким расчетом, чтобы важнейшие губернии понесли в первую очередь».

* Большинство фактов, изложенных в телеграмме, не соответствуют действительности, например, число убитых, остановка фабрик, убийство красноармейца, участие «попов монархистов и социал-революционеров», разоружение красноармейцев.

жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение... десятилетий... Официально выступать... Калинин... ни в коем случае... Троцкий... В Шую послать... дать ему словесную инструкцию... Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы... арестовал как можно больше... Лично сделать доклад... На основании этого доклада Политбюро даст... директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс закончился... расстрелом очень большого числа самых влиятельных... г. Шуи... Москвы и нескольких других духовных центров... Чем больше... духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше... Для наблюдения за быстрейшим проведением... назначить... специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии...»

На ленинском письме Молотов начертал резолюцию, несколько ограничивая доходящие до чудачества запросы вождя: «Согласен, однако, предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности...»

В этот же день Молотов послал всем Губкомам телеграмму,* а в Иваново-Вознесенск — особую.**

На следующий день на заседании Политбюро приняли с небольшими поправками проект Троцкого. Неумолимо и деятельно Троцкому недостаточно было всех должностей, постов и председательств во всех самых секретных комиссиях, он был еще и председателем комиссии по реализации ценностей. Он диктовал и направлял не только самое изъятие музейного и церковного имущества, но являлся создателем монопольного синдиката по продаже ценностей за границей. Троцкий

* «19.03.22 г. Ввиду имевших место осложнений на почве изъятий церковных ценностей, Цека предлагает впредь до особых сообщений от Цека приостановить проведение изъятий церковных ценностей... Дополнительные директивы Цека даст двадцатого марта. Эта телеграмма не отменяет того, что установлено Вами совместно с Троцким».

** «19.03.22 г. Секретарю Иваново-Вознесенского Губкома РКП Ввиду событий в Шуе, прошу своевременно сообщать дальнейшие сведения о политическом положении в губернии и принимаемых мерах. Для выяснения в Шую 19 марта выедет комиссия ВЦИК».

и Ленин спешили как можно быстрее ограбить храмы. В дополнение к заседанию комиссии по реализации ценностей 23 марта Троцкий торопил: «Для нас важнее получить в течение 22-23 гг. за известную массу ценностей 50 миллионов, чем надеяться в 23-24 гг. получить 75 миллионов. Наступление пролетарской революции в Европе, хотя бы в одной из больших стран, совершенно застопорит рынок ценностей: буржуазия начнет вывозить и продавать, рабочие станут конфисковывать и пр. и пр. Вывод: нужно спешить до последней ступени».

Но ни священники Шуй и Палеха, ни прихожане, ни даже уездная комиссия палехского бездельника и пьяницы Вицина ничего не знали об этих далеко идущих планах Ленина-Троцкого. Шуйская комиссия по учету и сосредоточению ценностей была создана 3 марта: председатель — А. Вицин, члены — уполномоченный политуправления И. Волков и заведующая уездным финотделом А. Коняева.

7 марта члены комиссии впервые пришли в шуйский Воскресенский собор. Они обратили внимание, что служители снимают с образа Шуйской Смоленской Богоматери будничную серебряную с позолотой ризу и одевают праздничную тканую, украшенную жемчугом. Спросили старосту Александра Парамонова:

— Зачем меняете?

— Мы всегда в это время снимаем оклады для чистки.

Комиссия, однако, заподозрила — меняют в надежде, что в храме с иконы драгоценной ризы не снимут.

11 марта настоятель собора протоиерей Павел Светозаров получил официальное извещение от комиссии, что она приступит к работе 13 марта в 11 часов утра и приглашает представителей прихода для участия в составлении описи церковных ценностей.

В воскресенье, 12 марта, сразу после литургии, когда весь народ был еще в храме, объявили, что в 7 часов вечера состоится собрание верующих для избрания в комиссию представителей от православных. Собрание проходило под надзором представителей советских

властей — начальника уездной милиции Башенкова, его помощника Владимира Ушакова и милицейского агента Капитона Филиппова. Собрание предложило избрать свою комиссию от прихода. Председателем выбрали Николая Николаевича Рябцева. Отец Павел сказал, что сам он отдать имеющие богослужебное значение церковные предметы не может, так как это святотатство и нарушение церковных канонов. Но при изъятии ценностей правительственной комиссией сопротивления оказывать не намерен. После ухода комиссии храм будет заново освящен, и тогда в нем возобновится богослужение.

Прихожане, особенно женщины, стали просить обменять церковное имущество на свои личные вещи.

— Ценности церковные, — ответил им Рябцев, — пойдут в Америку, а ваши платья и платки сочтут там за простые тряпки.

Один из прихожан, учитель Борисов, предложил ходатайствовать перед властями о выкупе церковных вещей.

Власти оставили ходатайство без внимания.

Подобные собрания прошли и в других храмах города. Собрание Троицкого кладбищенского храма (настоятель семидесятилетний протоиерей Иоанн Лавров) поначалу постановило представителей в комиссию по передаче церковной утвари от прихода не избирать и церковного имущества не отдавать, но когда дошло дело до изъятия, все было отдано без сопротивления. В других храмах, например, в шуйском Крестовоздвиженском, приходское собрание постановило отдать взамен церковных предметов добровольные пожертвования. Некоторые храмы, особенно сельские, были настолько бедны, что нечего с них было взять — ни церковных вещей, ни выкупа.

В понедельник 13 марта великопостная служба закончилась в 11 часов утра. Молящихся было немного, но к 12 часам народ стал прибывать, и, когда явилась комиссия, храм был полон.

Петр Иванович Языков шел на фабрику. Путь проходил неподалеку от Воскресенского собора; он увидел,

что у входа в собор собирается народ. Узнав, что придут представители советских властей и будут переписывать ценности, Петр Иванович вошел в храм; вскоре появилась комиссия. Прихожане потеснились, давая проход. Послышались выкрики:

— Зачем пришли?! Что вам надо, ведь Церковь отделена от государства!

Когда члены комиссии проходили мимо, Петр Иванович увидел, что Вицин, ее председатель, пьян.

— Смотрите, эти люди вошли в церковь пьяными, — сказал он близ стоящим, — это оскорбление верующих. К тому же они вооружены. С оружием входить в алтарь нельзя.

Комиссия, однако, прошла в алтарь, где ее уже ждали представители церковной комиссии и настоятель собора о. Павел Светозаров.

— Прошу очистить собор! — с раздражением потребовал Вицин от настоятеля.

— Я не имею права выгонять молящихся из храма, — ответил священник.

— Но ведь вам было известно, что мы придем, и вы были обязаны заранее очистить храм после богослужения.

— И однако молящихся мы удалить из храма не можем.

— Ну что же, — угрожающе проговорил Вицин, — если вы сейчас же не очистите храм, то мы возьмем вас и вашу комиссию как заложников!

«И возьмут», — подумал о. Павел. Ему уже приходилось сидеть в тюрьме заложником. И он вышел на солею и сказал:

— Правительственная комиссия просит вас удалиться, вы ей мешаете.

В храме заговорили сразу отовсюду:

— Мы не уйдем, пускай они сами уходят откуда пришли.

— Ваше поведение не принесет никакой пользы, — спокойно и с достоинством произнес настоятель.

Вслед за о. Павлом выступили члены церковной комиссии, один из которых, Медведев, просил:

— Разойдитесь, а иначе они и нас арестуют, и о. Павла.

Некоторым казалось, что с властями еще можно договориться, надо только разумно и твердо держаться. Думал так и Петр Языков.

— Если ты боишься, что тебя арестуют, — сказал он, — то сними с себя полномочия, найдутся другие, которые сумеют разговаривать с властями.

Переговоры затягивались, прихожане покидать храм не собирались, повода для ареста настоятеля и членов церковной комиссии не находилось, но и приступить к описи при народе боялись. Пригласив представителей церковной комиссии к начальнику уездной милиции, комиссия удалась, сказав, что придут 15 марта.

Отец Павел отслужил молебен и предложил прихожанам остаться молиться вместе с ним до начала вечернего богослужения. Молились до вечера; вечером после богослужения представители церковной комиссии пришли к начальнику уездной милиции. Здесь им объявили, что все они несут ответственность за то, что после обедни в храме остался народ, им было приказано впредь храм после богослужения запиравать, а ключ отдавать на хранение кому-нибудь из служащих церкви. О приходе правительственной комиссии заранее объявлять не будут и 15 марта, как ранее было назначено, не придут.

В тот же день вечером собралось экстренное заседание президиума уездного исполкома и постановили: «... восстановить чрезвычайные меры, связанные с военным положением, на котором губерния объявляется постановлением ВЦИК от 12 мая 1920 года, а потому:

1) Воспретить всякие публичные незаконные собрания как в городе, так и в уезде.

2) Лиц, способствующих и подстрекающих к беспорядкам... немедленно арестовывать и предавать суду Ревтрибунала.

3) Все настоящие дела должны рассматриваться без промедления.

4) Начальнику гарнизона и начальнику милиции... к лицам, нарушающим установленный порядок... при-

менять решительные меры вплоть до применения оружия».

Этим распоряжением определилось и все дальнейшее. Теперь можно было провоцировать народ на сопротивление — и подавлять силой оружия как контрреволюционный мятеж. Решили и дату изъятия ценностей не переносить, оставить прежней.

В среду 15 марта на соборной площади с утра стал собираться народ, в основном женщины. К 10 часам в управление милиции пришел Вицин и сказал, что комиссия идет изымать церковные ценности и милиции надо выехать, чтобы разогнать собравшуюся у собора толпу. Начальник милиции Башенков отрядил восемь конных милиционеров. Разгоняли нагайками, однако женщины не расходились; кто-то выламывал из плетня колья, чтобы обороняться, из толпы полетели в милицию поленья. Начальник милиции послал за подкреплением. Были присланы четырнадцать вооруженных красноармейцев, которые попытались разогнать толпу, но безуспешно. Люди требовали, чтобы милиция и красноармейцы ушли от собора. Милиционеры бросились избивать нагайками женщин, и если подворачивались — то и детей. Кто плакал, кто усердно молился, иные говорили: «Все равно умирать — умрем за Божию Матерь».

Начальник гарнизона распорядился о присылке красноармейцев 146-го полка в полной боевой готовности в количестве сорока человек под командованием Колоколова и Зайцева.

Пока красноармейцы шли к площади, встречные уговаривали их не разгонять народ, но солдаты, рассыпавшись цепью, двинулись на толпу.

Никто из клира или прихожан не посмел подняться на колокольню и зазвонить в колокола. Проникли на колокольню мальчишки. Матери подбадривали и помогали им. Гимназисты постарше зазвонили в большие колокола, дети одиннадцати-двенадцати лет — в маленькие, и вышел довольно громкий перезвон.

Вскоре подъехали автомобили с пулеметами, и началась стрельба. Стреляли сначала поверх голов — в собор, а потом и по толпе.

Первым был убит прихожанин храма Николай Малков. Проходя по площади, он остановился неподалеку от дома о. Павла Светозарова и крикнул: «Православные, стойте за веру!» — и был тут же убит выстрелом в висок.

К упавшему юноше подбежали дети, но были оттеснены милиционерами. Один из них сказал: «Если вы не уйдете, стрелять будем». Дети забежали во двор и тем спаслись от теснивших их лошадьми милиционеров.

Второй была убита девица Анастасия. Этим утром по пути на фабрику она остановилась у собора, поднялась вместе с другими на его ступени — и там была застрелена. Были убиты Авксентий Калашников и Сергей Мефодиев.

Только увидев падающих от выстрелов людей, народ потеснился и побежал.

В это время служба в храме подходила к концу.

Памятуя, что власти обещали не производить изъятия 15 марта, о. Павел вышел на амвон и сказал:

— Никакой комиссии сегодня не будет, вы можете спокойно разойтись по домам.

Выступили и члены церковной комиссии, уговаривая всех разойтись. Но после того, что произошло у стен храма, никто не верил, что изъятия не будет. В храме собралось больше трехсот молящихся. Как еще можно было избежать дальнейшего столкновения? Разве что уйти самому, в отсутствие настоятеля, может, не будут производить изъятия. И он пошел в свой дом на той же соборной площади в полсотне шагов от храма.

Протоиерей Павел Михайлович Светозаров родился в 1866 году в семье диакона, служившего в храме села Картмазово Малиновской волости Судогодского уезда Владимирской губернии. С детства хотел стать священником. Закончил Киевскую Духовную академию и поступил псаломщиком в храм села Картмазово. Имел намерение принять монашество, но настоятель шуйского собора уговорил жениться на его дочери и принять

настоятельство. Вскоре жена умерла, оставив о. Павла с маленькими детьми. До переворота 17-го года он преподавал Закон Божий в шуйской гимназии, когда преподавание было запрещено, перенес уроки в собор.

Талантливый проповедник, о. Павел привлек к себе сердца верующих. Новая власть это отметила и искала повод его арестовать. В первый раз он был краткосрочно арестован в 1919 году по обвинению в неподчинении распоряжениям Совнаркома. В 1921 году он был арестован и содержался несколько месяцев в тюрьме по приказу ЧК в связи с Кронштадтским восстанием, как политически неблагонадежный. Несколько раз он арестовывался за проповеди. Для наблюдения за священником власти поселили в его доме осведомительницу Швецову. Многожды она пыталась вступить с ним в такой разговор, чтобы найти против него обвинение, но безуспешно. В тот день, увидев, что о. Павел вошел в дом, она пронзительно закричала:

— Убивают!

Уж не случилось ли чего? Он поспешно вошел в ее комнату.

Квартирантка стояла у окна и, показывая на площадь, громко возмущалась православными. Все, что она говорила, было столь оскорбительно, что о. Павел не выдержал.

— Разве не вы виноваты в этом безобразии? — сказал он. — Вы сами принадлежите к партии, которая проповедует непрерывную борьбу и злобу, и эта борьба и злоба выливается теперь на ваши головы.

Стрельбой, нагайками, лошадьми толпу перед храмом разогнали. Трупы убитых положили на паперть, к ним никого не допускали. Отец Николай Широкогоров отслужил по просьбе прихожан молебны Смоленской Божией Матери, Николаю Чудотворцу и Иоанну Воину, а затем члены церковной комиссии попросили прихожан разойтись.

Трупы убитых были увезены, раненых доставили в больницу. Изъятия церковных ценностей в этот день не было.

В 3 часа ночи на экстренное заседание собрался президиум шуйского исполкома и бюро уездного комитета компартии и постановили: для ликвидации возникших беспорядков создать, наделив чрезвычайными полномочиями, революционную пятерку в составе — председателя уездного исполкома Осинкина, начальника гарнизона Тюленева, начальника уездной милиции Башенкова, секретаря уездного комитета компартии Эдельмана и некоего Жохова. Запросили президиум губисполкома, тот приказал пятерку ликвидировать, а вместо нее организовать следственную комиссию.

Со стороны верующих пострадало двадцать два человека, из них пятеро были убиты. Из красноармейцев ни один не был убит или тяжело ранен. На третий день похоронили убитых.

На заседании Политбюро 20 марта, при участии Каменева, Сталина, Молотова, Троцкого, Цюрупы и Рыкова, решили принять предложение Ленина-Троцкого и в тот же день послать в Шую комиссию для расследования в составе Смидовича, Муранова и Кутузова. 23 марта комиссия составила заключение о происшедшем, признав действия вицинской комиссии правильными и согласованными с распоряжениями центра, а действия местных властей против собравшейся у храма толпы «правильными, но недостаточно энергичными». Комиссия предложила «губерниям и уездным властям принять меры к тщательным расследованиям... самое дело передать для окончательного разбора и примерно-го наказания в Ревтрибунал».

Делом занялось Иваново-Вознесенское ГПУ. Из Москвы был отряжен в качестве следователя по особо важным делам Верхтриба ВЦИК Яковлев.*

17 марта о. Павла Светозарова вызвали для допроса в ГПУ и арестовали. Изъятие ценностей из Воскресенского собора происходило уже без него, 23 марта, когда было взято все, представлявшее какую-либо ценность.

* Одновременно он был членом Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей, представляя в ней ЦК партии большевиков.

Следствие в соответствии с инструкцией Ленина-Троцкого с самого начала пыталось доказать наличие заговора священнослужителей, ставивших целью сопротивление изъятию церковных ценностей и призыв рабочих к сопротивлению. Были придирчиво допрошены администрация и рабочие шуйской мануфактуры, и установлено с непреложностью, что заговора не было.

Распоряжением ВЦИК стали производиться массовые аресты. Обвинение в сопротивлении изъятию церковных ценностей было предъявлено четырем священникам: о. Павлу Светозарову, о. Иоанну Рождественскому, о. Иоанну Лаврову, о. Александру Смельчакову,* старосте Шуйского собора Александру Парамонову и двадцати мирянам. После окончания следствия к суду были привлечены девятнадцать человек.

Священник села Палех Иоанн Степанович Рождественский родился в 1872 году в селе Пармос Судогодского уезда Владимирской губернии. Детей у них с матушкой не было, и все силы и время он отдавал прихожанам и храму. Двадцать пять лет ревностно служил о. Иоанн в Крестовоздвиженском храме, и прихожане любили его.

В воскресенье 19 марта о. Иоанн огласил послание Патриарха Тихона — по прямой обязанности и долгу. Отслужив после литургии молебны, священник сказал:

— Вы слышали послание Патриарха. Знаете о декрете центральной власти об изъятии церковных ценностей. Я призываю вас, своих прихожан, не препятствовать отбору в случае прихода правительственной комиссии. Сам я, как священник, по канонам, не могу отдать священные предметы. А присутствовать, когда их будут изымать другие, не хочу и не буду.

* Священники о. Иоанн Лавров и о. Александр Смельчаков были впоследствии освобождены, но только потому, что полностью признали за советской властью право изъятия церковных ценностей и заявили, что церковные каноны, оценивающие такие изъятия как святотатство, им неизвестны. Отец Александр Смельчаков еще добавил, что он из бедной семьи и выбрал священство, чтобы освободиться от тисков материальной нужды.

Услышав воззвание Патриарха Тихона, некий Колесов потребовал, чтобы все вещи были изъяты немедленно.

— Но в церкви есть исторические и археологические предметы, — мягко возразил священник.

— Исторические предметы останутся в церкви, а подлежат выдаче только материальные ценности.

Присутствовавший тут преподаватель художественной школы Вениамин Васильевич Рыжков подтвердил, что Колесов прав.

Отец Иоанн предложил Рыжкову как члену Археологического института произвести научную экспертизу ценностей церкви.

По прошествии воскресенья, в шуйское ГПУ поступило донесение, что священник Иоанн Рождественский «в виде проповеди огласил воззвание Патриарха Тихона». 24 марта у о. Иоанна был произведен обыск и изъято послание Патриарха; на другой день он был арестован и обвинен в чтении послания.

Вызывались для допроса свидетели: прихожане, иконописцы, бывшие в тот день на службе, — все говорили, что о. Иоанн увещевал не препятствовать изъятию ценностей. 2 апреля 1922 года прихожане Крестовоздвиженского храма написали прошение властям об освобождении о. Иоанна, так как его арест — недоразумение, «политических тем священник Рождественский не касался за всю свою двадцатипятилетнюю деятельность» и последний раз призывал к спокойствию.

Следствие усиленно добивалось у арестованного священника, откуда он получил послание; о. Иоанн отвечал, что получил по почте, но откуда оно было или какой штамп был на конверте, и где сам конверт — не помнит.

Следствие шло три недели, 11 апреля 1922 года всем арестованным вручили обвинительное заключение.

17 апреля прихожане Крестовоздвиженской церкви села Палех послали в Верховный Ревтрибунал прошение:

«...Свидетельствуем своими подписями о том, что священник нашего храма о. Иоанн Рождественский

19 марта сего года по прочтении Патриаршего воззвания не возбуждал прихожан противиться распоряжениям Советской власти по отбору церковных ценностей, напротив, убеждал спокойно отнестись к распространенному Правительством постановлению, в то же время разъясняя прихожанам, что духовенством села Палех предприняты все возможные меры к сохранению тех церковных предметов, которые имеют особенное археологическое значение».

18 апреля прихожане Палеха собрали сельский сход с согласия и в присутствии советских властей; составили и послали в Верховный Ревтрибунал прошение, которое мы приводим здесь полностью:

«Принимая во внимание то, что о. Иоанн Рождественский много поработал как общественный прогрессивный деятель на пользу родного прихода и всего Палехского района и снискал себе всеобщее уважение, мы, собравшиеся, не можем остаться безучастными при обвинении его в агитации в проповеди против Рабоче-Крестьянской власти. Чтобы не быть голословными в утверждении за о. Иоанном репутации прогрессивного общественного деятеля, считаем нужным довести до сведения Ревтрибунала хотя бы то, что благодаря трудам и энергии о. Иоанна, в селе Палех в разное время были открыты следующие общественно-полезные учреждения, как то: 1) Палехское Общество потребителей, 2) Палехская библиотека-читальня, существующая и в настоящее время и 3) Палехское кредитное товарищество. Отец Иоанн много содействовал распространению просвещения среди крестьянства. Палехская школа II ступени, рассадник знания нескольких волостей уезда, обязана своим открытием больше всех — все ему же, о. Иоанну.

Таковы его только главнейшие заслуги перед государством и местным крестьянским населением».

Судебному процессу придавалось большое пропагандистское значение. К тому времени обвиняемые были доставлены из Шуи в Иваново-Вознесенск. Суд по первоначальному плану должен был проходить в здании бывшей женской гимназии, но по малости мес-

та слушание дела было перенесено в местный театр. Судебное заседание было назначено на 21 апреля. Судила Выездная Сессия Верховного Трибунала ВЦИК. Председатель — зампредверхтриба Галкин,* члены — Немцов и председатель Иваново-Вознесенского Губревтрибунала Павлов, обвинитель — Смирнов.

Слушание дела началось в 5 часов вечера. Судебные заседания проходили с 21 по 25 апреля. Отец Павел виновным себя не признал. Он не препятствовал изъятию; для содействия правительственной комиссии и была избрана комиссия верующих.

Суд настойчиво пытался узнать — получал ли о. Павел инструкции от своего епархиального начальства и считает ли для себя обязательными распоряжения Патриарха.

— Никаких инструкций от своего непосредственного начальства я не получал. Послания главы Церкви Патриарха Тихона считаю обязательными для исполнения. Мне было ясно, что ценности отдавать нужно, но я не мог их передавать своими руками. Могут брать, мы препятствовать не будем, но отдавать их своими руками мы не должны.

Столь же независимо и твердо держался священник Иоанн Рождественский. Виновным себя он не признал, подтвердив лишь то, что действительно читал послание Патриарха Тихона и сказал свое умиряющее слово.

Петр Иванович Языков** виновным себя не признал, подтвердив показания, данные на следствии.

— Вы говорили, что правительственная комиссия пьяна? — спросил Галкин.

— Когда мимо меня проходил Вицин, то на меня пахло перегаром.

* Он одновременно был членом Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей, созданной по предложению Троцкого.

** Петр Иванович Языков родился в 1881 году в городе Шуе Владимирской губернии. Воспитывался в благочестивой семье, с детства ходил в церковь и пел на клиросе. В юности обучился профессии литейщика и работал на шуйской фабрике объединенной мануфактуры сначала рабочим, а затем заведующим литейной мастерской.

— Вы говорили об этом?

— Если я и говорил, то только делился своими впечатлениями с рядом стоящими.

— Вы верующий? — спросил в свою очередь Смирнов.

— Я — верующий.

— Как вы относитесь к изъятию?

— Изъятию подлежат только излишки.

После окончания судебного следствия председатель Галкин стал настойчиво предлагать обвиняемым средство к освобождению — самооговор и сотрудничество с судом:

— Я думаю, что в последнем слове некоторые подсудимые,* — сказал он, — выскажут свое раскаяние перед властью в своих преступных деяниях. Это может дополнить судебное следствие и осветить полнее происшедшие факты.** Вот Рождественский может сказать, откуда он получил письмо с посланием Тихона.

— Я не знаю, откуда получил письмо, — ответил священник.

Обвинитель Смирнов потребовал расстрела для четырех обвиняемых. Галкин еще раз предложил:

— Признание и искреннее раскаяние — это лучшая защита. Суд это, безусловно, будет учитывать.

— Стоя перед казнью, — сказал о. Павел, — я лгать не могу. И повторяю, что участия в сопротивлении изъятию не принимал. Если в чем и виноват, то разве в неопределенности своей позиции. Мое положение было между властями и Церковью. Власти требовали свое, а от Церкви не было вполне определенных разъяснений, как поступить, но никакой кровожадности, на

* Те, которые будут приговорены к смерти.

** А также послужить хорошим обвинительным материалом для других готовящихся процессов. Им очень хотелось наглядно доказать связь между посланием Патриарха Тихона и шуйскими событиями, исполнить директиву ленинского письма, где Православная Церковь представлена заговорщицкой организацией. Ради таких доказательств можно было отпустить этих обвиняемых, чтобы преследовать и арестовывать других. Священник от тюрьмы все равно не уйдет, а пропагандистские цели противцерковной кампании будут достигнуты.

которую тут указывал обвинитель, у меня не было. Прошу не применять ко мне высшей меры наказания — не ради себя, я к смерти готов, а ради детей, так как моя казнь поразит главным образом детей, у которых не будет отца, как нет и матери.

В последнем слове о. Иоанн Рождественский виновным себя не признал. Повторил, что не знает, откуда получил послание Патриарха Тихона. К сопротивлению властям при изъятии ценностей не призывал.

25 апреля в 18 часов 15 минут был оглашен приговор:

«...а) гражданина Коровина Сергея Ивановича, священников Лаврова Ивана Степановича и Смелычакова Александра Феодоритовича заключить в тюрьму сроком на два года, но ввиду их раскаяния и преклонного возраста наказание это считать условным;

б) гражданина Парамонова Александра Михайловича заключить в тюрьму сроком на один год;*

в) граждан Шаронова Ефима Федоровича и Гуреева Ивана Илларионовича заключить в тюрьму сроком на два года каждого;

г) граждан Медведева Михаила Владимировича, Горшкова Александра Аггеевича, Бугрова Константина Михайловича и Афанасьева Василия Корниловича заключить в тюрьму сроком на три года каждого;

д) граждан Борисова Харитона Игнатьевича, Крюкова Ивана Васильевича и Ольгу Столбунову заключить в тюрьму сроком на пять лет каждого;

е) граждан Языкова Петра Ивановича, Похлебкина Василия Осиповича, священников Рождественского Ивана Степановича и Светозарова Павла Михайловича приговорить к высшей мере наказания — расстрелу, но, принимая во внимание чистосердечное раскаяние Похлебкина и его малосознательность, заменить ему, Похлебкину, расстрел пятилетним тюремным заключением».

Было возбуждено ходатайство перед ВЦИК о помиловании осужденных к расстрелу.

* Он обвинялся в том, что не остановил детей, когда те звонили на колокольне.

26 апреля обеспокоенные прихожане Палеха послали в Верховный Трибунал телеграмму с просьбой не приводить приговор в исполнение до решения ВЦИК. В тот же день ВЦИК затребовал к себе копию приговора и заключение следователя.

На состоявшемся 5 мая 1922 года заседании Президиум ВЦИК оставил приговоры к расстрелу в силе. 10 мая председатель Иваново-Вознесенского трибунала Павлов отправил срочную телеграмму председателю Верховного Трибунала Крыленко:

«Приговор над Светозаровым, Языковым, Рождественским приведен в исполнение 10 мая 1922 года в 2 часа утра».

Рассказывают, что перед расстрелом священники совершили отпевание по себе и миряnine Петре и держались мужественно. Последняя молитва о Павла была об остающихся сиротах. И Бог услышал молитву священника. Вся жизнь дети прожили под благодатным Божиим покровом. Все невзгоды и несчастья тех лет прошли мимо них. То, что должно было поломать их судьбы как детей расстрелянного священника, совершенно не повлияло на благополучие их внешней жизни. Младшая дочь о. Павла Светозарова Антонина скончалась в конце восьмидесятых годов в преклонном возрасте в родительском доме, с благодарной памятью об отце-мученике. И из окна дома так же, как шестьдесят пять лет назад, открывался вид на величественный стройный собор, где отец всю жизнь прослужил священником и откуда в Великий пост 1922 года начался его крестный путь на Голгофу.

ПУЗИН Н.П.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО, АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ

(По неопубликованным письмам и воспоминаниям)

За последние годы в печати появился ряд книг и статей, посвященных жизни и деятельности выдающегося профессора-хирурга Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, известного богослова-архиепископа Луки.¹

Данная публикация ставит целью внести некоторые дополнения к этим работам.

Мое знакомство с В.Ф. Войно-Ясенецким произошло в конце октября или начале ноября 1941 г. На одной из улиц Красноярска я увидел перед собою довольно высокого человека, с суровым выражением лица, седой бородой, в очках. Одет он был в телогрейку, ватные стеганые брюки и мохнатую серую шапку. Обращаясь ко мне, он спросил, не знаю ли я, как пройти к зданию школы, где размещается эвакогоспиталь 1515. Этот госпиталь находился неподалеку от того госпиталя, в котором служил я, будучи призван в Красную Армию и направлен в эвакогоспиталь 3355 из Харькова. До войны я жил в этом городе и работал в Харьковской картинной галерее.

Мы пошли вместе и по дороге разговорились. Я узнал, что он недавно возвратился из Большой Мурты, где был в ссылке, и что по прибытии раненых с фронта он будет работать в качестве хирурга в эвакогоспитале 1515, куда получил назначение.

Он мне рассказал, что с гимназических лет, когда он учился еще в Киеве, посещал художественные классы, мечтал поступить в Петербургскую Академию Художеств. Вспомнили мы и о многих украинских художниках, творчество которых он хорошо знал. (С.В. Васильковский, А.А. Мурашко, Н.С. Самокиш и др.).

¹ Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. УМСА-Press, Paris, 1979. См. также журн. «Октябрь», 1990, №№ 2-4.

Никитин В. Несгибаемый страстотерпец. Журн. «Слово», 1990, 5, с. 45-48.

В.Ф. Войно-Ясенецкий сказал мне, что сейчас он живет в небольшой снятой им комнате на улице Сурикова, и пригласил меня в свободные часы приходить к нему. Я воспользовался этим любезным приглашением и несколько раз бывал у него. Затем, с поступлением раненых, весь обслуживающий персонал и врачи эвакогоспиталей были переведены на казарменное положение и мы оба жили в общажности.

Одно время мы с Валентином Феликсовичем жили даже в одной комнате. Наши беседы обычно касались главным образом литературы, искусства и религии. Со слов В.Ф. Войно-Ясенецкого стало известно, что он много рисовал, и он даже показывал два-три наброска, сделанные им недавно для задуманной книги. Очень часто наши беседы касались личности и взглядов Л.Н. Толстого. Я хорошо помню, как восторженно он говорил о таких художественных произведениях, как «Смерть Ивана Ильича», «Алеша-горшок», «Холстомер». Но особенно он ценил «Войну и мир». Что же касается религиозных сочинений Толстого, то эта тема почти не затрагивалась нами, хотя в молодости идеи «толстовства» оказали, по словам владыки, большое влияние на него. Из беседы с ним я узнал, что однажды он даже написал Толстому письмо в Ясную Поляну и получил на него ответ, который долго хранился у него, но, к сожалению, пропал во время одного из обысков.

В конце войны, уже работая в музее-усадьбе Ясная Поляна, я стал разыскивать письмо Толстого к Войно-Ясенеckому. Оно пока не найдено и не учтено в юбилейном издании, но я нашел в рукописном отделе Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве письмо В.Ф. Войно-Ясенецкого к Л.Н. Толстому от 30 октября 1897 года, из Киева. На конверте рукой Толстого сделаны две пометы: «БО» — красным карандашом, и «Отв.» [печатать] — черными чернилами.

Письмо В.Ф. Войно-Ясенецкого, текст которого *впервые публикуется*, думается, представляет большой интерес.

«Дорогой Лев Николаевич!

Помогите: мне приходится испытать весь ужас слов Христа «враги человеку домашние его». Вот в чем дело: мне 21-й год; меня сильно тянет к живописи. Я ездил

в Петербург, чтоб поступить в Академию Художеств, поступил затем в Университет, ездил в эту осень в Мюнхен, чтобы учиться живописи, но нигде не мог учиться, потому что я очень глубоко поверил в то, что только в любви счастье и смысл жизни, и для меня стало невозможно отдавать годы на подготовку к жизни (учась у немцев ненужному), когда я знаю, что единственно нужное — это поставить себя в такое отношение к людям, чтоб мог я развивать в себе любовь, чтоб была пища живой душе; и как художнику мне невыносимы академии, где нет радостной работы и любимое дело тяготит; меня слишком тянет любоваться живыми людьми и учиться у них. И вот теперь я знаю, что в деревнях люди голодают и мне нужно ехать к ним, чтоб помочь, поучиться у них. Чтобы сделать это, я должен нанести удар моей матери, неделю назад сошла с ума моя сестра (однолетка); шесть месяцев она была тяжело больна, после чего, как в начале января этого года бросилась из окна третьего этажа. Когда я сказал матери о своем намерении ехать в деревню, она сказала, что это убьет ее. Мою уверенность в том, что я буду полезен в деревне, она считает детскими бреднями, она говорит, что ученье Христа можно было исполнять только в прежние времена, что будет гораздо лучше, если я останусь в Киеве, соберу денег и отправлю в «Комитет», что я мог бы быть полезен в деревне только тогда, если бы у меня был толстый карман, и не может понять того, что нищий человек может сделать еще больше доброго, чем богатый, и что для того, чтобы исполнить заветы Христа, не нужно никаких особых средств, подготовки, а только любовь к людям. Она говорит, что видит, что я иду по той же дороге, как сестра, что я читался Евангелия, и Ваших книг и, превратно понимая их, дойду тоже до сумасшествия. Убедить ее мне нельзя, т.к. все мои слова она слушает с горькой усмешкой, как бредни не знающего жизни мальчика, долженствующие погубить его.

Я и не претендую на знание жизни, а только хочу следовать голосу своей совести, не позволяющей мне готовиться к какой-то, считающейся хорошей жизни

в будущем, когда я могу так хорошо прожить эту же зиму ни к чему не готовясь.

Как видите, первый шаг по пути Христову для меня особенно тяжел; особенно еще потому, что мать и отец меня очень любят и ждут от меня многого. Убедите же, ради Бога, мою мать, что если она ждет от меня многого, то должна радоваться, что я еду в деревню. Убедите ее в том, что я принесу много пользы своей душе и немного пользы голодным, если проживу эту зиму в деревне; что мне не грозит там никаких опасностей (она и этого боится). Чтобы успокоить ее, я сказал, что, если Вы позволите, я поеду в Ваш уезд и буду жить под Вашим присмотром. Если Вы напишете ей, что это возможно, то мой отъезд не будет для нее тяжелым ударом. Ради Бога, напишите ей, что я не превратно понимаю учение Христа, что я ничего опасного не затеваю, и растолкуйте, что нельзя человеку затушать в себе голос совести, если он два года настойчиво требует одного и того же, что если человек не последует этому голосу, голосу Бога, то он умрет духовно.

Бесконечно Вам преданный В.Войно-Ясенецкий.

Адрес моей матери:

Киев, Александровская, 99
Контора «Надежда»

Марии Дмитриевне Ясенецкой-Войно.

Мой там же Валентину Феликсовичу Ясенецкому-Войно».²

А в 1913 году, уже будучи врачом, В.Ф. Войно-Ясенецкий писал А.М. Хирьякову³ о Л.Н. Толстом: «Лев Толстой был для меня в полном смысле слова духовным отцом. Его нравственную философию я воспринял как близкую мне истину, под его влиянием решил труднейший для меня выбор между живописью и медициной, определил свой жизненный путь и свое отношение ко всему окружающему. Величайшая художественная ценность произведений Толстого находится в теснейшей связи с их неисчерпаемой моральной глубиной».⁴

Когда я должен был уехать в конце мая 1942 года из Красноярска в Балахну на Волге, куда эвакуировался эвакуогос-

питаль, наши связи с владыкой Лукой сохранились. Об этом свидетельствуют его письма ко мне за 1942–1943 годы. Письма эти несомненно представляют интерес, так как в них идет речь о его практической деятельности в качестве хирурга в первые годы войны, а также о его работе над книгами «Очерки гнойной хирургии» (переработанное и расширенное автором второе издание) и монографии — «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». Как известно, в 1946 году эти труды архиепископа Луки были удостоены Сталинской премии I-ой степени. Почти всю премию лауреат пожертвовал на помощь сиротам войны.

К сожалению, не все эти письма сохранились. Приводим полностью текст сохранившихся его писем ко мне, впервые публикуемых:

«20 июня 1942 г.

Многоуважаемый Николай Павлович!

И я сожалею, что Вы уехали из Красноярска. С Митр. Сергием я начал очень интересную для Вас большую переписку по вопросам религиозно-философским, церковно-политическим и тактическим. Конечно, нет возможности сообщать Вам эту переписку. На 2 больших письма, посланных недавно, я еще не получил ответа.

У меня большое огорчение: из Новосибирска мне сообщили, что издать мою книгу не могут за недостатком бумаги. Однако, чрезвычайно вероятно, что ее напечатают в Красноярском краевом издательстве, хотя и небольшим тиражом. Работа моя по-прежнему велика и успешна. За мною исключительно ухаживают: командиры из больных вызывали директора обувной фабрики, заказали ему ботинки для меня по мерке, велели во что бы то ни стало достать резиновые сапоги для операций. Заказаны также 2 смены белья, 2 поло-

² Рукописный отдел ГМТ, Фонд Л.Н. Толстого, 141/67-Б.Л.

³ Хирьяков Александр Модестович (1863-?), литератор, автор книги: Жизнь Л.Н. Толстого. Изд. «Родной мир», СПб, 1911, и ряда статей о Толстом.

⁴ Рукописный отдел ГМТ, фонд АТМ, оп. 3, № 838.

тенца, носовые платки. Делают выговора сестрам, если увидят, что я сам несу тарелку. МЭП, реввоенсовет, представил меня к награде, повидимому к ордену. — Поистине стремительная эволюция от persona odiosa к persona grata! Слава Богу! Кормят меня так обильно, что я половину отдаю окружающим или знакомым. А бедный обновленческий архиерей в Мурте голодает до голодных отеков, живя только на 400 гр. хлеба. Завтра переберусь в новую квартиру (где была аптека). Там будут самые лучшие условия для размышлений на религиозные темы, которыми я теперь занят; полная изоляция, тишина, покой, одиночество.

Господь да благословит и сохранит Вас

Архиепископ Лука
30.VI.42 г.»

«1 июля 1942 г.

Николаю Павловичу

мир и благословение.

У меня большая радость. 2.V. я послал И.В. Сталину письмо о своей книге с приложением отзывов проф. Мануйлова и Приорова, превозносящих книгу до небес. Результат: письмо из Медгиза от 26.VI. с просьбой прислать рукопись для издания. И монографию о суставах, которую медлило издание здешнее краевое издательство, потребовали от него в Москву. К зиме выйдут и книга и монография.

Госпиталь наш сократили до 250 коек, и работа уменьшилась. Церкви в городе не хотят открывать, а из Ташкента пишут, что туда приехал обновленческий архиерей, и для него открывают много церквей. Если бы не умер М. Иоанн, то, конечно, несомненно, у нас давно была бы открыта Покровская церковь, как ему обещали. А в Николаевку осенью и весной ходить невозможно. Недавно я пошел после дождя, упал в грязь и вернулся.

Здоровье мое, слава Богу, хорошо.

М. Сергей болеет гипертрофией предстательной железы, осложненной циститом.

Недавно я получил благодарность и грамоту от военного совета СибВо.

Будьте здоровы и благополучны. Господь да хранит Вас.

Архиепископ Лука.
1.VII.42 г.»

«8 ноября 1942 г.

Николаю Павловичу мир и благословение.

Сердечно благодарю Вас за поздравление с днем Ангела и любовь ко мне.

Не могу часто писать Вам, т.к. работы очень много, и нередко устаю до упада. Кроме большой лечебной работы, читаю по понедельникам врачам всех госпиталей курс лекций по гнойной хирургии, а к ним надо готовиться. На торжествах по поводу XXV-летия Советской власти ярко проявилась любовь ко мне больных. Слава Богу!

Велика радость моя о излечении множества раненых, но еще более велика она о радикальном изменении судьбы Церкви. Слава Богу! Около двух месяцев живет у меня обновленческий митрополит, с которым, помнится, Вы встречались у меня. За 2 года до окончания ссылки его вызвали из Мурты, и он будет архиереем Красноярским. Пока обещают открыть маленькую церковь в Николаевке. Это, конечно, общая мера по всему Союзу. Слава Богу!

Молюсь о Вас и матери Вашей и прошу молитв Ваших.

Архиепископ Лука.
8.XI.1942 г.»

«25 декабря 1942 г.

Николаю Павловичу

о Господе радоваться.

Что делаете Вы в ГОРОНО? Считаетесь ли мобилизованным? Уже 4 недели я не работаю вследствие очень тяжелого переутомления, гл. образом мозгового.

3 недели пролежал в больнице Крайкома, теперь лежу у себя на квартире. Врачи говорят, что по выздоровлении я не должен работать больше 4-х часов и не делать больше двух операций. А до сих пор я работал до 8-9 часов и делал 4-5 операций.

Митр. Иоанну Миртову Господь не судил архиерейство в Красноярске: живя у меня, он заболел самой злокачественной чахоткой, продолжавшейся всего несколько недель, и 3.XII. умер в туб. диспансере. Я в это время лежал в больнице, 73-х-летний протоиерей Алексей Захаров не в силах был поднять хлопоты по погребению его, и только у себя на дому отпел. Похоронили больничным порядком, без гроба. Тяжело было это пережить. Хороший был человек.

Книгу «Правда о религии в России» я получил и прочел. Очень знаменательно ее появление. Продолжается моя большая переписка с М. Сергием.

Мой сын, живший в Колтушах, теперь в Москве, работает в НИИСИ Красной Армии. Слава Богу.

Крайком постановил издать мою книгу в Красноярске, т.к. проф. Приоров дал о ней отличный отзыв, назвал одной из самых замечательных книг по гнойной хирургии. Слава Богу!

Да поможет Вам Господь перенести тягости военного времени и да благословит Вас.

Архиепископ Лука.
25-XII.1942 г.»

«17 марта 1943 г.

Николаю Павловичу мир и благословение.

Вашу открытку от 3.II. я получил 22.II. Большого письма не получал, а только открытки. Очень долго не мог отвечать Вам по двум причинам: 1) я был крайне занят спешным окончанием своей монографии о поздних резекциях при огнестр. ранениях суставов. Вышло 4 печатных листа с 45 рисунками. Она уже печатается в Краевом издательстве тиражом 5000. Это очень ценный и важный мой труд. Большая книга будет печататься летом. 2) Я очень плохо чувствовал себя и иногда

лежал по целым дням вследствие тяжелого мозгового переутомления, длящегося уже почти 4 месяца. В декабре я 3 недели пролежал по этому поводу в больнице, а теперь невропатологи настаивают на полном двухнедельном отдыхе. Но это невозможно, т.к. у нас открылась церковь в Николаевке, а я назначен Архиепископом Красноярским. Требуют, чтобы я не ходил в церковь, если не буду работать в больнице. И работаю через силу. До крошечной кладбищенской церкви в Николаевке 1½ часа ходьбы с большим подъемом на гору, и я устаю до полного изнеможения, церковь так мала, что в ней нормально помещается 40-50 чел., а приходят 200-300, и в алтарь так же трудно пройти, как на Пасху. Служить мне в ней можно было бы только священническим чином, но и это пока невозможно, т.к. нет облачений. Повидимому получим их из театра. Нет диакона, певчих, даже псаломщика. Служит 73-х-летний протоиерей, а я проповедаю. Это для меня и для народа огромная радость.

Есть большая надежда, что весной откроют Покровскую церковь (на углу улиц Сталина и Сурикова).

Работу в госпитале, конечно, буду продолжать, и к этому нет препятствий.

Блаженнейший был опасно болен воспалением легкого, но Слава Богу, поправился. По болезни давно не писал мне.

Я давно уже писал Вам о смерти М. Иоанна Миртова от молниеносной чахотки. Господу было угодно не его, меня поставить на кафедру Красноярскую.

Как это Вы стали школьным инспектором? Ведь Вы военнообязанный.⁵

Желаю Вам успеха в работе, здоровья и душевного спасения.

А. Л. 17.III.43 г.»

⁵ В связи с тем, что эвакогоспиталь 3355 уехал из Балахны и произошло сокращение питатов, я остался в этом городе, встав на военный учет, работал школьным инспектором и преподавал в школе. Уехал из Балахны в январе 1944 г. в Ясную Поляну по правительственному вызову.

«20 апреля (1943)

Христос Воскресе, Николай Павлович!

Я очень удивлен тем, что Вы не получаете моих писем. На все Ваши письма я отвечал, кроме открытки, полученной 31, на которую не ответил, потому, что 17.III послал Вам большое письмо, в котором писал, в каких жалких условиях приходится мне начинать служение Архиепископа Красноярского.

Два раза я писал Вам о смерти Митр. Иоанна Миртова, а Вы, повидимому, и этого не знаете. Я занят до крайности и очень утомлен, и потому не могу пока написать Вам подробнее. Мой тяжелый невроз, Слава Богу, прошел, когда возобновилось мое церковное служение, но с января я очень сильно, часто до слез, кашляю от хронического ларинго-трахеита.

Да хранит и благословит Вас Господь.

А. Л. 20.IV. (1943)

Живу и работаю по-прежнему в госпитале».

«Николаю Павловичу мир и благословение.

Большая и неожиданная новость у меня. 2/III я получил телеграмму из Москвы. Всеславянский комитет просит написать статью для заграничной славянской печати о моей общественной деятельности во время Отечественной войны в качестве Красноярского Архиепископа и хирурга госпиталей Красной Армии. Вы, конечно, сумеете всесторонне оценить значение этого предложения и возможные большие последствия его. Уже через 2 дня я послал статью, которую, однако, мне некогда переписать для Вас.

Служу и проповедаю каждый праздник и каждое воскресенье. Работа в госпитале идет по-прежнему. Мои научные интересы переключались с суставов на хронические эмпиемы плевры. Мой невроз по временам рецидивирует, и 8.VIII. я даже не мог служить литургию из-за него.

Фурункулез, которым Вы страдаете, верно излечивается только аутовакциной.

Господь да поможет Вам и да благословит Вас.

Архиепископ Лука.

16.VIII.43 г.»

В конце 1943 года владыка Лука был сначала архиепископом Тамбовским, а затем Симферопольским и Крымским, продолжая активно работать в эвакуационных госпиталях и выступая с многочисленными научными докладами перед врачами. Иногда он наезжал в Москву и служил в разных храмах. Он очень любил проповедовать и считал проповедь самым важным делом в своем архиерейском служении. Мне пришлось несколько раз бывать у него в гостинице «Москва», где он останавливался, и присутствовать при совершаемых им богослужениях в разных храмах столицы.

По-прежнему архиепископ Лука сохранил свое огромное обаяние, и я счастлив, что мне было предназначено судьбой встречаться с этим удивительным человеком.

Летом 1957 года Валерия Дмитриевна Пришвина, вдова писателя, и Н.С. Родионов, один из редакторов юбилейного издания Л.Н. Толстого, побывали у архиепископа Луки, который был уже слепым, в Крыму. Они передали ему от меня слова глубокого уважения и сердечного приветия. Мои друзья возвратились из Алушты под большим впечатлением от общения с этим мудрым и великим человеком.

Через несколько лет (11 июня 1961 г.) владыка Лука скончался. Перестало биться сердце, горевшее пламенной и деятельной любовью к Богу и к людям.

Спасское-Лутовиново, 1990 г.

27/9 День Пантелеймона-целителя.

читайте в выпуске журнала

ВЕСТНИК РХД — № 169

полный текст последней работы

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

«Русский вопрос» к концу XX века

цена : 100 фр.

заказы направлять по адресу

LES EDITEURS REUNIS

11 rue de la Montagne-Ste-Genevieve

75005 Paris, Fr. — tel. 43.54.74.46

Александр ДВОРКИН

ЧТО ТАКОЕ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ? *

В основу лекции, во многом имеющей компилятивный характер, легла брошюра «The Russian Orthodox Church Outside of Russia (Synod)», подготовленная Православной Церковью в Америке, и ряд других документов, выпущенных ПЦА. Кроме того, я использовал следующие материалы: Протопресвитер Гр. Ломако, «Церковно-каноническое положение русского рассеяния»; Д.В. Поспеловский «Из истории русского церковного зарубежья» и «The Russian Church under the Soviet Regime». Позиция Карловацкой церкви была представлена на основании «Посланий Архиерейского собора Русской Православной Церкви за границей» (правописание подлинника), а также других официальных документов этой юрисдикции; ряда публикаций в официозных изданиях «Православная Русь» и «Православный Вестник», а также весьма односторонней и чрезвычайно необъективной радиопередачи о. Виктора Потапова по «Голосу Америки». (Она выходила в эфир 6 раз: с 11 по 17 августа 1990 года). Сама форма устного доклада не позволяла делать сноски и ссылки на цитируемые или парафразируемые тексты. За этот невольный грех я прошу прощения у авторов.

1) Что такое «Русская Православная Церковь за границей»?

«Русская Православная Церковь за границей», также известная под названиями: Русская Церковь в изгнании, Синодальная Церковь, Зарубежная Церковь, Карловацкая Церковь и Свободная Русская Церковь, это группировка епископов, клириков и мирян, не имеющая общения с полнотой Православия в силу своей антиканоничности. Хотя, несомненно, многие ее члены — благочестивые христиане, не несущие ответственности

* Лекция, прочитанная на Курсах православных катехизаторов 27 марта 1992 г.

за политику своего священноначалия, каноничность этой группы не признается ни одним православным патриархом, ни одной автокефальной церковью, и, следовательно, она является раскольнической. Сама Карловацкая Церковь в своих публикациях неоднократно обвиняет все православные Церкви в том, что они отпали от чистоты веры. Вот одно из довольно типичных таких утверждений: «Карловацкая Церковь не имеет общения ни с одной поместной Православной Церковью. Время сказать, — почему... Зарубежная Русская Церковь предпочла остаться в одиночестве только потому, что все прочие Церкви связали себя с экуменическим движением и еще с кое-чем похуже! Таким образом, ЗРЦ осталась в сущности единственной в мире хранительницей Святого Православия, традиций и заветов Святой Руси!»

Итак, по ее собственному признанию, Карловацкая Церковь является группировкой, отделенной от Вселенской Православной Церкви, не имеющей общения ни с одной из поместных Православных Церквей. Она сама, по собственному желанию, отторгла себя от полноты Православия.

2) Какова численность Карловацкой Церкви?

Всего во всем мире в ней насчитывается около 280 приходов, однако, многие из них существуют лишь на бумаге. Таковы приходы в Марокко, в Эфиопии, в ряде стран Ближнего Востока, в Персии. Реально можно говорить не более, чем о 140 приходах. Из них около 90 находятся в США. Для сравнения: в греческой архиепископии в Америке немногим менее 700 приходов, в Автокефальной Православной Церкви в Америке — почти 600 приходов.

Часто встречающееся в российской прессе название Карловацкой Церкви «Белая Церковь» по меньшей мере некорректно. Большая часть первой, так называемой «белой» эмиграции принадлежала Западноевропейскому экзархату Константинопольского патриархата, так называемой «Евлогианской» церкви, и другим находящимся с ней в общении юрисдикциям. Все эти

юрисдикции находятся в евхаристическом общении с Московской Патриархией. Основной контингент прихожан Карловацкой Церкви до сих пор составляет вторая, послевоенная, эмиграция и ее потомки.

Интересно отметить, что за все годы существования Карловацкой Церкви она не дала ни одного сколько-нибудь видного богослова (кроме самого основателя митрополита Антония Храповицкого), ни одной видной интеллектуальной фигуры. Можно назвать любое из имен, прославивших русскую эмиграцию, будь то такие иерархи, как епископ Кассиан (Безобразов), архиепископ Василий (Кривошеин), митрополит Антоний (Блум); священники, как Сергей Булгаков, Александр Ельчанинов, Георгий Флоровский, Александр Шмеман; богословы, как Владимир Лосский, Георгий Федотов, Антон Карташев; религиозные мыслители, как Николай Бердяев, Семен Франк, Николай Лосский, Николай Зернов; писатели или критики, как Борис Зайцев, Иван Шмелев, Константин Мочульский и так далее — это лишь несколько имен, взятых наугад — но можно назвать любое другое имя из этой славной плеяды и быть уверенным, что ни один из них не принадлежал Карловацкой Церкви и не поддерживал карловацкого раскола.

3) Каково происхождение Карловацкой Церкви?

Карловацкая церковь возникла на фоне трагических событий гражданской войны в России и массовой эмиграции после победы большевиков. Многие епархиальные архиереи отступили вместе с белыми армиями или бежали от зверств красных и, таким образом, оказались за границей. Конечно, никто из них не подозревал, что большевистский режим продержится сколько-нибудь длительное время, и они надеялись вскоре вернуться на родину. Но, тем не менее, оказавшись за рубежом, эти епископы, вольно или невольно, не разделили со своей паствой мученических венцов. Не могу в этой связи не привести слова одного молодого епископа, приходившего из известной аристократической семьи, блестяще образованного, владевшего несколькими

иностранными языками. Когда его отец умолял его бежать из Петрограда в Финляндию, епископ ответил: «Пастырь не бежит от своей паствы. Его долг оставаться с ней и принять все тяготы, выпадающие на ее долю, какими бы ужасными они ни казались». Епископа этого звали Алексей Симанский, впоследствии он стал патриархом всея Руси и подвергался особенно ожесточенным нападениям Зарубежной Церкви за то, что он «продался большевикам».

Сразу назову трех архиереев, ушедших в зарубежье вместе с остатками Белых армий и ставших впоследствии самыми видными деятелями эмигрантских церковных течений. Это митрополит Киевский Антоний (Храповицкий); архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) и митрополит Херсонский и Одесский Платон (Рождественский). Стоит вспомнить, что на выборах патриарха на Московском Поместном Соборе в 17-м году большинство голосов было подано за митрополита (тогда еще архиепископа) Антония, за свою богословскую и архипастырскую деятельность пользовавшегося большой известностью, славой и авторитетом во всем православном мире. Именно ввиду этих обстоятельств, его деятельность сыграла такую роковую роль в печальных событиях зарубежного церковного раскола.

Началось же все это так. В то время, когда в 19-ом году Добровольческая Армия под командованием генерала Деникина освободила из-под большевистской власти значительные территории на юге России, встал вопрос о необходимости создания церковного центра, возглавляющего, направляющего, согласующего и объединяющего действия и все акты церковной жизни — т.е. вопрос о необходимости создания некоего органа высшей церковной власти. Для этой цели в мае 1919 г. в Ставрополе был созван собор, в работе которого приняли участие все присутствовавшие на юге России делегаты Московского Собора 17-18 гг. Эта акция состоялась в согласии с постановлением Московского Собора от 5/18 сентября 18 года, согласно которому все его делегаты сохраняют свои полномочия до выборов на новый Собор и автоматически делаются полноправными

членами всех местных церковных собраний в местах своего проживания. Собор постановил до восстановления связи с патриархом Тихоном учредить «Временное Высшее Церковное Управление на юге России». По восстановлении связи с патриархом, деятельность управления должна была быть представлена на его утверждение. В работе Временного Церковного Управления принимали участие митрополит Платон и архиепископ Евлогий. Участие в нем митрополита Антония остается недоказанным.

Такое же Высшее Церковное Управление существовало и у Колчака в Сибири. По окончании гражданской войны оно прекратило свое существование, так как часть епископата и приходского духовенства эвакуировалась с остатками сибирских белых в Манчжурию и Китай, ставшие крупными центрами русской эмиграции.

К 20-му году положение изменилось. Деникин был разбит. Высшее Церковное Управление перебралось в Крым, а затем эвакуировалось оттуда с врангелевской армией. Границы Российской империи подверглись значительным изменениям. Громадные территории отошли к Польше. Обрели независимость прибалтийские государства. Бессарабия отошла к Румынии. На Дальнем Востоке была создана Дальне-Восточная Республика. Многие епархии Русской Церкви оказались за границами большевистской России.

Патриарх Тихон познакомился с деятельностью «Временного Высшего Церковного Управления на юге России» и, исходя из этого прецедента, 7/20 октября 20-го года издал постановление № 362, известное как постановление о временных автокефалиях. Все карловацкие претензии на каноничность опираются на это постановление. Оно неоднократно цитировалось обеими сторонами, и каждая из них находила в нем нужные для себя аргументы. Поэтому мне кажется необходимым привести постановление полностью.

По благословению Святейшего Патриарха, Священный Синод и Высший Церковный Совет имели суждение о необходимости, дополнительно к преподанным уже в циркулярном письме Святейшего Патриарха указаниям на случай

прекращения деятельности епархиальных советов преподать епархиальным архиереям такие же указания на случай разобщения епархий с высшим церковным управлением или прекращения деятельности последнего, и на основании бывших суждений постановили:

Циркулярным письмом от имени Его Святейшества преподать Епархиальным Архиереям для руководства в подобных случаях следующие указания:

1. В случае, если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, Епархиальный Архиерей, за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам восходящих к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху, или к тому лицу и учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для сего указано.

2. В случае, если Епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.д., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением, или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, Епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с Архиереями соседних Епархий на предмет организации высшей инстанции Церковной Власти для нескольких Епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли временного высшего правительства, или митрополичьего округа, или еще иначе).

3. Попечение об организации высшей церковной власти для целой группы оказавшихся в положении, указанном в п. 2, Епархий составляет непрременный долг старейшего в означенной группе по сану Архиерея.

4. В случае невозможности установить сношения с Архиереями соседних Епархий и впредь до организации высшей инстанции Церковной власти, Епархиальный Архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, представленной ему церковными канонами, принимая все меры к устройению местной жизни и, если окажется нужным, к организации епархиального управления применительно к создавшимся условиям: разрешая все дела, представленные канонами архиерейской власти, при содействии соответствующих органов епархиального управления (епархиального собрания, совета и проч.), или вновь организованных; в случае же невозможности составить вышеуказанные учреждения, самостоятельно и под своей ответственностью.

5. В случае, если положение вещей, указанное в пп. 2 и 4, примет характер длительный, или даже постоянный, в особенности при невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной в смысле утверждения церковного порядка мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий, для чего Епархиальный Архиерей:

а) предоставляет преосвященным своим викариям, пользующимся ныне, согласно наказу, правами полусамостоятельных, все права епархиальных архиереев, с организацией при них управления применительно к местным условиям и возможностям;

б) учреждать, по соборному суждению с прочими архиереями Епархии, по возможности во всех значительных городах своей Епархии, новые архиерейские кафедр, с правами самостоятельных или полусамостоятельных.

6. Разделенная указанным в п. 5 образом Епархия образует из себя во главе с архиереем главного епархиального города церковный округ, который и вступает в управление местными церковными делами согласно канонам.

7. Если в положении, указанном в пп. 2 и 4, окажется Епархия, лишенная архиерея, то Епархиальный Совет, или, при его отсутствии, клир и миряне обращаются к Епархиальному Архиерею ближайшей, или наиболее для них доступной по удобству сообщения Епархии, и означенный архиерей или командирует для управления вдовствующей Епархии своего викария, или сам вступает в управление ею, действуя в случаях, указанных в пп. 5 и 6, причем соответствующих данных вдовствующая Епархия может быть организована и в особый церковный округ.

8. Если по каким-либо причинам приглашение от вдовствующей Епархии не последует, то Епархиальный Архиерей, указанный в п. 7, и по собственному почину принимает на себя о ней и ее делах попечение.

9. В случае крайней дезорганизации церковной жизни, когда некоторые лица и приходы перестанут признавать власть Епархиального Архиерея, последний, находясь в положении, указанном в пп. 2 и 6, не слагает с себя иерархических полномочий, организует из лиц, оставшихся ему верными, приходы и из приходов — благочиния и епархии, предоставляя, где нужно, совершать богослужения, даже в частных домах и в других, приспособленных к тому помещенных и прервав церковное общение с непослушными.

10. Все принятые на местах, согласно настоящим указаниям, мероприятия, впоследствии, в случае восстановления центральной Церковной Власти, должны быть представлены на утверждение последней.

† Патриарх Тихон.

По внимательном прочтении этого документа совершенно очевидно, что в нем задним числом узаконивались самостоятельные церковные управления на территориях, находящихся под властью белых. Не может быть никаких сомнений в том, что в нем имеются в виду епархии русской Церкви и епархиальные архиереи, а не архиереи, оставившие «на волю Божию» данные им Господом и высшей церковной властью епархии. Напомню вам, что каноны Православной Церкви ограничивают деятельность епископа границами его епархии.

Согласно 13-му и 22-му канону Антиохийского Собора, 16-му канону 1-го Вселенского Собора и 14-му Апостольскому канону ни один архиерей не может назначать или рукополагать епископов, пресвитеров или дьяконов на канонической территории другого архиерея, без его на то согласия. Если же кто-либо посмеет это сделать, говорится в канонах, то рукоположения эти будут недействительными, а совершивший их подлежит соборному наказанию.

Значит, что по окончании гражданской войны, этим постановлением могли руководствоваться только те епархии русской Церкви, которые остались вне границ СССР. Я имею в виду американские и японские епархии, а также епархии на территориях прибалтийских государств, Польши и Финляндии.

4 епископа, входивших во Временное Высшее Церковное Управление на юге России, вместе с тысячами русских беженцев оказались в Константинополе, где находится кафедра Вселенского патриарха. Там эти епископы переименовали свое управление в Высшее Русское Церковное Управление за границей. Изначально они понимали, что не могут более действовать как независимый орган, и обратились за признанием ко Вселенскому патриарху. Хочу отметить, что сама инициатива русских архиереев показала, что они забыли

примеры сравнительно недавнего прошлого, когда единоверные греки в начале XIX столетия десятками тысяч спасались от турецких зверств в пределах южной России. Были при них и епископы, однако, никогда им не приходило в голову открывать у нас свои греческие епархии, ни Святейшему Синоду устраивать для них высшие Заграничные Греческие Церковные Управления. Православные беженцы поселялись в православной стране и этим самым входили в юрисдикцию Русской Церкви. Греческие же епископы начинали архиерействовать только по получении от Святейшего Синода епархий в управление.

К сожалению, русские архиереи не оказались на той же высоте церковного самосознания. Это понимал митрополит Антоний Храповицкий, который, впервые услышав об идее создания Высшего Церковного Управления, со свойственной ему прямоотой заявил: «Только последний дурак может мечтать об создании отдельного церковного управления в стольном городе Вселенского патриарха». Однако, вскоре он позволил себя переубедить и возглавил делегацию архиереев ко Вселенскому патриарху с просьбой о создании Управления. Как показала история, митрополит Антоний, несмотря на свои знаменитые резкость и грубость, к сожалению, обладал слабым характером и слишком часто позволял переубедить себя. И становятся ясными промыслительные пути Господни, который не попустил, чтобы получивший большинство голосов на Московском Поместном Соборе митрополит Антоний стал патриархом всея Руси.

Его участие в делегации русских архиереев сыграло решающую роль, так как разрешение на создание управления было дано только благодаря его громадному авторитету. «Ваше Преосвященство не может совершить ничего неканонического», — заявил ему митрополит Дорофей, местоблюститель патриаршего престола. И так, разрешение было дано специфически обратившимся ко Вселенскому патриарху митрополиту Антонию, митрополиту Платону, архиепископу Анастасию, архиепископу Феофану и епископу Вениамину учредить

временно церковную эпитропию, т.е. «попечительство» для «наблюдения и устройства церковной в общем порядке жизни русских приходов, находящихся в неправославных и православных областях», но, естественно, «под высочайшим омофором Вселенского патриарха». То есть сфера деятельности Высшего Церковного Управления была очень четко регламентирована и ограничена.

Однако, вскоре входившие в Управление архиереи начали нарушать те границы своей деятельности, которые были очерчены Вселенским патриархом, и он в 21-ом году официально распустил Управление.

Тем временем, в начале марта 21-го года пришло постановление патриарха Тихона и его Синода о назначении архиепископа Евлогия управляющим русскими приходами Западной Европы с возведением его в сан митрополита. Еще до войны 1914 года и до революции в Западной Европе было довольно большое количество православных русских церквей: посольские, придворные, надгробные, курортные церкви, храмы-памятники и т.д. Вот эти все приходы, находящиеся вне тогдашних канонических границ поместных православных церквей, и были собраны в одну митрополию под началом Евлогия. Таким образом, он становится единственным канонически полномочным среди всего русского епископата в Европе.

Годом раньше, Высшее Церковное Управление на юге России назначило митрополита Платона на Североамериканскую кафедру. Однако прибыть туда он смог лишь в 21-ом году. В том же году было получено устное подтверждение патриархом Тихоном этого назначения, а в 22-м и письменное. Таким образом, только у двух руководящих митрополитов русского зарубежья прерогативы власти были строго каноническими, исходили от Московской патриархии.

Православие впервые появилось на американском континенте в конце XVIII века, когда в 1794 году на Аляску прибыла группа миссионеров-монахов Валаамского монастыря. Среди них был св. Герман Аляскинский, впоследствии канонизированный Православной

Церковью в Америке и чрезвычайно почитаемый ею. Благодаря исключительно самоотверженной работе русских миссионеров, многие аляскинские эскимосы, алеуты и индейцы-тлинкиты обратились в Православие и остались верными ему до сих пор. Лишь по прибытии к концу XIX века нескольких волн эмигрантов из Австро-Венгрии, Ближнего Востока и Балкан, центр американского Православия был перемещен вначале в Сан-Франциско, а затем в Нью-Йорк. На рубеже двух веков более сотни тысяч карпаторосских униатов перешли в Православие, создав таким образом самый количественно большой контингент православных на территории Соединенных Штатов. Итак, отличительной чертой американского православия всегда была его многонациональность. До прибытия в Америку массовой русской эмиграции после II Мировой войны среди православных американцев число этнических русских было весьма незначительным. Это своеобразие американского Православия было отмечено архиепископом (впоследствии патриархом) Тихоном, который в течение 9 лет (1898-1907) нес свое служение в Америке, будучи экзархом Русской Православной Церкви. При нем был осуществлен перевод основных православных богослужений и треб на английский, он советовал предоставить американской митрополии широкую автономию, а в дальнейшем и автокефалию. Но, пока, к началу I Мировой войны, Американская Церковь была еще во многом церковью эмигрантов, самостоятельно не могла финансово существовать и получала щедрые дотации из России. После революции дотации, естественно, прекратились. Церковь оказалась на грани финансового банкротства. В этой сложной ситуации архиепископ Александр Немоловский, возглавлявший тогда североамериканские епархии, допустил ряд тактических просчетов, после которых началось «расползание» церкви по национальным юрисдикциям. От этого юрисдикционного дробления Американская Православная Церковь страдает и по сей день.

В такую сложную обстановку и прибыл митрополит Платон. Итак, еще раз подчеркиваю, лишь он и митро-

полит Евлогий были канонически назначены на свои посты, получив прерогативы власти от предстоятеля своей матери-Церкви патриарха Тихона.

В том же 21-ом году, входившие в Управление епископы, не испросив благословения Вселенского патриарха Мелетия (Метаксакиса) покинули Константинополь и переехали в Сербию. Патриарх Сербский Димитрий братски принял митрополита Антония, отвел ему соответствующее помещение в своем дворце в Сремских Карловцах и предоставил ему в управление все русские приходы на территории Югославии (в то время она называлась Королевство сербов, хорватов и словенцев). Итак, все русские епископы, переехавшие в Сербию, с канонической точки зрения не обладали никакими правами, кроме тех, которые были им предоставлены их сербскими хозяевами. Архиереи сохраняли свои последние российские титулы: Антоний был митрополитом Киевским, его правая рука архиепископ Анастасий — архиепископ Кишиневский, и т.д. Все они надеялись вскоре вернуться в Россию, все они были лишь гостями Сербской Православной Церкви.

4) Правда ли, что Карловацкая Церковь существует с согласия и даже по благословию святейшего патриарха Тихона?

Неправда. Патриарх Тихон не возражал против деятельности Высшего Церковного Управления за границей, хотя и подчеркивал, что оно было создано без его ведома. Однако, когда Управление присвоило себе право говорить от лица всей Русской Церкви, он немедленно предпринял акции против него.

В ноябре 21-го года в сербском городке Сремски-Карловцы собрался церковный собор, назвавший себя Всеаглическим Русским Собором. Главным его деянием было принятие резолюции о восстановлении дома Романовых на российском престоле, как цели Русской Церкви. Резолюция, под названием «Соборное послание к русскому народу» и начинающаяся словами «Да вернет Господь Бог на Всероссийский престол помазанника ... из дома Романовых», прошла благодаря боль-

шинству голосов мирян — в основном членов Высшего Монархического Совета. Половина присутствовавших архиереев во главе с митрополитом Евлогием и архиепископом Анастасием (будущим главой Зарубежного синода) и абсолютное большинство священников отказалось участвовать в голосовании о резолюции, подчеркнув ее неуместность на церковном соборе, как носящей чисто политический характер. (Кстати, сам Евлогий был монархистом по своим политическим убеждениям.) После этого противники резолюции покинули собор, а оставшиеся на нем поручили новому утвержденному Заграничному Церковному Управлению выработать обращение к Генуэзской конференции с призывом предпринять международный крестовый поход против советской власти. Вместе с тем в положении о Карловацком соборе было сказано, что «собрание во всех отношениях признает над собой полную власть Патриарха Московского».

Не говоря уже о том, что церковный собор не имел права издавать от имени Церкви чисто политические документы, их роковое значение было в том, что ответственность за них возлагалась на патриарха Тихона и, особенно, на митрополита Петроградского Вениамина, который по своему положению исторически был ответственен за русские приходы за рубежом. Советская печать того времени сразу же стала раздувать связь Московской патриархии с карловчанами, и эта кажущаяся связь сыграла свою роль в происшедшем вскоре аресте и расстреле митрополита Вениамина.

Получив сведения о решениях Карловацкого Собора, патриарх Тихон созвал соединенное собрание своих Синода и Высшего Церковного Совета, которое признало, что «ни послание, ни обращение Карловацкого собора не выражают голоса Русской Церкви», и вынесло категорическое постановление о закрытии Заграничного Церковного Управления. Резолюция об этом, подписанная патриархом, была отправлена в Карловцы 5 мая 1922 года. Патриарх требовал немедленно распустить эмигрантское ВЦУ и всю полноту власти над русскими эмигрантскими приходами передать митрополиту

Евлогию. Представители Карловацкой церкви часто утверждают, что этот указ патриарха был вынужденным, что его заставили подписать коммунисты. Однако, указ был подписан Святителем до его ареста, и он вполне соответствует его издававшимся с 19 г. приказам для духовенства избегать политики и не занимать сторон в политической борьбе.

Нужно отметить, что ВЦУ первоначально решило подчиниться воле патриарха. Митрополит Антоний собрался удалиться от дел и уехать простым монахом на Афон. Однако, тут совершил ошибку митрополит Евлогий. Он приехал в Сербию и убедил митрополита Антония не исполнять дословно постановление патриарха. Вот что он сам про это пишет в своих мемуарах:

«Я во имя любви к митрополиту Антонию, старейшему зарубежному иерарху, с которым меня связывала долголетняя дружба, ... пренебрег волей Патриарха. В этом была моя великая ошибка, мой большой грех перед Богом, перед Матерью-Русской Церковью и перед святейшим Патриархом, и в этом заключалась главная причина ... и источник всех дальнейших нестроений в жизни зарубежной Церкви».

Митрополит Евлогий уговаривает митрополита Антония остаться председателем в некоем совещательном органе при системе автономных зарубежных епархий, которые он, Евлогий, берет за разработку. Вернемся к его воспоминаниям:

«На съезде архиереев в сентябре 1922 г. было постановлено воле Патриарха подчиниться, и Высшее Церковное Управление должно было быть упразднено. После этого отпуска, хотя я и мог бы (и даже должен был) сосредоточить в своих руках всю полноту власти, но я не захотел пользоваться единолично этою полнотою... я взял на себя разработку дальнейшего, уже окончательного, плана управления Русской Православной Церковью за границей».

Съезд распустил Высшее Церковное Управление и создал на его месте Синод епископов (отсюда «Синодальная» церковь). Митр. Евлогий председательствовал на первой сессии и подписал окружное послание ко всем эмигрантским приходам, в котором объявлялось о создании Синода.

Очевидно, что если новосозданный Синод и имел некую каноническую связь с патриархом Тихоном, то лишь через митрополита Евлогию, по чьей доброй воле он и был создан. По своей собственной инициативе и без разрешения на то патриарха митрополит Евлогий решил разделить свои собственные канонические обязанности с Синодом, используя его как некий координационный совет. Однако, к сожалению, вскоре вновь проявилась тенденция карловацких епископов превышать свои полномочия. Почти сразу они стали вести себя, как верховная церковная власть для всех русских приходов за границей. С 1924 года митрополит Евлогий практически отошел от сотрудничества с Синодом, который, таким образом, потерял свою связь с канонической Русской Церковью. Однако, он продолжал оказывать гостеприимство русским архиереям, позволяя им окормлять духовно российских беженцев.

В том же 24-м году (пока еще вне соборных заседаний) Синод, несмотря на противостояние митрополита Евлогию, постановляет, что поскольку Московский патриарх несвободен, впредь Синодом будут приниматься только те патриаршие распоряжения, которые не будут противоречить направлению и решениям Синода; т.е. Карловацкий Синод присвоил себе де-факто права автокефальной Церкви.

Вышедши на свободу, патриарх в своих посланиях вновь повторил осуждение политиканства карловчан и снова требовал роспуска карловацкого Синода. И, наконец, в апреле 1925 года, сразу после кончины патриарха, появилось его «Завещательное послание», которое по духу ничем не отличалось от так называемой «Декларации лояльности митрополита Сергия 1927 г.». Послание говорит о горячей молитве «о ниспослании помощи Рабоче-крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага», призывает тех пастырей и мирян, которые не могут примириться с новым строем, отойти от участия в управлении Церковью, обещает создать специальную комиссию для расследования и отстранения от церковной деятельности упорствующих в политической непримиримости к советской власти.

Послание особенно обрушивается на Карловацкий Синод, требуя от него немедленного роспуска за политиканство, вредящее Церкви в России.

Однако, митрополит Антоний, ознакомившись с завещанием патриарха, объявил его фальшивкой ГПУ, а подпись — поддельной. Известный зарубежный историк Димитрий Поспеловский, тщательно взвесив все свидетельства, делает неопровержимый вывод, что завещание подлинно. Но в его подлинности не сомневались и многие карловчане, например митрополит Анастасий, будущий глава Карловацкой Церкви. Вот что он пишет в личном письме:

Вы спросите, на чем основана моя уверенность в подлинности «завещания» ... Патриарха? На внутренней его логике, отвечающей направлению мыслей и действий Св. Патриарха в последние годы ... никаких уступок в области веры и канонов, но подчинение не за страх, а за совесть Советской власти, как попущенной волей Божией... Все послание проникнуто искренним желанием блага Церкви — и потому, конечно, оно не могло выйти от большевиков».

Почему же карловчане не подчинились этому посланию? Просто тут подействовал провозглашенный ранее ими принцип избирательности: мы принимаем то, что нам выгодно.

Итак, мы убедились, что сегодняшние руководители Карловацкой Церкви ни в коей мере не могут ссылаться на авторитет святейшего патриарха Тихона в оправдание своей изоляции от всего православного мира.

5) Соответствуют ли действительности утверждения карловчан, что зарубежный раскол был вызван декларацией лояльности митрополита Сергия?

Нет, это утверждение действительности не соответствует. Уже в 25-м году Карловацкий Синод провозгласил митрополита Антония заместителем патриарха «с правами ... представлять Всероссийскую Православную Церковь и руководить церковной жизнью и Церковью не только вне России, но и в России».

В 26-м году оба митрополита, Евлогий и Платон, видя бесполезность попыток изменить что-либо, поки-

дают заседание карловацкого собора и окончательно порывают с Синодом. В отсутствие Евлогия собор постановляет отобрать у него германское викариатство. Однако, осуществить это свое решение карловчане смогли лишь позже, при Гитлере, силами гестапо.

А в январе 27 г. Карловацкий Синод послал митрополитам Евлогию и Платону вдогонку прещение, подтвердив это соборным постановлением осенью того же года. Это совершенно неканоническое постановление и можно считать свершившимся фактом зарубежного русского раскола, продолжающегося и по сей день.

Это произошло за 8 месяцев до того, как собор архiereев в Карловцах постановил отвергнуть требование митрополита Сергия о взятии подписки о лояльности Советской власти у заграничного духовенства, которое было направлено за рубеж после выхода пресловутой «Декларации о лояльности».

Вместе с тем, по многим свидетельствам, митрополит Сергей по частным каналам передавал, что эта его мера вынужденная, и что зарубежные русские епархии, дабы не чувствовать себя стесненными, могут перейти под омофор предстоятеля другой Православной поместной Церкви.

Митрополиту Евлогию удалось договориться, что он, не являясь гражданином СССР, не может давать подписку о лояльности советской власти, но что он «обязуется не делать амвона аренной политики, если это обязательство облегчит трудное положение родной нашей Матери-Церкви». Митрополит Сергей таким обязательством удовлетворился. Американская митрополия, однако, отказалась подписывать какие-либо обязательства, и, таким образом, митрополит Платон попал под прещение митрополита Сергия. Однако, другие право-славные автокефальные Церкви понимали эту меру как вынужденную крайними политическими обстоятельствами и никогда не прерывали евхаристического общения ни с митрополитом Платоном, ни с американской митрополией, около того времени получившей официальное название Русско-Православная Греко-Кафолическая Американская Церковь, и, руководствуясь

постановлением патриарха Тихона, объявившей о своей временной автокефалии. Лишь небольшая ее часть подписала требование о лояльности и осталась в составе Русской Правосл. Церкви.

В 30-м году был нарушен и компромисс между митрополитами Сергием и Евлогием. Последний принял приглашение Кентерберийского архиепископа участвовать в совместных экуменических молениях за гонимых христиан в СССР. Сергей счел это политической акцией и запретил Евлогия. Последний апеллировал к Вселенскому патриарху. Тот признал все доводы митрополита Евлогия обоснованными и в 31-ом году выдал ему томос, предоставивший ему и всем русским приходам Западной Европы статус экзархата, «сохраняя неизменною и неумаленною доселе существующую свою самостоятельность, как особой Русской Православной организации, и свободно управляя своими делами». Как и в Америке, подавляющее большинство церковного народа и духовенства приняли новый статус своей Церкви. Лишь один епископ и три священника предпочли остаться под омофором митрополита Сергия.

На фоне такого взвешенного и сострадательного отношения двух ведущих зарубежных иерархов к предстоятелю мученической Церкви, в страшных, за всю историю христианства невиданных обстоятельствах предпринимающему все усилия для ее сохранения, особенным контрастом выглядит позиция митрополита Антония. Я хочу привести вам строки из его письма митрополиту Сергию, написанного в 33-ем году. Оно было недавно опубликовано в Карловацком официальном журнале «Православная Русь»:

«Умоляю Вас, как бывшего ученика и друга своего: освободитесь от этого соблазна, отрекитесь во всеуслышание от всей той лжи, которую вложили в Ваши уста Тучков и другие враги Церкви, не остановитесь перед вероятными мучениями. Если сподобитесь мученического венца, то Церковь земная и небесная сольются в прославлении Вашего мученичества и укрепившего Вас Господа, а если останетесь на том пространном пути, ведущем в погибель, на котором стоите ныне, то он бесславно приведет Вас на дно ада, и Церковь до конца своего не забудет вашего предательства».

Строки эти говорят сами за себя. Можно вспомнить о канонах святой Церкви, запрещающих даже мученикам, идущим на смерть за Христа, призывать кого-либо к повторению своего подвига. Можно говорить и о нравственной стороне таких призывов, автор которых, окруженный почетом и уважением в безопасной Югославии, попивая послеобеденный кофе, строго настаивает обливающихся кровью, с удавкой, накинута на горло, собратьев.

б) Соответствуют ли действительности утверждения Карловацкой Церкви, что Американская митрополия входила в Карловацкий синод и признавала его каноническое верховенство?

Нет, эти утверждения действительности не соответствуют. Американская ветвь Русской Православной Церкви существует с 1794 г. В 1870 году была учреждена независимая постоянная Североамериканская епархия. Как она могла зависеть канонически от временной организации, основанной в 1922-м году?

Как мы уже видели, первоначально митрополит Платон иногда принимал участие в работе созданного митрополитом Евлогием Синода. Он был согласен с точкой зрения митрополита Евлогия, что Синод сам по себе не имел никакой канонической власти, но мог сыграть координационную роль между различными русскими группами за границей. В 26-м году он вместе с митрополитом Евлогием порвал с Синодом.

В 1935 г. преемник Платона, митрополит Феофил, принял приглашение Сербского патриарха Варнавы, созвавшего всех заграничных русских епископов в попытке примирения. Эта попытка состоялась, и ее результатом явился «Временный устав», координировавший работу 4-х русских митрополий: 1. Ближний Восток и Балканы (митрополит Антоний и Карловацкий Синод); 2. Западная Европа (митрополит Евлогий); 3. Америка (митрополит Феофил) и 4. Дальний Восток (митрополит Мелетий).

Однако соглашение почти сразу же стало нарушаться со стороны членов Карловацкого Синода. Так,

они продолжили насильственное отнятие приходов у митрополита Евлогия на территории Германии при помощи гитлеровского гестапо. Однако, нацисты выдвинули требование, чтобы карловацкую епархию возглавил немец — епископ Серафим Ляде, который, кстати, был хиротонисан обновленцами на Украине и был принят карловчанами в сущем сане без повторения хиротонии. (Русская же Православная Церковь, неоднократно обвиняемая карловчанами в обновленчестве, не признавала ни одного из живоцерковных таинств кроме крещения и принимала их лишь в сане, который они имели до уклонения в обновленчество.)

Итак, вскоре митрополит Евлогий отказался от «Временного устава».

Американская же Церковь никогда, по существу, его не приняла. В ее уставе было сказано, что ее высшим административным органом является Всеамериканский Собор, в состав которого входили епископы, духовенство и миряне. Собор, собравшийся в Питсбурге в 1936 году, проявил весьма мало энтузиазма по поводу «Временного устава», связывающего большую и укоренившуюся поместную американскую Церковь с временной эмигрантской организацией в Европе. Собор, тем не менее, отчасти подчинился авторитету митрополита Феофила и принял постановление, в котором говорилось: «Временный устав несет нравственное, а не административное значение; он демонстрирует наше единство, но не связывает нас». Но даже и такое весьма относительное признание было принято 105-ю голосами против 9-ти при 122-х воздержавшихся. В резолюции содержалось подтверждение того, что Всеамериканский собор остается верховной административной властью Православной Церкви в Америке. Американская митрополия сохранила свою независимость.

7) Что происходило с Карловацкой Церковью во время 2-ой мировой войны?

Уже задолго до войны Карловацкий синод находился в достаточно теплых отношениях с нацистами. Начиная с 21-го года члены Высшего Монархического

Совета, затем вошедшие в Карловацкий синод, вступили в контакт с Гитлером через его главного идеолога Альфреда Розенберга, прибалтийского немца и бывшего офицера-добровольца Российской императорской армии. Мы уже упомянули факт передачи в карловацкую юрисдикцию с помощью гестапо всех входивших в Западноевропейский экзархат православных приходов на территории 3-го Рейха. В то же время, руководство Карловацкой Церкви, ранее неоднократно заявлявшее о том, что его цель — вернуться на родину, покорно подчинилось указанию гитлеровского правительства, воспретившего ему развернуть свою миссионерскую деятельность на оккупированных территориях Польши и СССР. Эти факты выглядят особенно пикантно на фоне постоянных упреков Московского патриархата карловчанами в «подчинении мирским безбожным властям и допущении участия их и управления ими внутрицерковной жизни вплоть до ... нарушения веры». Позволю себе напомнить вам еще несколько фактов, в связи с другим упреком Московской патриархии карловчанами: «Сотрудничество с безбожной властью ... подбострастное служение ей и общественное моление за укрепление власти, борющейся против веры и Церкви».

В 1938 году митрополит Анастасий написал благодарственное послание Адольфу Гитлеру в связи с постройкой по его приказанию и за германские государственные деньги православного собора в Берлине. Вот что, в числе прочего, было написано в этом Послании:

«Тот, кто ведает судьбами всех, послал Вас германскому народу... Молитвы за Вас будут возноситься не только в германских храмах, не только в берлинском соборе, но и во всех православных церквях России... Не только немецкий народ ... но и благочестивые люди всех народов, стремящиеся к миру и справедливости, видят в Вас вождя во всемирной борьбе за мир и правду... Ваши великие достижения сделали Вас достойным подражания примером, образцом преданности своему народу и своему отечеству, образцом приверженности нравственным и духовным ценностям. Эти ценности также освящаются и сохраняются навечно в нашей церкви...» Ну и так далее. (Документ цитируется в обратном переводе с английского.)

Послание это писалось из безопасной Югославии, за три года до захвата этой страны Гитлером. И чем такое верноподданническое усердие отличается от похожих восхвалений Сталина Московской патриархией? Пожалуй, лишь тем, что в момент написания этого послания, Карловацкий Синод был на нейтральной территории, а не в самом логове, как Церковь Русская. Значит, наверное, чувства, выраженные в письме, были несколько более искренними.

Другой факт. Карловацкие епископы, воспользовавшись тем, что японское правительство арестовало митрополита Сергия Японского (который позже мученически скончался в японской тюрьме), хиротонисали Николая (Оно) и поставили его епископом Токийским. Хотя тот вскоре «покаялся» и перешел в Московскую патриархию, вся эта история нанесла громадный вред Японской Православной Церкви.

Третий факт. Член Карловацкого Синода епископ Гермоген согласился возглавить неканоническую «Автокефальную церковь Хорватии», созданную по инициативе Германии в марионеточном государстве усташей. Напомню, что хорватские усташа проводили политику геноцида по отношению к православному сербскому народу и уничтожили сотни тысяч сербов. Правда, архиепископ Анастасий не поддержал в этом действии своего собрата по Синоду. Впоследствии еп. Гермоген был убит партизанами.

8) Как развивались события после поражения Германии?

После капитуляции Японии почти все епископы Дальневосточной митрополии вошли в Московскую патриархию. Бывшие «карловацкие» иерархи, митрополит Мелетий, архиепископ Димитрий и епископ Ювеналий в телеграмме Иосифу Сталину превозносили его «мудрость». Еще более интересно письмо Патриаршего Синода в Москве Виктору, архиепископу Пекинскому и Китайскому, в котором содержится высокая оценка нескольких священников, достойных самого высокого доверия за борьбу с теми, кто не же-

дает войти в московскую юрисдикцию. Среди этих священников — архимандрит Филарет — будущий глава Карловацкой церкви. Более десяти лет, покуда ему не удалось эмигрировать, он оставался клириком Московской патриархии в Китае. Если единственной истинно-православной Церковью в России была катакомбная Церковь, как утверждал митрополит Филарет впоследствии, спрашивается, почему же архимандрит Филарет не ушел в катакомбы?

В Европе несколько епископов, в том числе самые ярые защитники карловчан, такие как митрополит Серафим (Лукьянов) и архиепископ Серафим (Соболев) также «покаялись» и вошли в Московскую патриархию.

Тем временем, митрополиту Анастасию удалось выехать из Югославии и воссоздать Синод в американской оккупационной зоне Германии. Он и митрополит Серафим Ляде оставались в нем единственными членами прежней карловацкой администрации. Другими членами Синода стали несколько епископов-беженцев из Белоруссии и Украины.

Отметим, что Синод, на котором председательствовал митрополит Анастасий, теперь был лишен единственной канонической основы, которая когда-либо была у карловчан после их разрыва с митрополитом Евлогием: гостеприимства и благословения Сербской Церкви. Это уже была совершенно новая организация, новая форма которой во многом была определена трагедией лагерей для перемещенных лиц.

Несомненно, что если бы Синод митрополита Анастасия ограничил бы себя служением беженцам; если бы он вновь не заявил о себе с прежней агрессивностью, характеризовавшей его действия в прошлом; если бы он вновь не взял на себя роль единственно законного представителя всей Русской Церкви и даже всего Вселенского Православия, распространяя обвинения, что все другие Православные Церкви отпали от веры; если бы всего этого не было, несомненно раскол был бы залечен, а Карловацкий синод был бы принят с любовью и братской помощью от всего православного мира. Но этого не случилось.

Несомненно, что беженцам, духовным окормлением которых занимался Синод митрополита Анастасия, была оказана значительная реальная помощь. Но также несомненно, что несчастные, обездоленные и запуганные люди были подвергнуты серьезной психологической обработке. Беженцам, чудом избежавшим выдачи сталинским властям, сообщалось, что «Евлогийская» церковь и Американская митрополия — «советские» церкви, наполненные агентами КГБ и работающие по указке сталинского правительства. Карловацкий Синод представлялся единственной в мире православной церковью, сохранившей свою независимость, и последним оплотом в борьбе со всемирным коммунизмом. Таким образом, «перемещенные лица», попадая в США, в основном не вливались в существующие уже там приходы Американской митрополии, или какой-либо другой канонической церковной юрисдикции, а создавали свои собственные общины, а затем и выписывали в них карловацких священников из Германии.

В 1950-м году в Америку переехал и синод епископов Карловацкой Церкви. Возглавлявший тогда митрополию преемник митрополита Феофила митрополит Леонтий встретил митрополита Анастасия с братской любовью и призвал к совместной работе на ниве Христовой. Однако, митрополит Анастасий вновь избрал путь противостояния и конфронтации. Численность Карловацкой Церкви в Америке значительно возросла и за счет китайской русской эмиграции, часть которой, бежав от революции в Китае, оказалась в Калифорнии. Многие из «китайских русских» попали и в Австралию. Таким образом Карловацкий Синод обосновался и на этом континенте.

Со временем, раскольническая политика Карловацкой Церкви усиливалась. Когда в 1970-м году Американская митрополия получила автокефалию и восстановила евхаристическое общение с Московской патриархией (теперь она называется Православная Церковь в Америке), Карловацкий Синод предпринял попытку через суд отобрать у нее ряд приходов. Хотя попытка

эта не увенчалась успехом, она еще более затруднила путь к возможному примирению.

К тому времени окончательно выкристаллизовалась и позиция Синода относительно других поместных православных Церквей. Она определяется простым принципом. Карловацкая Церковь не признает легитимность Московской патриархии и отказывается от евхаристического общения с ней, а также и от евхаристического общения с любой церковью, поддерживающей общение с Московской патриархией. Исключением в этом правиле явилась Сербская Церковь, с которой, в знак памяти о прежнем гостеприимстве, общение, хотя бы теоретически, не порывалось.

11) Карловацкая Церковь заявляет, что лишь она одна исповедует истинное православие. Она обвиняет остальные Православные Церкви в предательстве Православия, так как они участвуют в экуменическом движении, в частности входят в Всемирный Совет Церквей. Насколько это соответствует действительности?

Действительности это не соответствует. Экуменизм — очень емкое слово, и каждый понимает его по-своему. Если он подразумевает индифферентизм и убеждение в том, что ни одна из церквей не может претендовать на обладание полнотой истины, то это ересь, которая осуждается Православием. Однако, если понимать экуменизм как свидетельство об истине перед своими братьями, то это уже совсем другое.

Православные принимают участие в экуменических диалогах, чтобы христианский мир слышал мнение Православной Церкви о всех возникающих вопросах и проблемах, чтобы любой ищущий человек имел возможность узнать о существовании Православия и ознакомиться с православным мироощущением. И во многом благодаря такому подходу Православие вновь стало мировой, вселенской религией и приобрело множество новых членов во всех странах и культурах, во всех концах мира.

Я приведу отрывок из написанного в мае 69-го года окружного послания Синода епископов Православной Церкви в Америке. Оно определяет отношение Американской Церкви к экуменизму, и, думаю, оно является характерным и для других поместных Православных Церквей:

«Главной целью экуменического движения (как его понимают православные) является единство всех христиан в едином благодатном теле. Православная Церковь безоговорочно исповедует, что если такое благодатное единство будет достигнуто, то основой его может быть прежде всего единство веры и безоговорочное принятие всеми Священного Писания и Священного Предания, во всей их целостности и полноте, которые были сохранены Православной Церковью. Подлинная любовь к отделенным от нас братьям заключается не в замалчивании всего, что разделяет нас, но в дерзновенном свидетельстве об Истине, вне которой не может быть единства, и в совместных поисках путей, благодаря которым Истина станет очевидной для всех. Лишь таким образом Православная Церковь понимает свое участие в экуменическом движении».

На заседаниях Всемирного Совета Церквей православные делегаты неоднократно заявляли, что Православная Церковь является единственной истинной Церковью. Также члены Всемирного Совета Церквей не обязаны признавать, что другие его члены являются Церквями в догматическом смысле этого слова. Все Православные автокефальные Церкви входят во Всемирный Совет Церквей. Покойный патриарх Сербский Герман, с которым карловчане не порывали общения, одно время был его председателем.

В то время, как Карловацкая Церковь обвиняет других православных в предательстве веры через членство в «Совете Сатаны» (так она иногда называет Всемирный Совет Церквей), она, хотя и не состоит в нем, до сих пор продолжает получать от него значительные денежные субсидии. Субсидии поступают к ней через Комиссию Всемирного Совета Церквей по внутрицерковной помощи, а также через «Church World Service» — агентство Национального Совета Церквей США. Субсидии

также принимают форму регулярных денежных выплат духовенству Карловацкой Церкви.

Даже сейчас, когда все американские Православные Церкви (кстати сказать, ни одна из них не получала субсидий от экуменических организаций, чтобы не чувствовать себя связанными), приостановили членство в Национальном Совете Церквей из-за серьезных разногласий с ним по догматическим и нравственным вопросам, выплата субсидий Карловацкой Церкви продолжается.

12) Вопрос календаря. Карловацкая церковь заявляет, что переход православных церквей на новый календарь является изменой Православию.

Календарный вопрос очень сложный и требует отдельного обсуждения. Я не буду сейчас вступать по этому поводу в полемику. Достаточно пока лишь отметить, что на сегодня большинство поместных Православных Церквей перешло на новый календарь и это не препятствует общению между ними.

Можно также вспомнить, что патриарх Тихон считал целесообразным переход на новый календарь, и этот переход может быть и состоялся бы, если бы его идея не была скомпрометирована обновлениями.

Однако, до недавнего времени новокалендаристские приходы существовали и в Карловацкой Церкви. Имеется ряд письменных разрешений на применение нового календаря в английских приходах, подписанных самим митрополитом Филаретом, тогдашним главой Карловацкой Церкви.

Вопрос этот был поднят Зарубежным синодом лишь тогда, когда он вступил в контакт с греческими старокалендаристскими группировками и даже восстановил им иерархию. Итак, карловчане вновь грубо вмешались в дела автокефальной поместной Православной Церкви и сделали реальным раскол на ее территории.

Таким образом, решение архиерейского собора Русской Православной Церкви за границей от 2/15 мая 1990-го года об открытии приходов на территории России имело прецеденты в истории Карловацкой Церкви

и явилось лишь логическим завершением того пути, на который она вступила много лет назад. Как было написано в Заявлении Православной Церкви в Америке по поводу Послания «Русской Православной Церкви за границей»: «Русская Церковь за границей сочла возможным принять надменную и фарисейскую позицию осуждения по отношению к мученической Церкви, и заявить о намерении установить свою юрисдикцию в самой России, тем самым учиняя разделение в Теле Христовом».

Я не буду долго говорить об этом решении Карловацкой Церкви: в многочисленных выступлениях по этому поводу иерархи и пастыри Русской Православной Церкви достаточно ясно выразили свое отношение к нему. Я позволю себе лишь обратить ваше внимание на несколько, на мой взгляд, весьма характерных и примечательных положений Послания, в котором объявляется об открытии карловацких приходов на территории России.

Некоторые из них в комментариях не нуждаются. Вот, например: «Бережно храня память о мучениках и желая подражать подвигу их (*в не всегда легких условиях жизни за границей*)... (курсив мой А.Д.). То есть заграничные архиереи, предъявляя претензии мученической Церкви, смеют сравнивать свое безопасное существование с тяжкой долей страдальцев за веру под гнетом коммунистического тоталитаризма!

Другие положения Послания требуют богословского комментария. Вот, например, такое (пунктуация подлинника сохранена):

«Верим и исповедуем в то, что в храмах Московской Патриархии, в тех из них, в которых священник горячо верит и искренне молится, являясь не только служителем культа, но и добрым пастырем, любящим своих овец, по вере приступающих, подается в Таинствах спасительная благодать. Немногочисленные эти храмы на необъятных просторах Русской земли. ...

Вот почему обращаются к нам священники и верующие из России с просьбой покрыть их омофором, дать им благодать. Пастырская совесть говорит нам, что мы не только можем, но и должны помочь им, испытывая каждый раз

причины, побудившие их обратиться к нам. Однако, приступаем мы к этому своему новому служению с большой осторожностью, возлагая надежды на помощь Божию, ибо невозможное человеку возможно Богу. Не знаем мы еще, насколько демократизировалась советская власть, насколько реальна перестройка.» ... (То есть, если все обернется вспять, то мы оставляем за собой возможность унести ноги, а вы сами расхлебывайте. А.Д.)

Подписанное всеми одиннадцатью архиереями карловацкой группировки, Послание открыто и ясно ставит благодатность святых таинств Церкви в зависимость от нравственного достоинства совершителей. Обвиняя священноначалие Московской патриархии во множестве политических и нравственных нарушений, иерархи-карловчане утверждают, что церковное общение в таинствах, в России и за рубежом, возможно только с малочисленным числом «достойных священников». Как и где таковых найти, представляется, как будто, суждению каждого верующего, «по вере приступающего». Но на деле, единственно верным знаком «истинности» является принадлежность к Зарубежной юрисдикции.

Святая Церковь в прошлом знала и осуждала подобные лжеучения. Так, после римских гонений на христиан, в карфагенской Церкви существовали расколы Новациан и Донатистов, которые соглашались признавать таинства только «епископов-исповедников», «исповедничество» которых определялось самими новацианами и донатистами. Эти расколы были осуждены всей полнотой Православия. На святых соборах было вынесено решение, что «божественная благодать вся немощная врачующая и оскудевающая восполняющая» действует в Церкви всегда, там, где исповедуется полнота истинной православной веры. Недостойные же священнослужители подлежат суду Божию, не человеческому, пока их не низложит законный собор.

«Суд человеческий» Карловацкой Церкви чрезвычайно суров и часто вполне голословен. Мы сейчас с вами немного познакомились с историей Карловацкой юрисдикции и увидели, что и в ней нередко нарушались законы нравственности и практиковалось

политическое приспособленчество. Вместо того, чтобы по-фарисейски призывать к покаянию других, не следовало ли бы лучше покаяться всем вместе, на что святая Церковь призывает всех нас ежедневно?

Сами находясь, по своему собственному желанию, вне евхаристического общения со Вселенской Православной Церковью, «зарубежные» архиереи пытаются, пользуясь падением коммунизма в России, установить и там свою юрисдикцию, состоящую исключительно из священнослужителей, которых они сами считают «достойными», как будто они не знают, что святые каноны не допускают к покаянию даже при смерти тех, кто воздвигает свой новый престол и сознательно разделяет Церковь.

Поэтому особенно трагично, по-сектантски и совершенно неправославно звучат призывы со стороны карловацких архиереев. Объективно они служат к разделению и ослаблению Церкви Христовой. И трудно не поверить, что враги Церкви, которых еще немало в нашей стране, не разыгрывают «карловацкую карту», чтобы отвратить русский народ от святого Православия и от Церкви Христовой.

Карловчане, обвиняющие русских архиереев в обновленчестве, парадоксальным образом сами играют ту роль, которую в 20-е годы не без помощи ГПУ играли обновленцы. Думается, что сегодняшние преемники ГПУ не менее своих предшественников заинтересованы в нейтрализации влияния Церкви, ее дискредитации, разделении, и, в конечном итоге, уничтожении.

Святая Церковь может оставаться Церковью лишь тогда, когда Она верна Самой Себе, когда Ее таинства признаются действием Святого Духа, а не людей, когда Она стоит выше человеческих пристрастий, политических убеждений и исторических несовершенств. Разделять же ее стремятся лишь ее враги, во главе с самим изначальным Врагом человеческого рода.

ИМКА-ПРЕСС И ДНИ ВАНДЕИ НА ТАМБОВЩИНЕ

По «Вечернему Воронежу», 22. 07. 94

Революции — во Франции и в России — общие исторические вехи; трагедия террора и крови. Власть якобинцев удалось свергнуть после термидорианского переворота. Мы же были обречены на семь десятилетий коммунистического владычества.

Вандея — уже не слово, а знак. Знак сопротивления: двести лет назад маленькая французская провинция восстала против «революционных завоеваний» и была потоплена в крови. Об этом упоминали учебники истории, цинично вещая о «знати» и «зажиточных крестьянах», недовольных властью террора. Террор воспринимался как суровая необходимость. Жертвы в счет не брались.

О ходе и масштабах «русской Вандеи» — тамбовском крестьянском восстании 1920-21 гг. — предпочитали умалчивать, единожды заклеив его презрительным термином «антоновщина», а его участников — бандитами. Истинные мотивы этого движения (11 месяцев держалась в сопротивлении Тамбовская губерния) были искажены прямолинейной демагогией.

Идея

В прошедшем году, выступая на открытии памятника жертвам Вандейского восстания, Александр Солженицын напомнил о его российском аналоге. Высказанная им позже мысль о возможности встречи вандейцев и россиян нашла свой отклик. В числе ее инициаторов — власти Вандеи (в частности, возглавивший делегацию председатель Генерального Совета провинции, депутат Национального Собрания Франции и Европарламента Филипп де Вилье, возможный кандидат на участие в президентских выборах 1995 года), и наш парижский соотечественник, директор издательства «ИМКА-Пресс» профессор Никита Струве. Были намечены места пребывания — Тамбов (вандейцы собираются осуществлять связь с тамбовчанами в области

здравоохранения, образования, сельского хозяйства) и Борисоглебск (бывший одним из центров восстания 1920-21 гг. в составе тогдашней Тамбовской губернии).

Восприятие «с комприветом»

Поразительное единство в очередной раз продемонстрировали коммунистические круги Тамбовской и Воронежской областей, призвавшие к бойкоту акции. Как это происходило в Воронеже (с «Обращением» в средства массовой информации), мы писали в прошлом номере газеты. «Тамбовские большевики» тоже в долгу не остались: наметили что-то вроде демонстрации протеста. Но по причине общей малочисленности прокоммунистических организаций выпады эти остались незамеченными французской стороной. Но величие замысла, все-таки, впечатляет.

Делегаты

Филипп де Вилье — политик во Франции весьма влиятельный. Сорокапятилетнего вандейца называют даже «восходящей звездой» французской политики. В сфере его интересов вот уже несколько лет — идея большой Европы, объединяющей интересы всех наций, ее населяющих. А России и Франции, по мнению де Вилье, в этом союзе принадлежит особая роль, создающая своеобразное равновесие и стабильность на континенте.

Вместе с ним — вандейцы, соратники, союзники — официальные лица Генерального Совета (один из них — Доминик Суше — также избран в Европарламент); настоятель ордена Святого Духа отец Жандро, представитель посольства Филипп Этьен. Среди прочих — известный в 68-80-е годы дипломат Жильбер Пероль — посол Франции, бывший генеральный секретарь французского МИД. В 1966 году ему довелось посетить СССР во время знаменитого визита Шарля де Голля. Вторая встреча — спустя почти 30 лет.

...На знамени Вандеи изображены два сердца. Множество раз за время визита принимающая сторона обращала внимание на этот красноречивый символ: сердца, готовые к союзу и сотрудничеству.

Книжные дары

Никита Струве (посетивший Россию вместе с супругой Марией Александровной, иконописцем и дочерью известного русского священника и мыслителя А.Ельчанинова) и на этот раз не мог не привезти книги своего издательства. Тамбовской и Борисоглебской библиотекам были подарены библиотеки «ИМКА-Пресс». Средства для того выделили и вандейцы. А для Борисоглебской библиотеки — от имени и на средства Александра Солженицына.

Тамбовские встречи

Тамбов и Вандея станут побратимами: таков итог соглашения, которое предстоит утвердить на собрании Генерального Совета Вандеи. Связи начинают налаживаться.

Пока документы разрабатывались, гости успели познакомиться с городом. Побывали на станции Рада — в месте, где в годы войны находился фильтрационный лагерь для военнопленных. Здесь — лесное кладбище, где захоронены мобилизованные в нацистскую армию итальянцы, французы, румыны... Жертвы войны разных убеждений и национальностей покоятся теперь в лесу тамбовщины, так похожем на лес под воронежской Дубовкой — местом памяти жертв сталинизма. Тот же покой и деревянные кресты.

Французы поклонились праху погребенных. Была сотворена молитва, возложены венки.

В тот же день в областной библиотеке имени Пушкина открылась выставка «ИМКА-Пресс». Затем состоялась пресс-конференция французской делегации, где произошло знаменательное событие: скрываемая правда истории столкнулась с реалиями сегодняшнего дня.

Суть дела проста: подготовлена документальная книга о Тамбовском восстании. Средств на издание нет. Ее авторы неоднократно обращались к областным властям, но власти, судя по всему, делу не способствовали.

Думается, пристрастные гости отметили для себя: далеко не все просто у нас с «открытием истории».

На второй день делегацию принял архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений. Делегация посетила храмы Тамбова, Спасо-Преображенский собор, Казанский монастырь. После чего путь лежал в Борисоглебск.

Открытие выставки в Борисоглебске

Никита Струве, передавая городу книжный дар, назвал Борисоглебск местом, «оказавшимся в центре русской трагедии». Действительно, в волне подавления восстания ему пришлось принять на себя груз страданий. И об этом пора говорить. Пора открывать архивы. Пора обращаться лицом к своей истории.

Борисоглебская миссия подвела своеобразный итог встречам на земле Черноземья. И дала пищу для размышлений — о будущем, об истории, о европейском государстве Россия.

Три вопроса Филиппу де Вилье

— Каковы впечатления от поездки?

— Самые благоприятные. Мы чувствуем себя, как в семье. Коммунизм не убил российское общество, его дух сохранился.

— Визит носит, в числе прочих, и политический оттенок?

— Безусловно, здесь есть и политическая нагрузка. Мы хотим сказать, что новая Европа не может существовать без России.

— В вашем роду есть и русские корни. Насколько это влияет на ваше отношение к России?

— В этом смысле я очень растроган и взволнован. Родные всегда говорили мне о России, как о семье. Несмотря на отдаленность корней, я чувствую себя немножко русским. Мне хотелось бы, чтобы русские в чем-то почувствовали себя — вандейцами...

ИНТЕРВЬЮ НИКИТЫ СТРУВЕ «ВЕЧЕРНЕМУ ВОРОНЕЖУ»

Два года назад Никита Алексеевич Струве побывал в Воронеже с выставкой книг своего издательства. На сей раз его маршрут захватил малую часть воронежской земли — 70-тысячный Борисоглебск.

— Никита Алексеевич, с той поры, как книги «ИМКА-Пресс» получили свободный доступ к российскому читателю, прошло несколько лет. Ощущаете ли вы плоды своей деятельности, некую обратную связь? Есть ли чувство «единого дыхания» издательства и читателей?

— Несомненно. Добрая половина наших книг уже переиздана в России. Предстоит их освоение.

— Очевидно, издательству приходится переходить в несколько иное качество. Это не вызывает у вас опасений за его судьбу?

— «ИМКА-Пресс» как культурный центр в Париже, по-прежнему, имеет свое значение и назначение. Наша деятельность, конечно, изменяется. Играть роль и чисто материальные причины. Мы остаемся едва ли не последним русским издательством за рубежом. Но найдутся новые формы работы: выставки в городах России, книжные дары библиотек «ИМКА-Пресс». Возникло издательство «Русский Путь» в Москве — которое пока весьма скромно, медленно, без особых средств продолжает наше дело — тиражируя, переиздавая наши книги, участвуя в переводах французских авторов, неизвестных в России — в рамках Пушкинской программы, учрежденной посольством Франции.

— Выходит, издательство в какой-то мере выполнило свою миссию и сейчас — новый этап его существования?

— В значительной степени это так. Во-первых, миссия первой русской эмиграции почти целиком выполнена. Мы будем доиздавать некоторые книги, еще не опубликованные. Второй период существования изда-

тельства, ознаменованный именем Солженицына, с его возвращением, появлением его книг естественно «переходит» в Россию. Мы рады этому, поскольку всегда существовали в той мере, в коей была попорана свобода России. Но мы, как я упоминал, остаемся культурным центром, продолжая знаменательные и существенные традиции, необходимые и на Западе. Мы сохраняем этот центр в виде скромного — от 5 до 10 книг в год — издательства, магазина русской книги. А сколько нам отпущено лет — зависит от истории. Мы покорны ее велению.

— *Тот факт, что вы наиболее полно представляете труды авторов первой эмиграции, а в значительно меньшей степени — второй и третьей, говорит о том, что творцы «первой волны» более созвучны вам?*

— Первая эмиграция — наше лоно. Вторая, все-таки, была менее плодотворной, она опалена войной, репрессиями. Интеллигенции среди неё было мало. Кроме того, в тот момент, когда авторы «второй волны» могли печататься, наше издательство переживало некоторый упадок. Затем появилась литература хрущевской оттепели: словно из-под земли поднялись затерянные, захороненные рукописи. Тогда же начал писать Солженицын, появились мемуары Надежды Мандельштам, романы Домбровского. И мы, отдавая предпочтение этой литературе, думается, соответствовали велению времени. Что касается третьей эмиграции... Действительно, она не была, в основном, нам созвучна. Скорее, мы отдавали предпочтение перечисленным авторам, нежели некоторым диссидентам.

— *Вы уже несколько раз упомянули имя Александра Солженицына. Не могу обойти стороной вопрос, связанный с возвращением его на родину. Оценки разноречивы, наблюдается и неприятие; и какой-то общественный скептицизм. Волна шумных споров не захлестнет ли, не заслонит ли от россиян саму личность писателя и его книги?*

— Не думаю. Его книги еще по-настоящему не прочитаны. За Солженицына я не беспокоюсь. А беспокоюсь, скорее, за некоторую прослойку русской интелли-

генции, которая, по каким-то предрассудкам, пройдет мимо этого крупнейшего явления XX века. К сожалению, кто-то не понимает реальности, не имеет представления об иерархии духовных ценностей. Они-то и готовы пройти мимо, и даже, подобно крыловской москве, полаять на писателя. Ну, пусть себе лают...

— *Да, такая тенденция существует. И появляются сенсации типа: «приехал поздно... надо было раньше...»*

— Ответу словами Грибоедова: а судьбы кто?

— *Никита Алексеевич, ваша публицистика свидетельствует и о том, насколько вас волнует проблема нынешнего состояния русского православия и церковного возрождения. Вы писали об этом не один десяток лет, а сейчас можете непосредственно ощутить возникающие сегодня проблемы.*

— Главная и естественная проблема, определяющая церковное возрождение России, — поиск кадров, необходимых для соответствия колоссальным возможностям, имеющимся у церкви. В советское время она была буквально сдавлена, как может быть сдавлено легкое. Чтобы задышать полной грудью, занимаясь и проповедью, и учительством, и милосердием, пользоваться более широкой паству, необходимы люди. Остальные проблемы, я думаю, второстепенны. Возглавление церкви в лице Патриарха, на мой взгляд, находится сейчас в хороших руках. В лучших, какие возможны.

— *Ваши непосредственные встречи с духовными лицами как-то высвечивают указанную проблему?*

— И да, и нет. Разумеется, — и такое было, есть и будет — встречаются епископы, находящиеся не на уровне той высокой должности, которую они занимают. Но есть и очень много достойных епископов. Что касается среднего духовенства, то оно всегда несло основные тяготы повседневной церковной жизни. Это служение очень трудно...

— *Как бы вы оценили плодотворность контактов представителей Ватикана с россиянами?*

— Как один из инициаторов встречи, я чувствую, что такие контакты французской и русской глубинки очень

нужны. Я очень рад встрече двух провинций, двух традиций и уверен, что дипломатия сердца (по выражению Филиппа де Вилье) возможна и на этом уровне. А дипломатия сердца влечет за собой и конкретное сотрудничество. Все это позволяет по-новому взглянуть на исконные духовные ценности, сохранить примат духа над материальным, национальную самобытность — все то, против чего восстает современная цивилизация. Эти проблемы — общие и для Франции, и для ослабленной семидесятилетним владычеством интернационального коммунизма России. О всякой стране лучше судить не по столице, а по провинции.

— *Два года назад вы посетили Воронеж с выставкой издательства. Вспоминается ли тот визит?*

— Не могу забыть поездку в Дивногорье — поистине дивное, в чем-то даже мистическое место. Поразительный холм над тихим Доном... А сам Воронеж запомнился как живой и отзывчивый город. Самое сильное впечатление — мандельштамовский домик, «яма», где поэт, в свое время, «скользил к обледенелой водокачке...»

(Подготовил Лев Лазаренко)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКЦИИ «РУССКОЙ МЫСЛИ»

В постскриптуме главного редактора, Ирины Иловайской, к открытому письму мирян «Зарубежной (Карловацкой) Церкви» (Русская Мысль, № 4054, от 24—30 ноября) допущено возмутительное, голословное осуждение Русской Православной Церкви в целом.

«Авторы письма, — пишет И. Иловайская, — дают оценку достоинств Русской Православной Церкви, отнюдь не соответствующей тем качествам, которыми истинно обладает РПЦ в своей лучшей части». Тут волосы дыбом становятся: кто такой редактор «Русской Мысли», да и любой человек, чтобы судить глобально о качествах многомиллионной поместной Церкви, прошедшей небывалые во всей истории христианства гонения? Такая уничижительная оценка Церкви может исходить только от какого-то страстного недоброжелательства по отношению к Православию. Оно ослепляет редактора и в оценке печатаемого газетой письма. Письмо исходит от мирян «Зарубежной Карловацкой Церкви», обеспокоенных, что их юрисдикция, в лице иерархии, приносит возрождающейся Церкви в России не помощь, не содействие, а осуждение и раскол. В нем слышен голос христианской совести и церковного благоразумия. И. Иловайская почему-то (т. е. предвзято) видит в письме попытку «слить воедино идеологию двух церквей» и даже берет на себя смелость судить, что «христианство здесь не при чем», это «скорее создание единого блока реакционных сил, чем истинное объединение Церкви». Парадоксальным образом получается, что в своем суждении о Русской Православной Церкви И. Иловайская единодушна с возглавителями «Зарубежной» юрисдикции, т. е. с наиболее реакционной ее частью. Своими заявлениями она оказывает медвежью услугу своей, католической, Церкви. Естественно и закономерно мы все желаем, чтобы между Римской Церковью и Православными Церквами установились добрые, полные взаимного уважения и доверия отношения. Проявляя, и не в первый раз, такое недоброжелательство по отношению к РПЦ, не понимая мучений совести некоторой части мирян карловацкой юрисдикции (да и клириков, только те не смеют высказываться публично), И. Иловайская выступает продолжательницей той, казалось бы ушедшей в прошлое, тенденции в Римской Церкви, которая смотрит на Православие свысока, как на нечто неполноценное, требующее быть, для его же блага, присоединенным к Риму.

После заявлений главного редактора позволительно спросить: могут ли еще православные члены Редакции, в частности священник Московской Патриархии, участвовать в руководстве газетой, столь открыто антиправославной?

Никита Струве
1.XII.1994

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. *К 50-летию со дня кончины о. Сергия Булгакова* – Никита Струве 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

О монашестве – митр. Антоний Сурожский 5
О современном монашестве – игумен Игнатий (Крекшин) 19

■ к 50-летию со дня смерти прот. Сергия Булгакова

Неизвестная крымская статья о. Сергия Булгакова — публ. П. Николаенко ... 24
Ялтинский дневник — публ. и прим. Н. Струве 28
Журнал болезни о. Сергия Булгакова, который вела мать Феодосия 67
Из переписки (Письма к Л. и В. Зандер, о. А. Калашникову, Е.К. Калашниковой и матери Бландине Оболенской) 73

Последние воспоминания — Ю.Н. Рейтлингер (Публ. и комментарии Н. Портновой) 85

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Проза Лосева — А.А. Тахо-Годи 115
Переписка в комнате — А.Ф. Лосев 127
Пьеса А.А. Ахматовой «Пролог (Сон во сне)» — М.В. Толмачев (Нюрнберг) 132
Пролог (Сон во сне) — А. Ахматова 137

СУДЬБЫ РОССИИ

Мученики Шуйские (прот. Павел Светозаров, свящ. Иоанн Рождественский и мирянин Петр Языков) 179
Несколько штрихов к биографии профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки — Пузин Н.П. 205
Что такое Русская Православная Церковь за границей? — Александр Дворкин 217

ИМКА-Пресс и «Дни Вандей» на Тамбовщине 247

РУССКИЙ ПУТЬ

СОВМЕСТНОЕ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

109189, Москва, Николаямская ул., 1
 Тел./Факс: 915-36-18

- Продажа книг издательства ИМКА-Пресс
- Продажа книг российских издательств
- Распространение «Вестника» РХД

Магазин «Русского Пути» находится в левом крыле Библиотеки Иностранной Литературы

SOMMAIRE

Editorial : Pour le 50e anniversaire de la mort du Père
Serge Boulgakov - *Nikita Struve* 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Le monachisme - *Métropolitaine Antoine de Souroge* 5
Le monachisme aujourd'hui - *Higoumène Ignace
Krekchine* 19

■ pour le 50e anniversaire de la mort du Père
Serge Boulgakov

Science et religion - *P. Serge Boulgakov* 24
Journal de Crimée (1921-1922) - *P. Serge Boulgakov* 28
La dernière maladie du P. Serge - *Mère Théodosie* 67
Lettres inédites du P. Serge à L. et V. Zander, au Père
A. Kalachnikov et Mère Blandine Obolenski 73

◇ ◇ ◇

Ultimes souvenirs - *Sœur Jeanne Reitlinger* 85

LITTERATURE ET VIE

La prose d'Alexis Lossev - *A. Takho-Godi* 115
Correspondance à l'intérieur de ma chambre
- *A. Lossev* 127
A propos de la pièce d'A. Akhmatova "Le Prologue"
- *M. Tolmatchev* 132

DESTINEES DE LA RUSSIE

Les martyrs de Chouïa (P. Paul Svetozarov, P. Jean
Rojdestvenski, Pierre Iazykov) 179
Contribution à la biographie du prof. V. Voïno-Iasse-
netski (Mgr Luc) - *N. Pouzine* 205
Que représente l'Eglise russe dite "hors-frontières"?
- *A. Dvorkine* 217
◇ ◇ ◇
«YMCA-Press» en Russie 247

БИБЛИОТЕКИ «YMCA-PRESS» В РОССИИ

Программа устройства выставок и читальных залов по большим и малым городам России не может быть выполнена без помощи всех, кому дорога русская религиозно-философская и художественная традиция, расцветшая за рубежом и столь нужная теперь возрождающейся из-под развалин России. Каждая библиотека-читальня (больше 300 названий), подаренная городу, стоит 30.000 франков.

С 1990 по 1994 «YMCA-Press» устроила 30 библиотек по городам России, Эстонии и Украины...

Денежную помощь просим направлять по адресу:

«YMCA-Press», 11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève,
75005 Paris, France

или прямо переводом в банк с указанием «на библиотеки в России»

«YMCA-Press», Morgan Guaranty Trust Company, Paris,
(banque 30778 — guichet 00041)
N° compte : 097 300 L 1000/23

Всех заранее сердечно благодарим.

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель „ВЕСТНИКА“

Богословский А. Н.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291
129626 Москва

Подписная плата на 1995 год: 8500 рублей за 3 выпуска

ПРЕДСТАВИТЕЛИ « ВЕСТНИКА » на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701.

в Америке (East) :

Mrs T. Ertl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q. H2L 2R7

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)